DIGITAL SOUTH CAUCASUS COLLECTION

This pdf is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC), a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL) hosted by the Institute for the Study of the Ancient World Library at New York University.

- Creator: Pitskhelauri, K. / ფიცხელაური, კ. / Пицхелаури, К. Н.
- Title: Works Of Kakheti Archaeological expedition Volume III (East Georgia at the End of Bronze age) / კახეთის არქეოლოგიური ექსპედიციების შრომები ტომი III (აღმოსავლეთ საქართველო ბრინჯაოს ხანის დასასრულს) / Труды Кахетской Археологической Експедиции том III (Восочная Грузия в Конце Бронзово Века)
- Publication Date: 1979
- Publisher: Georgian National Academy of Sciences, GNM Archaeological Center
- Place of Publication: Tbilisi
- Collection: Digital South Caucasus Collection
- Collection ID: dscc_e91a264681

About

The Digital South Caucasus Collection (DSCC) is a collection in the Ancient World Digital Library (AWDL), a project of the Library of the Institute for the Study of the Ancient World (ISAW) at New York University in cooperation with the Georgian National Museum and the Institute of Archaeology and Ethnography in the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. AWDL's mission is to identify, collect, curate, and provide access to a broad range of scholarly materials relevant to the study of the ancient world. The ISAW library is responsible for curating the collection, clearing the rights as needed, preserving the digital copies in NYU's Faculty Digital Archive, creating high-quality metadata in order to maximize discoverability, and making the works accessible to the general scholarly public.

Rights

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from The Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy: http://dcaa.hosting.nyu.edu/dscc/takedown-notice.

К. Н. ПИЦХЕЛАУРИ

ВОСТОЧНАЯ ГРУЗИЯ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

‹ МЕЦНИЕРЕБА ›
1979

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
არქეოლოგიური კომისია
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ივ. ჯავახიშვილის სახ. ისტორიის, არქეოლოგიისა და ეთნოგრაფიის ინსტიტუტის არქეოლოგიური კვლევის ცენტრი
ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

კ. ფიცხელაური

აღმოსავლეთ საქართველო ბრინჯაოს ხანის დასასრულს

(კახეთის არქეოლოგიური ექსპედიციის შრომები)

III

K. N. PITSKHELAURY

EAST GEORGIA AT THE END OF BRONZE AGE

(Works of kakhety archeological expedition)

III

„მეცნიერება" — „METSNIEREBA"
თბილისი — TBILISI
1979

IVE.
3988

К. Н. ПИЦХЕЛАУРИ

ВОСТОЧНАЯ ГРУЗИЯ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Труды Кахетской археологической экспедиции

III

«МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1979

63.4 (2 г)
902.6 (47.922)
П 359

Книга посвящена исследованию материальной культуры Восточной Грузии во второй половине II тысячелетия до н. э.

При анализе археологического материала, наряду с известными, используются и новейшие данные, добытые автором при раскопках поселений, святилищ, мастерских и сотен погребений в Кахети.

На этой основе, в противовес укоренившемуся мнению, устанавливается непрерывность развития материальной культуры Восточной Грузии, начиная с эпохи средней бронзы вплоть до первых веков нашей эры. Определяются границы распространения отдельных культур, их взаимосвязь, этапы развития и хронология. Вносятся коррективы в хронологическую шкалу развития материальной культуры Восточной Грузии.

Далее, делается попытка с помощью грузинских письменных источников связать отдельные локальные варианты археологических культур с определенными единицами грузинского этнического субстрата и т. д.

Издание рассчитано на археологов, этнографов, студентов факультета истории и на всех, кто интересуется древней историей Грузии.

This book is devoted to the investigations of the East Georgian culture in the second part of II millenium B. C.

The author discusses the well-known archeological material and uses also all new discoveries made by himself during the excavations of sanctuaries, workshops, and a number of tombs in Kakhety.

Till the present times, there was a deep-rooted opinion among the archeologists that the evolution of the East Georgian culture was not permanent. But on the basis of new investigations, now it's proved that the development of the culture was not interrupted from the beginning of MB Age B. C. till up to the first centuries A. D. There are also determined the limits of diffusion of separate cultures, their intercommunication, stages of development and chronology in the book. Are made some changes in chronology scale of East Georgian culture development.

Further, there is an attempt to link separate local variants of archeological cultures by means of Georgian written records, with the definite units of Georgian ethnic substrata and so on.

The book will be useful for the archeologists and ethnographs, for the students of history faculties and for all of them, who is interested in the ancient history of Georgia.

П $\frac{10602}{\text{М } 607(06)-79}$ 244—79

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА», 1979

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние сорок лет грузинская советская археология достигла больших успехов, проявившихся как в накоплении материала, так и в его изучении, чему, безусловно, способствовала правильная планировка подготовки новых кадров. Последнее сделало возможным проведение широких археологических раскопок в разных уголках Грузии. В результате в поле зрения науки попали археологические памятники всех эпох — от палеолита до позднего феодализма включительно. В эти годы опубликовано множество фундаментальных исследований, решены не одна конкретная и общая проблемы.

В связи с широким размахом работ перед археологами возник целый ряд новых, значительных историко-археологических проблем, которые создали почву для их исследования и обобщения. В частности, изучение многочисленного и разнообразного археологического материала XV—VII вв. до н. э., добытого на территории Восточной Грузии и всего Центрального Закавказья, позволяет сделать весьма значительные и существенные, хотя пока предварительные, выводы.

Известно, что эпоха поздней бронзы — широкого освоения железа представляла собой один из важнейших периодов в древнейшей истории человечества. В это время произошли большие экономические и социально-политические сдвиги, что, естественно, нашло отражение в материальной культуре. Одним из важнейших моментов, характеризующих уровень развития производительных сил и производственных отношений этого времени, явилось открытие и освоение в Центральном Закавказье железа, революционное значение которого в развитии общества хорошо известно. В это же время здесь произошло третье большое разделение труда — окончательное отделение ремесла от земледелия и появление торговцев, т. е. полный распад первобытно-общинного строя. В совокупности все это составило основу для перехода к классовому обществу.

В исторической науке утвердилось мнение, что государственный институт на изучаемой территории возник на местной основе в середине первого тысячелетия до н. э., следовательно, рассматриваемый нами период непосредственно предшествовал этому событию, и поэтому именно здесь необходимо искать истоки зарождения и развития государства в Центральном Закавказье.

Однако, несмотря на столь важное значение указанного периода, до последнего времени не было единого мнения о характере материальных культур этого времени, их взаимоотношении, хронологическом подразделении и районировании. Фактически не была решена проблема выделения культур и их генезиса, вопрос этнической принадлежности и т. д.

В работе сделана попытка по мере возможности восполнить эти

пробелы в соответствии с современным уровнем археологической науки.

Ввиду большого объема материала, его разнообразия и сложности проблемы мы предполагали в основном ограничиться изучением памятников лишь Восточной Грузии. Однако, в процессе работы стало ясно, что хотя в этот период на территории Центрального Закавказья уже сформировались отдельные археологические культуры, по существу они представляли собой культуры единого круга, точнее разветвления, берущие начало из общей основы; в связи с этим возникла необходимость привлечения материалов из памятников всей этой обширной территории.

Важнейшим историческим источником для исследования служит археологический материал. Нами обработаны коллекции и случайные находки, хранящиеся в центральных и краеведческих музеях Грузии, Армении и Азербайджана, а также в центральных музеях Москвы и Ленинграда.

В связи с поставленными в работе проблемами в течение ряда лет проводились широкие полевые археологические исследования в Кахети, где, наряду с сотнями разведанных памятников, было раскопано пять поселений, три святилища, гончарная, металлургическая и литейная мастерские и многочисленные могильники (около трехсот грунтовых погребений и курганов).

Все хронологические группы эпохи поздней бронзы и железа (равно как и их наименования) до настоящего времени выделялись на основе данных обработки металла (А. А. Иессен, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе, Б. А. Куфтин, Р. М. Абрамишвили, А. А. Мартиросян и др.). В заключительной главе настоящей работы мы попытались для доказательства последовательного развития материальной культуры этого периода наряду с металлом использовать и другие, преимущественно глиняные, изделия.

В процессе исследования появилась настоятельная необходимость генетически связать между собой материалы эпохи средней и поздней бронзы и выделить связывающий их переходный период. В Восточной Грузии этот этап выделяется на основании керамики. Большая часть глиняных сосудов из подобных комплексов характеризуется многочисленными признаками, свойственными керамике эпохи средней бронзы и единичными, зачаточными признаками керамики эпохи поздней бронзы. Естественно, что в схеме развития материальной культуры хронологическое место переходного периода определяется между двумя указанными эпохами. Новый этап следует непосредственно за наиболее четко определенной датой конца эпохи средней бронзы — первой половиной XV в до н. э. В связи с этим пришлось омолодить датировку тех комплексов, которые до настоящего времени считались хронологически примыкающими к поздней ступени эпохи средней бронзы и были известны как памятники, относящиеся к ранней ступени эпохи поздней бронзы (комплексы с листовидным кинжальным клинком). Однако только такое омоложение указанных комплексов было бы необоснованным, т. к. непосредственно за памятниками выделенного нами этапа следует определенная часть комплексов с листовидным кинжальным клинком.

На основании вышеизложенного мы сочли необходимым выделить по материалам эпохи поздней бронзы Восточной Грузии три хронологических этапа.

1. Ранний, или первый этап эпохи поздней бронзы, характеризу-

ющийся формированием типичных признаков этого времени, но сохраняющий значительные черты, присущие эпохе средней бронзы.

2. Средний, или второй, этап, так сказать, классическая ступень в развитии этой эпохи, когда окончательно формируются характерные для нее признаки[1].

3. Последний (третий) этап эпохи поздней бронзы — раннего железа. На этом этапе начинается обработка железа, хотя продолжает господствовать металлургия бронзы. Одним из главнейших характерных признаков данного этапа является выделение микро-локальных вариантов материальной культуры.

Следующий этап представляет собой т. н. эпоху широкого освоения железа, главным признаком которой является окончательная победа металлургии железа [11]. В конце этого периода происходит нивелировка характерных черт локальных культур, существовавших на территории Восточной Грузии.

Итак, объектом нашего исследования является развитие материальной культуры Восточной Грузии в течение девяти веков с XV по VII вв. до н. э.

Несмотря на гористый характер местности, в Центральном Закавказье нет таких преград, которые можно было бы принять за естественную границу распространения материальной культуры. Установленные нами границы исследуемой территории не случайны и не произвольны, а обусловлены целым рядом причин и, в первую очередь, своеобразием памятников материальной культуры рассматриваемого времени, расположенных на этой территории.

Естественно, в данном случае исторические и, тем более, современные политические границы не являлись для нас исходными, т. к. использование этих границ при рассмотрении доантичного материала было бы искусственным, и в результате мы получили бы неверные выводы.

Основные задачи исследования заключаются в том, чтобы на базе изучения материальной культуры Восточной Грузии:

1. Восстановить ход исторического процесса, протекавшего здесь в это время.

2. Выяснить общую картину социально-экономического развития древнего населения Восточной Грузии, изучить его связи со смежными племенами и определить его место в окружающем мире.

3. Установить существование (или отсутствие) генетической связи памятников материальной культуры эпохи поздней бронзы на территории Восточной Грузии с предшествующими.

4. Выявить отдельные этапы развития эпохи поздней бронзы и железа.

5. Установить границы материальных культур и их локальных вариантов в рассматриваемое время.

6. Попытаться связать материальные культуры с отдельными этническими группами.

7. Опираясь на новейшие исследования, выработать общую хро-

---

[1] Вместе с другими исследователями (А. М. Апакидзе [1], О. М. Джапаридзе [2] и др). мы не можем разделить мнение Р. М. Абрамишвили [3] о появлении обработки железа в некоторых районах Восточной Грузии в XIV в. до н. э., в связи с тем, что это предложение в настоящее время не подтверждается документированными археологическими материалами.

нологическую шкалу для археологических памятников Восточной Грузии XV—VII вв. до н. э.

Безусловно, не все проблемы рассматриваются в исследовании с исчерпывающей полнотой. Иногда из-за малочисленности данных приходится довольствоваться лишь постановкой отдельных вопросов, не давая на них окончательного ответа, или высказывать только предположения. Тем не менее, для осуществления поставленной цели в работе максимально используются все материалы, позволяющие сделать ряд важных выводов и обобщений.

БЫТ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Основной задачей нашей работы является изучение истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э., в связи с этим необходимо прежде всего выяснить, где и как они жили, как производили предметы своего быта и пр., т. е. необходимо изучить весь цикл человеческой жизни. С этой целью нами были исследованы многочисленные жилища, мастерские, святилища, могильники, оставленные древнейшими обитателями края. В процессе изучения этих памятников оказалось возможным выяснить характер и уровень развития земледелия, скотоводства, домашних ремесел, металлургического производства, литейного и гончарного дел и др.

§ 1. ПОСЕЛЕНИЯ

Общеизвестно, какое большое значение для изучения жизни общества, хозяйства и быта населения, а также ряда других проблем социально-экономического характера имеет исследование древних поселений. Тем не менее долгое время в Закавказье археологические изыскания страдали известной односторонностью, изучались главным образом могильники эпохи поздней бронзы, исследование же поселений интересующего нас периода сильно отставало. Положение существенно изменилось за последние 30 лет, в особенности с начала 50-х годов. Хотя поселение эпохи поздней бронзы на территории Восточной Грузии в настоящее время с археологической точки зрения изучены еще недостаточно, проведенные крупномасштабные разведки уже дают возможность сделать ряд значительных обобщений, и выводов. Большая заслуга в этом отношении принадлежит разведочной экспедиции 1953 г. под руководством Н. А. Бердзенишвили, открывшей в окрестностях Рустави и близлежащих районах естественные холмы с искусственно измененными профилями (выровненные вершины, террасы, оборонительные рвы, земляные валы и пр.), содержавшие культурные слои. Эти холмы признаны поселениями и на основе их изучения была выработана общая точка зрения [4, с. 152]. С этого времени получил распространение введенный в научный обиход Н. А. Бердзенишвили термин «гора» (холм), обозначающий доантичное поселение. В настоящее время так называются все поселения, независимо от того, расположены они на холме или нет. Н. А. Бердзенишвили считал, что термин «гора» связан с социальным термином «гвари» (род), точнее, первый вытекает из второго [4, с. 171, 172] и что поселение на холме «гора» следует связывать только с первобытно-общинной формацией, ибо это явление было присуще только данному времени. Но к поселениям, продолжавшим существовать после

распада «гвари» как социальной единицы, этот термин, по его мнению, уже неприменим [5, с. 106].

Судя по большому количеству поселений и могильников (часто не связанных между собой), можно считать, что в эпоху поздней бронзы и широкого освоения железа Восточная Грузия была заселена довольно плотно. Поселения всегда создавались в соответствии и с учетом окружающей среды. Например, на южной равнине Восточной Грузии, в частности, в Квемо Картли, так же, как и в северных районах Армении [6, с. 45—48; 7] преобладают циклопические или просто каменные сооружения, свидетельствующие, в первую очередь, о наличии необходимого сырья или о соответствующих геоморфологических условиях на этой территории [8, с. 40—42; 9, с. 70—80; 10, с. 83—86; 11, с. 5,6; 12, 13, с. 8,9]. А в Шида Картли и Кахети, где население в эпоху поздней бронзы селилось на холмах, террасах или широких равнинах, создавались земляные оборонительные сооружения, но на некоторых из них встречаются остатки оборонительных стен из булыжника.

Д. Л. Мусхелишвили и Г. Г. Цкитишвили считают, что, хотя поселения на холмах устраивались, в первую очередь, в оборонительных целях, это было связано и с особенностями хозяйства. По мнению этих исследователей, появление поселений с оседлым населением на холмах было вызвано в первую очередь развитием земледелия. «...Если мы примем данное предположение, то в таком случае поселения на холмах должны были существовать и в неолите» [14, с. 188],—полагают авторы. Подобного же мнения придерживается и Я. А. Киквидзе, который появление поселений на холмах в Шида Картли также связывает с земледелием. По его мнению, обитатели этих холмов в эпоху ранней бронзы занимались неполивным земледелием. Он считает, что такое ведение сельского хозяйства постоянно нуждалось в новых площадях, т. к. почва быстро истощалась. Для увеличения площадей требовалась вырубка леса на больших пространствах, что способствовало усилению засушливости. Последнее же обстоятельство впоследствии заставляло население уходить в другие места. После овладения ирригацией (родник, ручей) люди начали возвращаться на старые места, которые вновь стали пригодными для земледелия. Как полагает Я. А. Киквидзе, это произошло в эпоху поздней бронзы [15, с. 31—34 и др.; 234, с. 101].

В отношении памятников Шида Картли такое объяснение, вероятно, верно и практически поселения на холмах в этом районе возникли уже в эпоху ранней бронзы, в период же средней бронзы они были покинуты (слои этого времени на них отсутствуют), а в эпоху поздней бронзы человек появился здесь вновь (следует отметить, однако, что такое явление характерно не для всей территории Восточной Грузии). Это не типично, например, для Иоро-Алазанского бассейна. Население Гаре Кахети селилось на холмах предгорной зоны южных склонов Цивигомборского хребта лишь с конца II тысячелетия до н. э. До этого люди жили на склонах гор в неукрепленных местах, однако одной из главнейших отраслей хозяйства обитателей этого района являлось именно земледелие (напр., поселение «Чалиан-хеви» «А»).

Поселения, обнаруженные в Шида Кахети в северо-западной части Алазанской долины, как в эпоху ранней и средней бронзы (Илто, Алаверди I и целый ряд подобных памятников на правом берегу Алазани), так и в эпоху поздней бронзы — раннего железа располага-

лись и на склонах гор, и в долине. Более того, в это время люди никогда не селились на холмах, хотя главной отраслью их хозяйства являлось земледелие, что подтверждается многочисленными данными.

И в юго-восточной части Алазанской долины, начиная с эпохи ранней бронзы до первой половины I тысячелетия до н. э., поселения обычно устраивались на равнине. В этот период население интенсивно занималось земледелием, что однако не вызвало необходимости создания поселений на укрепленных холмах.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что выводы, полученные на основании данных одного микрорайона, нельзя автоматически распространять на другие районы. Исторические памятники каждого отдельного района следует изучать с учетом окружающих условий. Для примера обратимся к Гаре Кахети. Поселения эпохи ранней, средней и ранней ступени эпохи поздней бронзы здесь не укреплены и расположены на склонах гор[2]. Но памятники второй половины II и первой половины I тысячелетия до н. э., хоть и встречаются иногда в зоне распространения ранних поселений, чаще всего расположены на невысоких холмах и количественно значительно превосходят более ранние памятники. Иногда холм настолько мал, что на нем невозможно построить более одного или двух помещений.

Возникает вопрос: чем объясняется такая разница между геоморфологией поселений, содержащих ранние слои, и поселений конца II тысячелетия до н. э. Для того, чтобы на него ответить, необходимо выяснить причину изменений топографий поселений. Как уже отмечалось, это не может быть объяснено только на примере холмов Шида Картли. В Кахети и ранее жили земледельческие племена, однако их поселения не устраивались на укрепленных холмах.

Одной из причин переноса поселений на укрепленные холмы в конце II тысячелетия до н. э. могло быть возникновение какой-то внешней угрозы. На это указывает и появление большого количества оружия в погребениях, тогда как в памятниках ранней ступени эпохи поздней бронзы оружие почти не встречается. В частности, судя по материалам святилищ Кахети (Мелигеле I) и Картли (Катнали-хеви), относящихся к этому периоду, оружие приносилось в жертву очень редко, и в основном это было оружие не боевого характера. На более поздних же святилищах (Мелаани, Мелигеле II — примерно конец II и начало I тысячелетий до н. э.) одним из важнейших жертвенных предметов становится оружие. По-видимому, в конце II тысячелетия до н. э. в жизни племен Восточной Грузии происходит перелом — мирный земледелец становится и воином. Не исключено, что это явилось определенным закавказским резонансом «эгейского вторжения» в Малую Азию в конце XIII в. до н. э., когда была уничтожена хеттская держава [16, с. 319]. Об этом, вероятно, свидетельствует появление в Закавказье в указанное время т. н. переднеазиатских кинжалов и «субмикенских» булавок. Возможно, вытесненные из Малой Азии племена двинулись в соседние страны (мы, однако, не беремся утверждать, что в Закавказье проникали именно малоазиатские племена).

Но одной только внешней опасностью нельзя объяснять возникновение укрепленных поселений. Если бы их появление было продик-

---

[2] Именно вследствие этого в Гаре Кахети трудно обнаружить следи поселений данного периода и локализовать их можно лишь с помощью обнаруженных могильников.

товано только этим, население не стало бы селиться на таких небольших холмах, а наоборот, возводило бы защитные сооружения вокруг уже существовавших крупных поселений. Население тогда стремилось бы к концентрации, а не сегментировалось бы. Поэтому, выясняя причины этого явления, главное внимание следует обратить на социально-экономическое развитие.

Как известно, в эпоху поздней бронзы происходит интенсивное разложение родового строя, когда «...углубляются имущественное или другие различия между членами общества (родовой общины) и, более того, различия между отдельными родами и племенами... Общество явно стоит на грани нового скачка — создания классового общества и государственных образований» [16, с. 28].

На этом этапе разложения первобытной общины из больших патриархальных семей выделяются мелкие индивидуальные семьи, которые представляют собой мелкие общественно-хозяйственные коллективы. Думается, что именно на этот процесс указывают изменения в топографии поселений Гаре Кахети[3]. До тех пор, пока население жило родами или патриархальными семьями, поселения принадлежали большим коллективам и были крупными и создавались в сравнительно незащищенных местах — на склонах гор и в долинах. С выделением мелких семей количество поселений резко возрастает и соответственно уменьшаются их размеры. Теперь отдельные семьи сами должны заботиться о своей безопасности, у них уже нет тех возможностей, которые имеют крупные коллективы, и им приходится селиться в более безопасных местах, которые обносятся оборонительными сооружениями[4].

На процесс разложения рода или большой семьи на более мелкие единицы, как на новое явление, указывает, по-видимому, и то, что в расположении холмов конца II и первой половины I тысячелетий до н. э. прослеживается определенная система. Примером являются поселения Гаре Кахети, которые располагаются группами и находятся на расстоянии не более нескольких сот метров друг от друга (напр., поселения у с. Чалаубани [37, табл. VII_2], Мелаани, на правом берегу р. Иори у сс. Красногорск и Иормуганло). Подобные поселения обычно устраивались на возвышенностях, с которых хорошо просматривались соседние поселения. Все это, безусловно, было продиктовано и необходимостью самозащиты. Появление такого рода поселений может свидетельствовать о родственных отношениях между жителями этих холмов.

Расположение поселений часто позволяет судить о характере хозяйственной деятельности населения. В эпоху поздней бронзы — раннего железа, например, обитатели Алазанской долины почти всегда селятся на равнине или в предгорной полосе, что свидетельствует о распространении здесь земледелия. О земледельческом характере хозяйства аборигенов в первую очередь свидетельствуют высящиеся здесь многочисленные «нацаргора» (зольные холмы), содержащие хронологически последовательные культурные слои от эпохи ранней

---

[3] В недавно изданной монографии Я. А. Киквидзе придерживается противоположного мнения [234, с. 105, 106].

[4] Естественно, в связи с увеличением семьи, площадь поселения приходилось увеличивать. Границы поселения расширялись и распространялись за пределы оборонительных сооружений.

бронзы вплоть до начала I тысячелетия до н. э. (подробнее об этих поселениях будет сказано ниже).

Я. А. Киквидзе считает, что, начиная с эпохи поздней бронзы до античного времени лучшая перспектива орошаемого земледелия сгруппировала население Восточной Грузии и, в частности, Шида Картли, в предгорной зоне [234, с. 87]. Горную же и большую часть низменных районов Восточной Грузии, где были лучшие пастбища, занимали в основном скотоводы. Правда, в это время, в Алазанском бассейне он видит преобладание земледелия, однако, отмечает, что местами прослеживается и скотоводство и лагодехские (Цители гореби) курганы приписывает скотоводам [234, с. 92, 107].

На основании новейших данных мы не видим оснований для подобного утверждения. Дело в том, что в 1977 году вблизи от этого курганного поля, на левом берегу р. Алазани, обнаружено поселение колоссальных размеров, где собран материал конца ранней бронзы, эпохи средней бронзы и всех ступеней эпохи поздней бронзы. Кроме этого, в большей части насыпи курганов раннего этапа эпохи поздней бронзы Цители гореби и вокруг них сотнями вскрыты грунтовые погребения последующего этапа эпохи поздней бронзы. Эти данные, безусловно, указывают на развитие в этом микрорайоне такого вида хозяйства, которое обусловило долгое проживание человека на одном и том же месте и, естественно, основой этому не могло служить только скотоводство. Тем более, что проживавшие здесь племена должны были иметь все условия для ведения неорошаемого земледелия. По нашему мнению здесь влажность почвы и климата должны исключить кризис неорошаемого земледелия, который мог быть естественным явлением для других регионов [234, с. 34]. Понятно, что мы не исключаем и того, что в хозяйстве этого населения скотоводство могло занимать немалое место. Одновременно, естественно, мы должны предполагать разную интенсивность этих отраслей хозяйства в различных микрорайонах.

На земледельческий характер населения верхнего течения р. Алазани в эпоху поздней бронзы, должны указывать обнаруженные здесь поселения и могильники. Например, на гулгулском могильнике зафиксировано шесть ярусов грунтовых погребений, которые почти полностью охватывают всю вторую половину II тысяч. до н. э. Естественно, им должны сопутствовать поселения, содержащие соответствующие слои. А сосредотачивание общества людей на одном и том же месте в течение длительного периода думается, может быть обусловлено лишь земледельческим характером хозяйства.

Жизнь населения Гаре Кахети в эпоху поздней бронзы-железа проходила в основном в предгорной полосе, в местах, которые и сейчас являются наиболее пригодными для ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Поселения западной части Кизики (современные Сигнахский и Цителцкаройский районы) по своему месторасположению отличались от поселений восточных районов. В западной части Кизики они располагались главным образом по ущельям, а в восточной — где имеются пригодные для земледелия низины (Диди Шираки, Патара Шираки, Зилича, Тарибана), люди селились на окружающих их холмах и горных склонах. Очевидно, каждая отдельная равнина принадлежала проживающему здесь населению и являлась основным местом их хозяйственной жизни.

Заслуживает внимания и вопрос о строительстве оборонительных

сооружений на холмах Шида Картли и Кахети. В Квемо Картли возведение укреплений на каждом отдельном поселении, вероятно, не было связано с большими трудностями. Они сооружались методом сухой кладки из камней средних размеров, поэтому процесс строительства не был особенно трудоемким. Однако создание оборонительных сооружений на поселениях Шида Картли и Кахети, расположенных на естественных холмах, требовало выполнения весьма значительного объема работ. Для примера возьмем раскопанное нами в Гаре Кахети поселение «Мочрили гора» [37, табл. I_2, II], окруженное глубоким рвом[5]. Внешняя сторона рва имела одну ступень и круто спускалась вниз. Внутренняя его стена, примыкающая к поселению, была пологой и ступеньками поднималась к плоской вершине холма [37, табл. III]. Конструкция оборонительного рва «Мочрили гора», как мы видим, свидетельствует о большом опыте строительства фортификационных сооружений (ступеньки во рву располагались таким образом, чтобы смотрящий со стороны поселения почти все время мог видеть нападающего, а нападающему очень трудно было бы взобраться на него. Более того, оказавшись на дне рва, он не был в состоянии угрожать обороняющимся, в то время как сам становился совершенно беззащитным).

Часть земли, выброшенной из рва, окружала поселения с внешней стороны, благодаря чему образовывался защитный вал. Большую же часть земли насыпали в центральной части поселения, увеличивая тем самым высоту холма почти на два метра и только после этого приступили к возведению на нем строений.

Известны случаи, когда для сооружения оборонительного вала земля бралась непосредственно с вершины холма. Это делалось в том случае, если сам холм имел большую высоту и можно было без ущерба уменьшить ее. Для укрепления «Мочрили гора» было использовано около 4000 кубических метров грунта. Подобные работы проводились на синхронных поселениях, расположенных в нескольких стах метрах от «Мочрили гора» («Рцхилис сери» и «Гареткис гора» [37, табл. VI, VII_1].

Итак, в Гаре Кахети велись земляные работы по укреплению поселений. Совершенно очевидно, что жители каждого отдельного поселения не могли вести их самостоятельно. Использование рабского труда здесь исключено, т. к. археологические памятники Восточной Грузии конца II тысячелетия до н. э. не дают никаких свидетельств о существовании этого института. Поэтому естественнее было бы предположить, что такие работы велись совместно с жителями соседних поселений.

Не менее важным является вопрос о том, когда и по какой причине люди оставляли свои поселения на холмах. Изученные в Гаре Кахети памятники позволяют в какой-то степени ответить на него. Раскопки верхнего «В» слоя поселения «Мочрили гора показали, что он был полностью уничтожен врагами. Это, на наш взгляд, подтверждается и находками на поселении т. н. «скифских» наконечников стрел [37, табл. V]. Такая же картина наблюдалась и на раскопанном в 1959 г. святилище в с. Мелаани, которое также было уничтожено. Здесь было обнаружено свыше десятка скифских двуперых ромбических наконечников стрел с шипом, находившихся в стороне от жерт-

[5] По-видимому конструктивно сходные оборонительные рвы имелись и на жилых холмах Шида Картли [4, с. 170, 172].

венных предметов [38, табл. XXVIII$_2$]. Найдены также стрелы без шипов и трехперые наконечники со втулкой. Все они литые. Семь наконечников, по-видимому, были отлиты в трехстворчатой форме, остальные — в двустворчатой. «Скифские» наконечники стрел из «Мочрили гора» в большинстве случаев также ромбические, двуперые, с шипом на втулке и отлиты в двухстворчатой форме. Два наконечника имеют трехгранную форму, один из них с шипом.

Как известно, примерно к VII в. до н. э. скифы проникли в Закавказье со стороны побережья Каспийского моря и через Дарьяльское ущелье [17; 18, с. 62; 19, с. 47, 48; и др.]. Можно предположить, что скифские наконечники стрел, обнаруженные в Мелаани, на «Мочрили гора» и в других пунктах Восточной Грузии попали туда в связи с вторжением скифов. На основании многочисленных аналогий они должны быть датированы рубежом VII—VI и началом VI вв. до н. э. [20, с. 30; табл. ЗДЕ, ХУ2А, XVIII4A, XXIA, 21, с. 38—49; 22, с. 119; 23, 40—45; 24, с. 100—103; 26, с. 129, табл. I$_{60}$]. Такое предположение вполне оправдано, т. к. еще в VIII в. до н. э. скифы появляются у границ Урарту и страны Мана, а в VII в. уже живут в южной части Урарту и играют большую роль в политической жизни Ближнего Востока [12, с. 44, рис. 41; 27, с. 188; 28, с. 17; 29, с. 86; 30; 31, с. 38—40; 32, с. 30].

Подобные наконечники обнаружены в большом количестве на соседней с Мелаани территории Азербайджана, в частности, в Мингечауре. По мнению ряда исследователей, эти стрелы были одним из основных видов оружия определенной части местного населения, т. к. они часто встречаются в погребениях (стрелы разной формы и разного возраста были обнаружены в одной трети грунтовых погребений, где покойники лежали на спине с вытянутыми конечностями). На этом основании предполагается их местное изготовление [33, с. 81—83, 87, 89, 92].

Думается, что данные, используемые упомянутым автором, позволяют сделать иной вывод. На Мингечаурском могильнике, начиная с эпохи ранней бронзы, фиксируются погребения, скорченных костяков, лежавших на боку. Подобные погребения широко распространены в эпоху поздней бронзы и железа, и лишь в одной части погребений VII—VI вв. до н. э. имеют место захоронения на спине в вытянутой позе. Эти погребения, как правило, принадлежат мужчинам. В погребении почти всегда в большом количестве встречаются бронзовые и железные скифские стрелы, зеркала и другой скифский инвентарь. Существенно, что подобные погребения сгруппированы в одной части могильника. В грунтовые могилы IV—II вв. до н. э., а затем и в кувшины (кувшинные погребения) покойников продолжают укладывать на бок в скорченном положении [34, с. 15, 16].

Таким образом, на Мингечаурском могильнике, начиная с эпохи ранней бронзы до начала новой эры, господствует один и тот же тип захоронения (скорченные костяки, лежащие на боку). Лишь в небольшой части могил VII—VI вв. до н. э. покойники лежали на спине в вытянутой позе. Следовательно, такой обряд захоронения был чужд местному населению, и эти погребения ему принадлежать не могли.

Подобный погребальный обряд хорошо известен в скифских памятниках [20, с. 61—87; 35, с. 131—199, рис. II$_2$; 36, с. 4, II, 81]. В погребениях с вытянутыми костяками, исследованных в Мингечаурском могильнике, обнаружен инвентарь явно не местного происхождения:

скифские наконечники стрел, зеркала и другие предметы скифского типа. Все это не позволяет согласиться с мнением Г. Н. Ионе о местном происхождении скифских стрел Мингечаурского могильника. Кроме того, предположение Г. Н. Ионе не подтверждается результатами спектрального анализа, свидетельствующими о том, что эти стрелы изготовлены не из местной бронзы (они содержат ряд микроэлементов, не характерных для азербайджанских медных руд [33, с. 93].

Стрелы из Мелаани и «Мочрили гора» также отличаются от встречающегося здесь местного материала. Скифские стрелы выглядят наиболее поздними из всех найденных в Мелаани предметов. Они ни разу не встречены в комплексе, в то время как большинстве т. н. восточно-кавказских наконечников стрел обнаружено в жертвенных комплексах (в глиняных сосудах или в специальных ямах).

По-видимому, скифские стрелы принадлежали врагам, разгромившим культовое место в Мелаани и уничтожившим поселение «Мочрили гора». Это подтверждается тем, что расположенные в том же микрорайоне одновременные с Мелаани святилища Мелигеле II и Арашенда уничтожены пожарищем. От пожара погибло и поселение «Мочрили гора», в верхнем слое которого обнаружены скифские наконечники стрел. О связях скифов с этой территорией должны свидетельствовать и их погребения в Мингечауре, а также отдельные могилы в с. Икалто (в тазовой кости одного из скелетов обнаружен скифский наконечник стрелы) и в Хашури (в позвонке покойника также найден застрявший наконечник стрелы скифского типа)[6].

Такое решение вопроса представляется наиболее правильным. Общеизвестно, что скифы (или воины, вооруженные скифским оружием) в этот период принимали участие в уничтожении многих городов Востока [39, с. 177; 29, с. 86, 87; 32, с. 38, 39; 40, с. 247]. Археологические данные подтверждают сообщения греческих авторов о маршрутах передвижения скифов в Закавказье. А это имеет огромное значение для изучения нашего древнего прошлого.

Разумеется, не все поселения и святилища Гаре Кахети были уничтожены подобным образом, но на всех памятниках, где найдены или не найдены скифские стрелы, жизнь с этого времени прекратилась. Во всяком случае, ни на одном из них слоев позднее VII в. до н. э. не обнаружено.

Массовый уход населения Гаре Кахети в конце VII в. до н. э. с жилых холмов был вызван, очевидно, не только нашествием врагов (хотя, безусловно, это имело немаловажное значение). Но причины этого явления пока установить трудно, т. к. не вполне ясно, где оседали люди в последующее время.

В Шида Картли жизнь на холмах продолжалась и во второй половине I тысячелетия до н. э. (поселение Ховле), но в некоторых районах она прекращалась несколько ранее (Цхинвальская Нацаргора и др.).

Совершенно иную картину мы встречаем на Алазанской долине. Как полагает Б. Б. Пиотровский, в начале II тысячелетия до н. э. развитие полукочевого скотоводства оторвало население от занятий

---

[6] Интересно отметить, что как на Алазанской долине, так и на левом берегу р. Иори за последнее время раскопано два погребения с типично «скифским» инвентарем и датируется IV в. до н. э. [236].

земледелием. В связи с этим оно стало перебираться в горы, вследствие чего в долинах началось постепенное «затухание» жизни, продолжавшееся почти целое тысячелетие [41, с. 6]. Д. Л. Мусхелишвили и Г. Г. Цкитишвили объясняют переселение в горы развитием бронзовой металлургии [14, с. 190—191]. Я. А. Киквидзе разделяет мнение Б. Б. Пиотровского, т. к. по его (Я. А. Киквидзе) наблюдению, «...в долинах Закавказья мы встречаем мало памятников эпохи средней бронзы, ибо уже с эпохи ранней бронзы в долинах затухает интенсивная жизнь и экономический центр перемещается в горы» [15, с. 14]. Однако в отличие от Б. Б. Пиотровского, он объясняет это явление «...низким уровнем хозяйства и, в частности, земледелия в энеолит-раннебронзовую эпохи и тяготением климата Восточного Закавказья к засушливости» [15, с. 16].

Как полагают Б. Б. Пиотровский и др. исследователи, население возвращается в долины в эпоху поздней бронзы. По предположению Я. А. Киквидзе, освоение оставленных в эпоху ранней бронзы долинных земель становится возможным лишь после ознакомления с ирригацией и создания ее систем, которые, по его мнению, появляются в Восточной Грузии именно в эпоху поздней бронзы [18, с. 31—34]. Действительно, памятники Восточной Грузии показывают, что огромные массы населения оставляют старые места в разные периоды бронзовой и железной эпох (например, западная часть Гаре Кахети).

54639

Для выяснения причин перемещения поселений и изменения хозяйственной жизни их обитателей чрезвычайно важны памятники Алазанской долины. Большинство поселений эпохи ранней бронзы в верхней (западной) части Алазанской долины встречается на правом берегу Алазани (Алаверди I, II и др.). Они перекрыты глиняными наносами трехметровой толщины. Здесь пока не встречены следы поселений эпохи средней бронзы, но уже довольно часты поселения и могильники эпохи поздней бронзы. Все это как будто позволяет распространить предположение Я. А. Киквидзе о кризисе земледелия в эпоху ранней бронзы и переходе в эпоху поздней бронзы к орошаемому земледелию, на долины, расположенные по верхнему течению р. Алазани. Однако, это положение не применимо по отношению к предгорным поселениям этого района.

Жизнь на поселении Илто, например, продолжается с эпохи ранней бронзы до начальных веков I тысячелетия до н. э. Здесь же обнаружены следы мощного селища феодальной эпохи и раскопано несколько погребений античного времени. Безусловно, столь длительное использование одного и того же места под поселение было вызвано какими-то особыми условиями.

Существование на одном и том же месте поселений ранней и средней бронзы привело Ш. Ш. Дедабришвили к выводу, что кризис земледелия в эпоху ранней бронзы не всегда вызывал перемену местожительства. По его мнению, на Илто это было связано с обилием земельных угодий вокруг поселения, что позволяло попеременно использовать земельные участки, избегая тем самым истощения почвы [42, с. 18].

В данном случае мы не вполне согласны с предположением Ш. Ш. Дедабришвили. Дело в том, что в этих местах Алазанская долина очень узка и пахотных земель здесь меньше, чем, скажем, в окрестностях ранне-бронзового поселения Алаверди, где обширные земельные площади дают большую возможность для маневрирования. Тем не менее на обнаруженном здесь поселении засвидетельствован

лишь слой эпохи ранней бронзы, а слой эпохи средней бронзы отсутствует. На наш взгляд, накопление разновременных слоев на поселении Илто должно было быть вызвано иными причинами. Вероятно, уже с начала эпохи ранней бронзы в этом микрорайоне существовала ирригация. В настоящее время земли одного из самых больших сел Панкисского ущелья, Матани (которые, вероятно, ранее представляли собой пахотные угодия поселения Илто), орошаются небольшим сельским каналом, который тянется из р. Илто на несколько сот метров. Проведение этого канала не представляло никакой трудности как для современного населения, можно думать, так и для жителей поселения Илто .

Вряд ли можно говорить о том, что древнее население не знало о пользе орошения. Поэтому есть все основания предполагать, что искусственное орошение уже с эпохи ранней бронзы существовало в тех районах Восточной Грузии, где сооружение каналов не было связано с трудоемкими земляными работами. Приведенный ниже пример подтверждает это предположение.

На восточной окраине правобережья р. Алазани, к востоку от дороги Цнори—Лагодехи, до конца Алазанской долины обнаружено около двадцати искусственных холмов. Подъемный материал датируется эпохой средней и поздней бронзы. На одном из этих холмов («Ткисболо гора» [37, табл. IX_1] нами была заложена разведочная траншея с целью выяснения стратиграфии поселения. Установлено, что основанное здесь в эпоху ранней бронзы поселение[8] просуществовало до первых веков I тысячелетия до нашей эры. На нем прослежено девять горизонтов. Особенно мощны слои эпохи средней бронзы и поздней бронзы, часть которых расположена ниже современного уровня Алазанской долины. Это свидетельствует о повышении ее уровня на несколько метров, по сравнению с эпохой ранней бронзы. Прибрежная часть нижнего течения Алазанской долины и сейчас затопляется во время наводнений; здесь оседает большое количество ила. Естественно, что в эпоху бронзы, когда уровень этой долины был намного ниже, такому затоплению подвергалась более значительная территория. Так, например, в районе могильника «Сатвалис цкали» (в 3 км к юго-востоку от с. Гулгула и в 3 км от берега р. Алазани на глубине 1,5 м от поверхности) зафиксирован однометровый слой алазанского ила, указывающий на крупные масштабы затопления[9]. В

---

[7] Я. А. Киквидзе поддерживает точку зрения Ш. Ш. Дедабришвили, ссылаясь на то, что орошаемому земледелию должен был соответствовать более мощный культурный слой эпохи средней бронзы, чем мы наблюдаем на этом поселении. Кроме этого, судя по современному микроклимату, орошение здесь не обязательно [234, с. 58].

Но дело в том, что насколько известно, поселение Илто до раскопок было почти полностью уничтожено, раскопана только часть сильно поврежденной самой нижней террасы а на этой основе, естественно, мы не можем определить мощность культурного слоя всего поселения.

Что касается современного микроклимата, то в настоящее время это один из самых засушливых районов края.

[8] Раннебронзовый слой этого поселения следует считать древнейшим условно, т. к. наша траншея не была доведена до материка, и не исключено, что ниже могут встретиться более ранние пласты.

[9] В настоящее время в результате действия Алазани и наносов из оврагов эти места стали настолько высоки, что р. Алазани уже не может их затопить.

результате такого действия воды нижние слои выявленных на правобережьи нижнего течения р. Алазани зольных холмов оказались в настоящее время погребенными.

Таким образом, обнаруженные нами почти два десятка поселений «нацаргора», содержащие слои эпохи средней бронзы, не подтверждают предположения, что в эпоху средней бронзы основная часть населения восточного Закавказья повсюду оставляет долины и устремляется в горы[10]. Во всяком случае, нельзя распространять это положение на население нижнего течения р. Алазани.

Но в связи с этим возникает вопрос: почему люди жили именно на этих поселениях в течение двух с половиной тысячелетий и что заставило их впоследствии покинуть эти места- Как известно, в верхнем течении Алазани обнаружены поселения эпохи ранней бронзы, которые в это же время были оставлены жителями. Раз в нижнем течении на правом берегу р. Алазани засвидетельствованы поселения с непрерывным культурным слоем, начиная с эпохи ранней бронзы и до античного времени, нужно думать, что здесь были отличные от верхнего течения условия для хозяйственной жизни, что дало человеку возможность продержаться здесь больше двух тысяч лет. На наш взгляд, как в предгорной зоне верхнего течения р. Алазани, так и здесь первым условием жизни должно было быть орошаемое земледелие [43]. Та территория, где были распространены поселения на зольных холмах, в настоящее время является одним из самых сухих мест с очень жарким климатом. В связи с этим летом жизнь здесь почти невозможна и уже с начала весны орошение является единственным живительным источником для произрастающих здесь сельскохозяйственных культур.

В рассматриваемое время эта территория могла орошаться водой, отведенной посредством канала из р. Алазани (тогда уровень правого берега Алазани был значительно ниже) или водами оврагов Иорского плато. О развитии орошаемого земледелия должна свидетельствовать и концентрация поселений в определенном микрорайоне Алазанской долины, а также мощность и непрерывность культурных напластований.

Итак, происхождение зольных холмов на территории нижнего течения р. Алазани можно связывать с развитием орошаемого земледелия[11].

Но почему эти места были покинуты людьми в конце II или в начале I тысячелетия до н. э.?[12] На наш взгляд, причина могла быть только одна: здешнее население лишилось той основы, которая спо-

[10] Кахетская археологическая экспедиция Института истории, археологии, и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, весной 1977 г. на левом берегу реки Алазани, в Лагодехском районе, около села Цители гореби (Красные горы), зафиксировала огромный жилой холм, где в подъемном материале есть типичная керамика как эпохи ранней, так и эпохи средней бронзы, т. н. триалетского типа, керамика эпохи поздней бронзы, античная керамика и материалы раннего феодализма.

[11] Следует отметить, что при изучении хозяйственной жизни выявленных в Квемо Картли искусственных многослойных холмов, датированных периодом раннеземледельческих культур, было высказано мнение, что в указанном микрорайоне должно было существовать орошаемое земледелие [44, с. 24; 45, с. 295; 16, с. 143].

[12] На поселении «Наомари гора», которое ближе всех к предгорной зоне, зафиксированы материалы и середины I тыс. до н. э. Здесь же обнаружены развалины огромного дворца ахеменидской эпохи.

собствовала развитию здесь земледелия — была нарушена ирригационная система, и люди были вынуждены устремиться на горные склоны[13].

Но в связи с этим возникает другой вопрос: чем было вызвано нарушение ирригационной системы, которая использовалась в течение десятков веков? Если бы она была уничтожена в результате нашествия врага, то впоследствии население восстановило бы ее, как это, вероятно, случалось не раз в течение двух тысяч лет, пока люди жили в этом микрорайоне Алазанской долины. Вероятно, произошло нечто чрезвычайное, чего нельзя было исправить. У нас нет оснований предполагать, что все жители зольных холмов были уничтожены врагами, ведь в последующее время люди живут на склонах гор, и их материальная культура генетически связана с предшествующей, следовательно, прекращение жизни на рассматриваемых поселениях нельзя объяснить нашествием врагов. По-видимому, холмы были добровольно оставлены вследствие нарушения ирригации, которая являлась основой хозяйства. По нашему мнению, причиной этого явилось изменение природных условий.

Выше не раз указывалось, что после эпохи ранней бронзы уровень правобережья Алазанской долины непрерывно повышался. Разница в уровнях (высотах) достигает 3—5 метров. Вследствие этого нижние слои «Нацаргора» оказались погребенными. Повышение уровня берега сделало невозможным проведение канала поблизости от холмов, в связи с чем в этом микрорайоне перестало развиваться орошаемое земледелие. Судя по материалам, полученным из траншеи «Ткис-боло гора» и подъемному материалу с близлежащих холмов, такое положение сложилось примерно в конце первой половины I тысячелетия до н. э.

Однако земли этого микрорайона могли орошаться не только алазанской водой. Как отмечалось выше, вполне допустимо, что для орошения могли использоваться воды, стекающие с Иорского плато («Диди оле», «Оле»). Правда, в настоящее время их не хватает для успешного развития орошаемого земледелия. Многочисленному населению, проживающему здесь в течение двух тысяч лет, для земледелия требовалась вся территория этого участка Алазанской долины. Топливом служили леса, произрастающие на склонах Иорского плато, которые люди непрерывно вырубали и уничтожали. Таким образом, если жители «Нацаргора» и использовали для орошения воды Иорского плато, то с течением времени они лишились бы и этой возможности, т. к. исчезновение воды неразрывно связано с уничтожением леса. Следствием всего этого явилось нарушение, а затем полное исчезновение возможности заниматься орошаемым земледелием в этом микрорайоне Алазанской долины.

Существует еще одна возможность, на основе которого можно объяснить одновременное исчезновение населения с этого микрорайона Алазанской долины. Как известно, вся эта территория, где расположены многослойные поселения, в настоящее время представляет собой засоленные земли, пригодные только для зимних пастбищ.

---

[13] Как известно, поселения, могильники и мастерские последующего времени (первая половина I тысячелетия до н. э.) располагаются вдоль склонов гор напротив зольных холмов (Карагаджи, Хирское советское хозяйство). Известно и то, что население здесь существует в эллинистическую эпоху (Коготосхеви) и позже.

Здесь проводятся работы огромной государственной важности по обезвоживанию почв и промывке засоленных гумусных слоев.

Как известно, засоление почв обычно происходит от избытка воды, т. е. неправильного режима орошения. Поэтому не исключена возможность, что орошаемое земледелие, которое было основой хозяйства местных племен в конце концов вызвало их переселение с этих мест.

Естественно, что все сказанное выше остается лишь плодом теоретических рассуждений, и будущие исследования внесут соответствующие коррективы в наши предположения. Изучение этих поселений имеет большое значение для археологии Грузии и является одной из основных задач дальнейшей работы Кахетской археологической экспедиции.

Строительная техника в отдельных микрорайонах Восточной Грузии также отличается разнообразием. Мы не располагаем пока достаточным материалом, позволяющим сделать окончательные выводы, и поэтому высказываем лишь некоторые предположения обобщающего характера.

Для Шида Картли в эпоху поздней бронзы характерны четырехугольные в плане полуземлянки. Задние стены зданий, углубленные в землю, возводились из рваного камня. Каменными были и те части боковых стен, которые уходили в землю. Перекрытие, очевидно, было плоским. Пол часто вымощен плоскими камнями. Жилые помещения в основном однокомнатные. На поселениях по всей территории Шида Картли (Ховле, Дигоми, Катналихеви, Мцхета и т. д.) этого времени мы встречаем одинаковые печи для выпечки хлеба. Этот факт, безусловно, является одним из показателей этнического единства населения данной территории. С этой точки зрения весьма значителен и тот факт, что во всех помещениях этих селищ однотипные печи и «жертвенники» всегда расположены в одних и тех же углах.

Жилища эпохи поздней бронзы-раннего железа в Гаре Кахети были наземными, поэтому они сохранились хуже, чем шидакартлийские. На «Мочрили гора» и «Рцхлис сери» обнаружены фундаменты небольших четырехугольных помещений, сооруженные из булыжника, выложенного на грязевом растворе. Стены, вероятно, строились из сырца или плетенки, обмазанной глиною; перекрытие было плоским. В Гаре Кахети ни разу не встречены характерные для Шида Картли печи для выпечки хлеба. Но здесь были широко распространены использовавшиеся для этой цели круглые ямы — «торне», облицованные плетенкой, обмазанной глиняным раствором.

На поселениях Гаре Кахети не встречаются хозяйственные постройки. Строения и ямы такого назначения обнаружены на поселениях «Саркдис гора» и «Рцхилис сери» за пределами оборонительных рвов.

На краю вершины холма «Мочрили гора» были обнаружены следы ограды, выложенной из камня. Следы фундаментов из булыжника были зафиксированы и на поселении «Похораулеби», находящемся в верхнем течении р. Алазани. Но, как показала разведочная траншея на «Ткисболо-гора», начиная с эпохи ранней бронзы, на территории нижнего течения Алазани основным строительным материалом служила глина. В 1976 г. на одном из этих поселений (Наомари гора) была найдена обмазка стен, раскрашенная в красный цвет, хотя трудно определить, к какому именно слою она принадлежит.

§ 2. МОГИЛЬНИКИ

Как известно, наиболее консервативными из всех обычаев являются обычаи, связанные с культом покойников. Существует весьма распространенная точка зрения, согласно которой для определенного круга населения в определенный период характерны определенная конструкция погребальных сооружений и погребальный обряд. Эти особенности можно использовать при решении целого ряда важных исторических проблем, таких как происхождение археологических культур и их локальных вариантов, этногенеза их носителей и др. [18, с. 178—179; 244; 46, с. 3]. Изучение материалов погребений дает возможность составить определенное представление о некоторых чертах духовной жизни человека.

В Восточной Грузии обнаружено огромное количество могильников эпохи поздней бронзы ((около ста). Некоторые из них с самого начала оказались в центре внимания исследователей и изучались в течение многих лет, но большая часть известна лишь по случайным находкам.

Прежде чем перейти к тем результатам, которые получены нами при исследовании обрядов погребения эпохи поздней бронзы и железа, мы хотим высказать свое отношение к уже существующим мнениям по этому вопросу.

В первом томе многотомной истории Грузии, вышедшем в 1970 году читаем: «...в Восточной Грузии в указанное время (речь идет об эпохе поздней бронзы и железа —К. П.) основным типом погребения являются подкурганные ямы и погребения, составленные из каменных плит. Покойников хоронили на одном из боков с согнутыми конечностями или в сидячем положении. Не исключено вторичное захоронение или существование обычая членения (Триалети). Подобные погребения и погребальные обычаи были распространены в это время на территории всего Закавказья и, как увидели, частично в районе распространения западногрузинской культуры. Заслуживает внимания то, что часто на одном могильнике или узко ограниченной территории встречаются различные обряды погребения. Это положение, очевидно, указывает на то, что ни обряд погребения, ни его тип, вопреки мнению некоторых исследователей, не имеют решающего значения при определении этнической принадлежности [16, с. 303, 304].

Как будет показано ниже, мы в принципе не согласны с этими выводами, т. к. на основе исследования конкретных памятников получаем иные результаты. При внимательном рассмотрении могильников становится очевидным, что каменные ящики абсолютно не характерны для Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа. В исследуемое время они встречаются лишь в пограничных районах материальной культуры, распространенной на территории Восточной Грузии, точнее они обнаружены на восьми могильниках — Гантиади, Дманиси, Бешташени, Чаирлари (Триалети), Мадинсчала, Цопи, Санта (местечко Маралин Дереси), Цинцкаро. Несколько сомнительно существование каменных ящиков в Атени, т. к. это зарегистрировано лишь в каталоге Государственного Музея Грузии. Поэтому нельзя считать каменные ящики характерными для материальной культуры Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа. Памятники Квемо Картли по типу погребений близки к памятникам Армении, где каменные ящики представляли собой наиболее распространенный тип погребальных сооружений [6, с. 48]. Некоторые исследо-

ватели считают, что культурное единство Квемо Картли и Армении традиционно, начиная со времен Куро-аракской культуры до эпохи поздней бронзы и железа включительно [48, с. 243; 237, с. 36].

В виде исключения каменные ящики встречаются и во внутренних районах исследуемого края, в частности, на Самтаврском могильнике, но это такая редкость, что здесь они могут считаться лишь случайным явлением. На Самтаврском могильнике каменные ящики распространены в эпоху средней бронзы, затем они изредка встречаются в погребениях первой половины I тысячелетия до н. э. По устному сообщению А. Н. Каландадзе, в Самтавро обнаружено всего три каменных ящика, датируемых этим временем.

Весьма интересен вопрос о курганных погребениях. В очерках по истории Грузии отмечено, что одним из ведущих типов погребений эпохи поздней бронзы и железа в Восточной Грузии являлись «грунтовые погребения под курганной насыпью». Трудно сказать, что подразумевается под этим определением, ибо для Восточной Грузии этого времени курганные погребения не характерны. Естественно, что все грунтовые погребения, находящиеся под насыпью, типологически относятся к курганной группе, однако грунтовую яму, перекрытую сверху насыпью, состоящей из грунта, выбранного из могилы, нельзя считать курганом. Общеизвестно, что курганами называются такие погребения, которые имеют насыпь, состоящую не только из земли (камня), вынутой из погребальной ямы, но и из земли или их смеси, принесенных со стороны.

Курганы с земляной или каменной насыпью характерны для Восточной Грузии в эпоху ранней и, в особенности, средней бронзы. Грунтовых погребений этого периода известно немного. Захоронения переходного периода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в основном представлены курганным типом погребения. Это, как правило, грунтовые ямы, расположенные под каменными или земляными насыпями (Земо Бодбе, Оле, Лило, Салоки Хеви)[14]. Но изредка в это время встречаются и грунтовые погребения (Илто, могильник «А» поселения «Наомари гора» на Алазанской долине и т. д.).

Таким образом, погребения переходного периода в основном представляют собой подкурганные грунтовые ямы и конструктивно связаны с погребениями эпохи средней бронзы.

Следует считаться с тем, что курганы переходного периода чаще всего встречаются вместе с немногочисленными погребениями позднего этапа эпохи средней бронзы (Оле, Лило, Ашурианская долина). Это положение, на наш взгляд, еще раз подчеркивает переходный характер этих комплексов, тем более, что, как увидим ниже, их инвентарь генетически связан как с более ранними, так с более поздними комплексами.

Курганные погребения широко распространены и на ранней ступени эпохи поздней бронзы (Грмагеле, Насадгомари, Гадрекили), Цители гореби (Ульяновка), Маднисчала, Чалиантхеви «А», Певреби и др.), но позже курганы почти полностью исчезают из Восточной Грузии. В эпоху поздней бронзы и железа в курганах изредка хоронили лишь знатных членов общества (Дигоми, Самтавро).

---

[14] Еще в 1966—1967 гг. З. Г. Шатберашвили отметил конструктивную связь погребения Салоки Хеви с погребениями эпохи средней бронзы, причем курганы Салоки Хеви он датировал ранним этапом эпохи поздней бронзы, а не переходным периодом от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы [49, с. 14].

Начиная с раннего этапа эпохи поздней бронзы, на могильниках Восточной Грузии преобладают грунтовые погребения. В эту эпоху над грунтовыми погребениями часто возводятся небольшие каменные насыпи (Каспи, Ховле, Нареквави, Гулгула) (Сатвалисцкали, Бакурцихе II, Мадинечала, Гостибе и др.), возможно, представляющие собой отголоски прежних традиций [50, с. 44; 51, с. 54; 52, с. 108].

Таким образом, как мы видим, можно проследить генетическую связь между конструкциями погребений эпохи ранней, средней и поздней бронзы[15], что становится очевидным, если рассматривать курганы как прототипы грунтовых погребений с небольшой каменной насыпью. Это ни в коей мере не относится к грунтовым погребениям без насыпей; здесь мы полностью поддерживаем точку зрения Н. Н. Тушишвили, который считает, что грунтовые погребения в эпоху ранней бронзы бытуют параллельно с курганами. В эпоху поздней бронзы число курганов в Восточной Грузии становится очень незначительным, а грунтовые погребения уже преобладают[16].

Такого рода погребения эпохи поздней бронзы и железа известны и за пределами Восточной Грузии (Армения — бассейн Севана, Азербайджан-Мингечаур, Варданлы, Казах, Нуха), но в большинстве случаев они встречаются в пограничных с Грузией районах. Внутри же этих областей грунтовые погребения, по сравнению с каменными ящиками и курганами, составляют незначительный процент. С другой стороны, характерные для этих районов погребальные сооружения (например, каменные ящики), как уже отмечалось, встречаются в Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа лишь в пограничных районах. В Азербайджане в это время преобладают погребения со скорченным костяком на боку, или, чаще, в сидячем положении. Обе позы умершего, особенно первая, типичны для погребений эпохи поздней бронзы и железа и на территории Армении.

Для северных, окраинных районов Восточной Грузии характерны иные типы погребений. В горных районах Юго-Осетии, например, в эпоху поздней бронзы были распространены каменные ящики, перекрытые каменными плитами; гробницы, сложенные методом сухой кладки; каменные ящики, перекрытые рваным камнем, и погребения с каменными насыпями. Эти погребения часто являлись коллективными; костяки в них лежали на боку с согнутыми конечностями или на спине в вытянутом положении. Последний тип захоронения характерен, для этого же периода на территории Северного Кавказа [54, с. 51; 55, с. 105, 106; 56, с. 2; 57, с. 52—57]. Примечательно, что материальная культура северных районов Восточной Грузии отличается от собственно восточно-грузинской и сближается с западной, се-

---

[15] Н. Н. Тушишвили считает, что бытование курганов на территории Закавказья с III тысячелетия до н. э. до эпохи поздней бронзы включительно позволяет генетически связывать культуры этих эпох [53].

[16] К ним относятся следующие могильники: Рвели, Халацани, Гомна, Ркинис кало (Трани), Надзаладеви, Чанкаани, Ахмета, Квасатали, Бешташени (нижний ярус), Норио, Кущи, Дигоми, Урбниси, Сакдрис гора, Чотори, Арашенда, Магаро, Алексаант куре (Нукриани), Сакарауло, Малхазовка, Гиоргицминда, Антоки, Патара Лило, Гадрекили, Олиебис мица, Кварелцкали, Гостибе, Тетрицклеби, Самтавро, Уплисцихе, Кистаури, Икалто, Хирса, Земо Авчала, Двани, Плависмани, Нули, Сабуртало, Архилоскало, Нареквави, Гочисцкаро, Чалианхеви (Нукриани), Муракеби (Алазанская долина), Кодисхеви (Арбошики) и др.

верной или северо-восточно-кавказской культурами [58, с. 163—178; 59, с. 162—178 и др.]. В Кахети (например, в с. Сакобиано), обнаружены погребения, конструктивно сближающиеся с северо-восточно-кавказскими: в инвентаре тех и других погребений также заметно сходство [60, с. 89—95].

В западных, пограничных с Восточной Грузией районах погребальные обряды и типы погребений почти не изучены, но уже сейчас можно говорить о существенных различиях между памятниками Восточной и Западной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа [16, с. 268—277].

На той территории Восточной Грузии, где смешаны разные типы погребений, — например, грунтовые погребения и каменные ящики, часто встречается также смешанный инвентарь и, несмотря на то, что в них преобладает восточно-грузинский материал, в достаточном количестве имеются изделия соседних культур (например, могильники Бешташени, Сакобиано). Но есть случаи, когда погребальный инвентарь больше похож на инвентарь соседних культур или полностью идентичен ему. Например, инвентарь каменных погребений Цинцкаро проявляет большое сходство и часто полностью идентичен материал обнаруженным в Ганджа-Карабахе и на Севанском плато [61. с. 21].

Распространенные в Восточной Грузии грунтовые погребения представляют собой захоронения в ямах, имеющих четырехугольную форму, иногда с закругленными углами; глубина ям достигает 1 м, ширина — 1 м, длина — 2 м, стены могилы отвесные.

В конструкциях грунтовых погребений встречаются незначительные различия. Некоторые из них перекрыты не бревнами, а каменными плитами (Мадинсчала, Гостибе, Самтавро и часть погребений Каспи). Другие могилы обложены камнями, расположенными в виде каменных кругов (Байбурт, Мадинсчала, Самтавро и др.). Иногда в грунтовых погребениях прослеживаются следы деревянных конструкций и облицовки стен деревом (Мадинсчала [62, с. 746; 78, с. 65, 66], Бешташени (южная часть погребения № 40) [63, 33], Дигоми [64 с. 69]). Традиция использования в погребениях деревянных конструкций была известна в Восточной Грузии издавна Самгори [39, с. 92], Бедени [65, с. 13—22], Алазанская долина [69, с. 25], Иорское ущелье (Диди сереби), но широкого распространения не получила.

Изредка на могильниках эпохи поздней бронзы и железа встречаются синхронные погребения разного типа. Например, в Цони, Бешташени, Гантиади, Мадинсчала были обнаружены и грунтовые погребения и каменные ящики. По-видимому, это связано с расположением данных могильников в пограничных районах, по соседству с которыми был распространен обряд захоронения в каменных ящиках; к тому же Триалети и Квемо Картли представляли собой прекрасные пастбища, куда с древнейших времен устремлялись жители других районов, и нет ничего удивительного в том, что здесь происходило слияние различных культур.

По существование на одном могильнике погребений разных типов могло быть вызвано и другими причинами: например, сменой материальной культуры на определенной территории (Цинцкаро, Сакобиано и др.), проявлением имущественного неравенства и т. д. Последнее подтверждается материалами Самтаврского могильника, где перекрытые каменными плитами грунтовые погребения и курганы со смешанными насыпями, в которых встречаются цельнолитые бронзо-

вые мечи, всегда богаты, а одновременные с ними простые грунтовые могилы содержат бедные захоронения.

Больше всего синхронных погребений различных типов известно на Мадиечальском могильнике. По мнению Н. Н. Тушишвили — «существование на Мадиечальском могильнике различных видов погребений следует считать отголоском существовавшей в то время имущественной и социальной дифференциации. Возможно, что в курганах хоронили вождей племени или наиболее выдающихся их представителей, в могилах с каменными кругами — представителями верхушки общества. В пользу этого свидетельствует их расположение на лучшем участке могильника и сравнительно богатый инвентарь погребений этого типа [62, с. 746][17]. В грунтовых погребениях обычно хоронили рядовых членов рода или племени. На это указывает то обстоятельство, что они располагаются на периферии могильника и содержат более бедный инвентарь, чем погребения, обложенные каменными кругами. На наш взгляд, автор вполне справедливо полагает, что на формирование различных погребальных типов определенное влияние оказали и межплеменные контакты [62, с. 747; 78, с. 84].

Если в эпоху средней бронзы на могильниках Восточной Грузии часто предполагают трупосожжения, то в эпоху поздней бронзы господствует обряд трупоположения. О пережитках кремации, возможно, свидетельствуют остатки золы, на которой покоился погребенный в кургане № 2 Земо Бодбе, или следы кострищ в некоторых погребениях Дигоми и др.

В Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа людей хоронили на левом (женщин) или на правом (мужчин) боку с согнутыми конечностями[18]. Иногда для стабилизации позы вокруг покойника укладывались камни[19]. В редких случаях предполагают захоронения в сидячей позе (Дманиси, Нули, Санта, Цницкаро, Земо Авчала, Самтавро), но аргументы, приведенные в пользу этого, пока недостаточны [68, с. 146—150, рис. 12, 13; 71, с. 205].

При изучении материалов могильника Тетрицклеби мы высказали предположение, что в некоторых грунтовых погребениях покойников хоронили в сидячей позе, т. к. один угол могилы был свободен от инвентаря, а перемешанные кости погребенного лежали прямо на глиняных сосудах [60, с. 101—105]. В последующие годы в Кахети был обнаружен целый ряд могил, в которых не было свободного пространства, а покойник лежал прямо на инвентаре. Совершенно очевидно, что и в этом случае после разложения трупа кости оказывались

---

[17] Н. Н. Тушишвили, как видно, разделяет мнение Р. М. Абрамишвили, высказанное им в 1959 г. в связи с изучением Цопского могильника. Р. М. Абрамишвили отмечает, что погребения с каменными кругами занимали на Цопском могильнике весьма узкое пространство, и высказывает предположение, что в этих погребениях хоронили знатных членов рода [66, с. 17, 18].

[18] Интересно сообщение А.Н. Каландадзе о том, что в раскопанных Жаком де Морганом погребениях Армении и в синхронных кобанских погребениях покойники обоего пола лежали на правом боку.

[19] Захоронение покойников на боку со скорченными конечностями распространено во всем мире и по-разному объясняется учеными. Одни думают, что покойнику придавалась поза спящего человека, другие же предполагают, что эта поза имитировала расположение плода в утробе матери, неся идею возрождения умершего [67, с. 42] и др.

в неестественном положении, т. к. погребальный инвентарь нарушал их анатомический порядок. В связи с этим мы высказали мнение, что не исключена возможность, что и на могильнике в Тетрицклеби была аналогичная картина [37, с. 79], т. е. покойника укладывали прямо на могильный инвентарь.

Находки Кахетской археологической экспедиции 1976 г. на могильнике Кодисхеви и Чалиантхеви, а также находки 1977 г. на могильнике Певреби, совершенно ясно указали, что в Иоро-Алазанском бассейне в эпоху поздней бронзы ни в сидячем положении и ни прямо на инвентаре покойников не хоронили. На вышеотмеченных могильниках было зафиксировано около двадцати случаев погребения покойников на деревянном ложе, которое стояло на четырех ножках, на высоте 0,60—0,70 метров от пола погребальной ямы. В яму, вернее на ее дно, в первую очередь укладывали весь погребальный инвентарь, включая целые туши заклапных животных, и только после этого в яму устанавливали деревянное ложе на четырех ножках, на котором в скорченном положении лежал покойник. Как правило, ложе и погребальная яма — одних и тех же размеров. Эта традиция в Грузии сохранялась долго, на что указывают находки серебряных обкладок ножек лож в погребении из Самадло, которое датируется III в. до н. э. [235, с. 71, 72, 75] и в погребениях (№ 1, 3, 6) II—III вв. Мцхета-Армазис хеви [233, с. 40—43, 67, 90, 91], Бори и др.

Деревянные ложа представлены в среднебронзовых погребениях Лчашена и в богатом погребении Кировокана. В Армении они встречаются в погребениях позднебронзовой эпохи и наиболее полно представлены в артикском могильнике [162, с. 95]. Существенно, что в Кахети они появляются в погребениях, синхронных артикским с идентичным материалом.

Погребение на спине в вытянутом положении засвидетельствовано в Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа только на двух могильниках — Мцхета (Самтавро, южный участок, погребения № 6, 126, 198, северный участок — погребение № 31) и Каспи. Этот обряд захоронения характерен для скифов и других северных племен, в Закавказье же в этот период он представляет собой исключительно редкое явление.

На могильниках Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа встречаются т. н. памятные погребения — кенотафы (Самтавро, Кистаури, Цопи, Гулгула, Бакурцихе, Насадгомари, Мелаани, Каспи и др.).

В Самтавро известны случаи вторичного захоронения, когда погибших на стороне или однажды уже похороненных погребали вторично. Р. М. Рамишвили считает, что на могильнике «Ркинис кало» существовал обряд вторичного захоронения, т. к. по его словам, во всех погребениях, за исключением нижнего яруса, кости покойника и инвентарь были перемешаны между собой [72, с. 19, 20]. Это предположение Р. М. Рамишвили вызывает возражения. На наш взгляд, мы имеем здесь дело не со вторичным захоронением, а с изменениями, вызванными рухнувшим деревянным перекрытием могил и упавшими в них камнями. Поза покойников нижнего яруса оставалась непотревоженной, поскольку здесь погребения устраивались на прочном материке, а все остальные — на каменных насыпях нижних могил. Поэтому нижние погребения сохранялись хорошо, а верхние, естественно, перемешивались (что ни в коем случае нельзя интерпретировать как вторичное захоронение).

Обычно на могильниках эпохи поздней бронзы и железа в Восточной Грузии преобладают индивидуальные захоронения, но изредка встречаются и коллективные. Например, в погребении № 12 Каспского могильника обнаружено парное захоронение, а в погребении № 14 предполагается жертвенное захоронение «раба» [73, с. 34, 35]. Нечеткость полевого исследования данного погребения не позволяет делать столь определенные выводы. Возможно, рядом с этим погребением существовало другое, поэтому вряд ли можно согласиться с тем, что в 14-м погребении захоронен «раб». На могильниках Кахети неоднократно встречаются погребения без инвентаря, но это не дает нам права считать их «рабами». Более того, сплошь и рядом известны случаи, когда грунтовые ямы располагались в такой близости друг от друга, что их контуры почти не улавливались. Вероятно, с таким фактом мы имеем дело и на Каспском могильнике. Непригодны в даном случае и параллели, приводимые М. В. Барамидзе, т. к. существование рабства на территории Восточной Грузии не может быть подкреплено существованием таковой в рамках другой археологической культуры.

А. Н. Каландадзе отмечает существование коллективных погребений на Самтаврском могильнике, где в одной могиле изредка встречаются два (погребение № 155), три, четыре и более покойника. В одной могиле было захоронено 33 человека. «Примечательно, — подчеркивает А. Н. Каландадзе, — что количество коллективных погребений возрастает послойно. Вместе с этим наблюдается неравномерность сопровождающего инвентаря у захороненных в одном погребении. Невозможно объяснить причины возникновения всех коллективных погребений. Возможно, некоторые парные захоронения принадлежали супругам, другие возникли в результате эпидемий (напр., погребение с 33 костяками) или в связи с социальным бедствием, а коллективные погребения, инвентарь которых ясно указывает на имущественное неравенство при жизни, можно приписать возникновению и развитию в среде здешнего населения семейного, патриархального рабства» [39, с. 165].

Считают, что парное захоронение известно, в Двани, однако, это предположение основано лишь на сообщениях местного населения о единственном разрушенном погребении, поэтому его нельзя считать достоверным.

Н. Н. Тушишвили полагает, что на перекрытии одного из курганов ранней ступени эпохи поздней бронзы был обнаружен скелет «забитого» камнями (ხაქლილი) человека, и этот факт, по его мнению, «...указывает на существование в ту пору зависимых лиц» [62, с. 746; 78; 75, с. 76]. На наш взгляд, вывод Н. Н. Тушишвили недостаточно аргументирован. Известны случаи устройства впускных погребений непосредственно над перекрытием основной могилы, и если насыпь кургана состоит из камня, то обрушившиеся впоследствии впускное погребение может провалиться так, что создается впечатление, о котором говорит Н. Н. Тушишвили (например, в XVI кургане Самтавро) [74, с. 30].

Ориентация покойников в погребениях эпохи поздней бронзы и железа не подчиняется строгим закономерностям, но какое-то определенное правило, очевидно, все же существовало. В Восточной Грузии ориентировка большинства погребенных колеблется между западом и севером. Заслуживает большого внимания, что в погребениях переходного периода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы

и в эпоху поздней бронзы и железа в Восточной Грузии сохраняется та же ориентировка головы, что и в эпоху средней бронзы. Возможно, этот факт, наряду с другими, указывает на этническую неизменность носителей этих материальных культур.

В эпоху поздней бронзы и железа покойники в большинстве случаев укладывались в центральной части погребения. Сопровождающий инвентарь обычно ставился в изголовье и в области груди, иногда располагался вокруг покойника и реже — в несколько ярусов. В некоторых могилах, несмотря на то, что сопровождавшие умершего многочисленные предметы были уложены друг на друга, встречались пустые места, где помещался, вероятно, не дошедший до нас деревянный инвентарь. Изредка в погребениях попадались зернотерки (в изголовье); известны случаи, когда покойник лежал на молотильной доске (Самтавро) [134].

В некоторых погребениях обнаружено до семидесяти глиняных сосудов и множество металлических предметов, в других — всего два-три. Встречаются погребения вообще без инвентаря (Сатвалисцкали, Кистаури, Гадрекили и др.). Все это указывает на имущественную дифференциацию общества того времени.

Почти во всех погребениях эпохи поздней бронзы и железа на территории Восточной Грузии найдены кости животных. Известны находки целых костяков мелкого или крупного рогатого скота, отдельных черепов и конечностей, иногда — того и другого. В горных районах чаще встречаются кости мелкого рогатого скота (Мелаани, Бакурцихе, Тетрицклеби и др.), а в низинах — крупного (могильники Гулгула I, II, Грмагеле, Кварелцкали, Муракеби и др.). Это зависело, очевидно, от того, какой скот был распространен в том или ином районе, или от имущественного и социального положения погребенного.

По мнению специалистов, встречающиеся в погребениях остеологические остатки являются отражением заботы близких о «потустороннем» существовании покойника или следами справлявшейся по нем тризны. Обычай класть в могилу только голову и конечности, очевидно, предполагал имитацию целого животного.

В некоторых случаях, наряду с костями домашних животных, встречаются кости диких. На Самтаврском могильнике, например, были обнаружены кости овцы, козы, свиньи, кабана, крупного рогатого скота, лошади, зайца, оленя, птиц и др. Известны находки костей собак и рыбы. На основании этих данных А. Н. Каландадзе установил, что динамика размножения домашних животных свидетельствует о возрастании количества овец в эпоху собственно раннего железа (по определению А. Н. Каландадзе, IX—VI вв. до н. э.), по сравнению с ранним этапом эпохи поздней бронзы, почти в 5 раз, свиньи — в 12, крупного рогатого скота — в 13, а лошади в 4 раза [39, с. 167]. Интересный факт отмечен в курганах №№ 1 и 2 в Земо Бодбе. Часть костей найденных здесь животных была покрыта обломками глиняных сосудов, а в северо-восточном углу погребения № 2 фрагментом глиняного сосуда были накрыты череп овцы и обломок обсидиана. Наличие обсидианового отщепа у костяка овцы зарегистрировано в курганах эпохи средней бронзы в Ашурианской долине. З. Г. Шатберашвили приводит и этнографические параллели ритуального заклания овец с помощью обсидианового «ножа». Аналогичные факты зафиксированы в Кахети Ш. Ш. Дедабришви-

ли на могильниках эпохи средней бронзы Швиндиани и Пурцелцкали. Подобный факт зафиксирован и в погребении переходного периода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы, что еще раз подчеркивает генетическую связь памятников этих эпох на территории Восточной Грузии.

Нарастание ярусов на могильниках является безусловным отражением смены культурных слоев на соответствующих им поселениях. В памятниках переходного периода, как правило, встречаются единичные погребения позднего этапа эпохи средней бронзы, в то время как могильники раннего этапа эпохи поздней бронзы топографически всегда отделены от могильников остальных периодов эпохи поздней бронзы и железа. Это явление связано с отмеченным выше перемещением поселений.

Невыясненным остается пока вопрос о взаиморасположении поселений и могильников эпохи средней бронзы и переходного периода к эпохе поздней бронзы, т. к. до сих пор не удалось обнаружить вместе эти два органически связанных между собой памятника. Зато совместно открыто немало одновременных поселений и могильников последующего времени вплоть до античной эпохи (Сакдрис гора, Рцхилис сери, Тинис сери, Ткисболо-гора, Ховле, «Певребис бало», Бежитаант (Махарикаант) гора, поселения и могильники Чалиантхеви (Ванисцкали) и др.).

Могильники на этих памятниках располагаются примерно в 200—300 метрах от поселения и, как правило, лежат ниже их уровня, преимущественно на ровных местах. Часто могильники тянутся вдоль берегов речек (Гулгула, Сатвалисцкали, Хирса, Гадрекили (Насадгомари) и в течение долгого времени занимают строго ограниченную территорию. Об этом свидетельствует расположение погребений ярусами на многих могильниках (Самтавро, Хирса, Гулгула, Мелаани, Гадрекили, Чалиантхеви-могильники «А» и «С», Певреби и др.) даже тогда, когда они находились на равнинах, где имелась возможность постоянного увеличения площади могильного поля.

На могильниках Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа четко выделяются отдельные участки. Мадиисчальский могильник, например, по мнению Н. Н. Тушишвили, представляет собой единственный памятник, где выделены участки с погребениями женщин и детей [78, с. 69]. На могильниках Тетрицклеби и Кварелцкали, на небольшом пространстве обнаружены только мужские погребения с мечами и богатым инвентарем. Аналогичную картину можно наблюдать на могильниках Самтавро и Мадиисчала. Групповое расположение могил, которые хронологически и типологически отличаются друг от друга, отмечено и в Ховле. Шесть погребений VIII—VII вв. до н. э. Хирского могильника располагались в ряд по линии запад-восток, находясь на расстоянии 1 м друг от друга и в то же время в стороне от других погребений[20]. Можно допустить, что на могильниках могли существовать участки с погребениями отдельного рода или семьи.

На различные ритуалы, совершаемые после погребения, указывают многие факты, отмеченные на могильниках Восточной Грузии. Наиболее частый из них — захоронение глиняного сосуда на пе-

[20] На Северном Кавказе обнаружены погребения, расположенные между каменными рядами [57, с. 54—55]. Сходная картина зафиксирована и на других могильниках [см., напр., 75, с. 32].

рекрытии погребения Земо Бодбе (Кварелцкали, Самтавро [76, с. 56], Гулгула, Гантиади [48, с. 233], курган № 1 Ульяновки [7, с. 30], Цинцкаро [63] и др.). Во всех случаях эти сосуды аналогичны сосудам из погребений и одновременны с ними.

Среди погребений эпохи поздней бронзы и железа на территории Восточной Грузии лишь изредка встречаются ограбленные. Это, вероятно, можно объяснить тем, что, в отличие от эпохи средней бронзы, в инвентаре позднебронзовых погребений не было изделий из драгоценных металлов и лишь в редких случаях грабителей прельщали бронзовые или железные предметы. Погребения грабились еще до того, как обрушивались перекрытия. Такая картина наблюдалась в Насадгомари (Гадрекили), Рцхилис сери (Чалаубани), Певреби (около сел. Мелаани). Была ограблена и часть каменных ящиков Бешташени.

Итак, на основании археологического материала, связанного с обрядом погребения, можно проследить за целым рядом обычаев населения эпохи поздней бронзы и железа. Эти данные позволяют восстановить представления человека того времени о «потусторонней» жизни. Укладывая в могилу вместе с покойником многочисленные предметы домашнего обихода, оружие, пищу и т. п., люди верили в продолжение жизни в загробном мире, где все это столь же необходимо, как и при жизни.

Как мы увидим ниже, именно погребальный инвентарь представляет собой ценнейший материал для исследования хронологии и выделения локальных групп материальной культуры. Типы и обряды погребений оказывают определенную помощь и в изучении таких кардинальных вопросов, как генезис материальной культуры, установление границ расселения родственных племен и др.

Материалы могильников являются ценным источником для исследования социально-экономических вопросов, они позволяют судить об уровне развития скотоводства, земледелия и различных отраслей домашнего ремесла, о социальной и имущественной дифференциации внутри общества и т. д.

На могильниках так четко выделяются и датируются культурные слои соответствующих им поселений, что не располагая материалами последних, можно составить предварительное мнение об их топографии, интенсивности культурных слоев, хронологии и многом другом.

§ 3. МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА

Изучение металлургии на том или ином этапе ее развития только на основании литейной продукции, без учета всего цикла производства, было бы односторонним. Однако, долгое время исследователи были вынуждены изучать металлургию Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы именно по материалам ее продукции, поскольку в этой части Грузии найдены лишь единичные литейные формы, да и то не на месте производства, а на поселениях [39, с. 218, табл. XIX; 78, с. 7, рис. I] или в культовых местах [79, с. 254—265, табл. XVI_2, $XVII_{3,5}$; 80, 94, табл. $XXXII_{1,2}$]. Кроме того, известно одно погребение ремесленника [48; 81, с. 506—509].

До последнего времени в Восточной Грузии была обнаружена лишь одна мастерская эпохи бронзы с. Цагвери [82, с. 301; 83, с. 140—141; 84, с. 173—174; 85, с. 10; 86; 39, с. 218]. К сожалению, не-

смотря на то, что она была открыта в результате археологических раскопок, мы располагаем лишь скупыми записями в инвентарной книге Государственного исторического музея в Москве и единичными предметами, хранящимися там же (инв. № 50993—50995).

Из записей в инвентарной книге выясняется, что раскопанный В. А. Городцовым в 1911 г. памятник около Цагвери имел три слоя. Мастерская находилась, очевидно, в третьем, нижнем, слом. Здесь были обнаружены четыре глиняные литейные формы, обломки глиняных тиглей, металлический шлак, фрагменты бронзовых изделий, обсидиановые наконечники стрел с выемкой в основании, большая андезитовая ступка, обломки сопла и др.[21] По мнению Г. К. Ниорадзе, материалы, обнаруженные в Цагвери, указывают на то, что в этой мастерской из руды получали медь и отливали различные медно-бронзовые предметы. А. А. Иессен в своей известной работе о кавказской бронзовой металлургии отнес цагверскую мастерскую к эпохе поздней бронзы [83, с. 140—141].

После этого на территории Восточной Грузии не встречалось мастерских столь раннего времени. Естественно, что на основании таких скудных данных почти невозможно было составить более или менее удовлетворительное представление о самом производстве. В связи с этим чрезвычайно важное значение приобретают материалы обнаруженной в Квемо Кеди (Ширакская степь) мастерской несколько более поздней, чем цагверская. Нами была исследована лишь небольшая часть мастерской. Несмотря на это, как мы увидим ниже, она дала основание более убедительно говорить о высоком уровне развития металлургического производства в Восточной Грузии в первой половине I тысячелетия до н. э.

Территория мастерской тянулась вдоль Иорского плато на 150—300 м, занимала площадь в несколько гектаров и имела небольшой уклон с севера на юг. Здесь раскопана площадь в 1100 кв. м[22]. Культурный слой мощностью в 0,70 м представлял собой смесь глины с золой и углем. Непосредственно под ним лежал материк, в котором располагались помещения мастерской. Обнаружены как отдельные помещения, так и их группы — комплексы [37, табл X_2]. Поверхность грунта вокруг них была утрамбована. Все ямы и помещения были сводчатыми и имели округлую в плане форму. Размеры помещений различны. Глубина их колеблется от 0,20 до 2,30 м, а диаметр — от 1 до 2 м. Печи, по-видимому, быстро выходили из строя, и для них приходилось сооружать новые комплексы. Отходы производства сбрасывались в старые помещения (они заполнены золой и углем). Хорошо сохранились дверные проемы, ступени, своды и др. Некоторые ямы были заполнены глиной. Если учесть, что множество вспомогательных орудий, необходимых, в металлургическом производстве, изготовлялось на месте из глины, то можно предположить, что эти ямы служили для старения глины.

---

[21] Материал проведен под номером 50995 и содержит 105 единиц.

[22] Ввиду того, что на памятнике проведены небольшие работы, ряд предположений носит предварительный характер и будет уточнен во время последующих раскопок.

Мастерская обнаружена при выемке котлована для нового здания школы. При этих работах было найдено 40 бронзовых мечей [37, табл. XI] конца II и начала I тыс. до н. э. в большом глиняном сосуде середины I тыс. до н. э. Как видно, мечи эти были подготовлены для переплавки.

Помимо отдельных ям, на территории мастерской было раскопано восемь комплексов. Часть из них полностью помещалась в земле, другие были углублены в землю лишь наполовину и имели, вероятно, деревянное перекрытие. На полу во всех помещениях обнаружены расположенные в один ряд ямки от опорных столбов перекрытия. Такие же ямки были зачищены и вдоль стен, по обеим сторонам от центрального опорного столба. Такое расположение опорных столбов позволяет предполагать, что перекрытие было двускатным.

Указанные комплексы состояли из разного количества связанных между собой помещений; прослеживались различия и в их планировке. Все вспомогательные помещения были связаны с центральным, в котором располагалась печь.

В комплексах II—IV обнаружены остатки днищ печей [37, табл. XI, XII]. Все помещения представляли собой суживающиеся кверху, круглые в плане ямы. Западное помещение IV комплекса было перегорожено стенкой из булыжника [37, табл. XII_1]. В его западной части находилась печь, а восточная представляла собой топку. В середине каменной стенки, на уровне днища печи, имелся небольшой проем, который, вероятно, использовался для вставки поддувала. В центре четырехугольная возвышенная площадка. Первый слой облицовки этой площадки и стенок печи состоял из смеси глины с золой (как известно, эта смесь имеет наилучшие огнеупорные качества [87, 360, 369, 467], затем стенки печи оштукатуривались глиной, смешанной с соломой.

Недостаточность данных не позволяет говорить о конструкции самих печей, хотя можно предположить, что они возводились из обожженной смеси глины с соломой. Обнаруженные на днищах печей обломки глиняных тиглей [37, табл. XIV_1] с приставшим тонким слоем бронзы указывают на их назначение. В расположении печей прослеживалась определенная закономерность: комплексы с печами строились в северной части мастерской, ближе к краю Иорского плато, а комплексы иного назначения — в южной.

В результате раскопок было обнаружено большое количество предметов разного назначения, часть из которых бесспорно свидетельствует о металлургическом производстве, например, многочисленные известняковые, туфогенопесчаниковые, мелкозернистые парфоритовые камни различных размеров (диаметр от 10,4 до 4 см), бока которых тщательно отполированы, а на других имеется узкий оббитый поясок. Некоторые ученые считают, что эти камни использовались для растирания руды; по мнению других (Ф. Н. Тавадзе) они закладывались в шаровую мельницу вместе с рудой для ее дробления, на что указывает «поясная» обработка поверхности камней. Если это предположение подтвердится, можно будет говорить о том, что в это время уже имел место значительный технический прогресс, который произошел здесь раньше, чем в других передовых странах. Для растирания руды должны были служить обнаруженные на памятнике многочисленные песты и крупные терочники.

На существование в Квемо Кеди мастерской указывают также каменные и глиняные литейные формы, просверленные камни с залитым в них металлом, глиняные сита [37, табл. XIV_2] с отверстиями разных размеров, подставки различных форм, костяная ложка, служившая, вероятно, льячкой и т. п. К производству металла должна относиться сходные с роговидными подставками большие глиня-

ные предметы на высокой ножке с желобками на поверхности. На них хорошо видны следы огня и подтеки. Большого внимания заслуживают обнаруженные здесь обломки муфеля [37, табл. XVI_1]. Квемокедский муфель имеет полусферическую, суженную к концу форму, с многочисленными отверстиями в верхней части для выхода газа из кипящего металла. Муфели изготовлены из тончайшей глины и прекрасно обожжены. Существенно, что диаметр муфеля (около 15 см) несколько превышает диаметр обнаруженных здесь же тиглей.

Итак, на основании приведенных данных можно полагать, что на территории квемокедской мастерской осуществлялось несколько технологических процессов, в частности, получение металла из технически обогащенной руды, а также изготовление и литье металлических предметов. По-видимому, производство снабжалось местным топливом, водой и глиной. Топливом служил, вероятно, древесный уголь, на что указывает большое количество золы. Не исключено, на наш взгляд, что керамические изделия производились самими ремесленниками, тем более, что на территории мастерской было обнаружено несколько ям для старения глины.

Наиболее острым является вопрос о снабжении мастерской производственным сырьем.

Было высказано множество предположений [89, с. 193—194; 90, с. 53, 54, 70; 91, с. 201—208; 92, с. 42—43; 93, с. 237—238] по поводу существования и потребления в Закавказье в эпоху поздней бронзы олова — одного из главных компонентов бронзы. В настоящее время считается, что в эпоху поздней бронзы олово привозилось из других стран, так как в Закавказье его месторождений почти нет, а те, что есть, не имеют промышленного значения [88, с. 244—248]. Вероятно, и квемокедская мастерская пользовалась привозным оловом. Как известно, в Грузии вместо олова употреблялись сурьма и мышьяк (подробно см. 38, с. 17—19), хотя в интересующее нас время использовалось преимущественно олово [90, с. 50; 92, с. 46, 49, 50, 82, 87].

Естественно, что отсутствие в Шираки и его окрестностях местных руд позволяет считать, что и медная руда привозилась из других районов (правда, предстоит еще выяснить, доставлялась она в виде слитков или технически обогащенной руды).

А. А. Иессен считал, что на существование развитой металлургии в эпоху поздней бронзы в Западной Грузии указывают многочисленные клады литейщиков [83, с. 117]. Как известно, на территории Восточной Грузии, за исключением ее западных районов, такие клады не известны, но это не означает, что бронзовая металлургия здесь не была развита. Дело в том, что на западе и на востоке существовала различная организация труда. По-видимому, в литейные мастерские Западной Грузии, расположенные около поселений, медные слитки поступали из высокогорных рудоносных районов, где происходила плавка руды. А в Восточном Закавказье рудоплавильные и литейные мастерские располагались бок о бок. Это может служить еще одним подтверждением того, что в указанную эпоху на территории Иоро-Алазанского бассейна технически обогащенная руда перевозилась из рудоносных районов к металлургическим мастерским.

Древние меднорудные выработки в Восточной Грузии еще недостаточно изучены, однако уже сейчас можно предполагать, что обогащенные руды привозились в Квемо Кеди не издалека.

На территории Кавказа известно большое количество меднорудн-

ных месторождений, среди которых имеется один из 13 районов, — белокано-кахетский. Месторождения кахетской подпровинции располагаются вдоль южного склона Кавказского хребта от Панкисского ущелья до границы с Азербайджаном. В кахетских рудах преобладает пиротин, а сфалерит и галенит вообще отсутствуют или присутствует в весьма незначительном количестве [подробнее см. 83; 94; 95; 96].

Вполне возможно, что медную руду в Квемо Кеди доставляли с южных склонов Кавказского хребта через Алазанскую долину. Будущие широкие разведочные работы в зоне меднорудных месторождений помогут разрешить эту важную проблему.

Большое значение имеет и вопрос о транспортировке руды. Как известно, лошадь в Закавказье широко распространяется с конца II тысячелетия до н. э. Судя по раскопкам в Квемо Кеди, лошадь в это время играла особую роль. Здесь было засвидетельствовано жертвоприношение на месте бывшей печи: обнаружены лошадиный череп и кости ног, фрагменты статуэтки взнузданной лошади, огромное количество глиняных колесиков и т. д. По-видимому, технически обогащенная руда доставлялась в Квемо Кеди на лошадях. В то время это могло удовлетворить спрос мастерской любого масштаба.

Помимо указанного материала, в Квемо Кеди обнаружено большое количество глиняных сосудов, среди которых преобладают квеври (пифосы). Это легко объясняется тем, что для металлургического производства в большом количестве требовалась вода, которая хранилась в этих сосудах. Примечательно, что на многих глиняных сосудах имеются знаки мастеров [37, табл. XVI_2], чего вообще не наблюдалось в предшествующее время.

Обнаруженные на территории мастерской глиняные сосуды имеют лощеную поверхность. Начинают появляться формы глиняных сосудов античного времени, хотя, по-прежнему весьма часты и элементы керамики эпохи поздней бронзы [37, табл. XVII—XIX]. По-видимому, в этот период уже распространяется обычай красного обжига керамики. Формы и орнаментация сосудов красного обжига часто повторяют формы и орнаментацию более ранней керамики. На поздний возраст памятника указывает и обнаруженная здесь пиала красного обжига [37, табл. XX_2], которая, судя по параллельному материалу, позволяет датировать верхний рубеж мастерской VI—V вв. до н. э. Вообще, керамика Квемо Кеди весьма однообразна, и датировать ее в широких рамках невозможно. С хронологической точки зрения, диссонанс вносят сорок бронзовых мечей, обнаруженных здесь в квеври, одновременном с остальной керамикой. Находка столь ранних мечей на памятнике середины I тысячелетия до н. э. остается пока необъяснимым явлением. Как уже отмечено, не исключена возможность, что они предназначались для переплавки, но присутствие такого количества бронзовых мечей конца II и начала I тысячелетия до н. э. на памятнике середины I тысячелетия до н. э. все же трудно объяснить.

Нигде на раскопанной в Квемо Кеди территории не было обнаружено признаков жилья. Очевидно, здесь находился специализированный производственный участок.

По всей вероятности, неподалеку от такого грандиозного ремесленного участка, каким была квемокедская мастерская, должно было существовать крупное поселение. Но материал, аналогичный квемокедскому, встречается сравнительно далеко, на расстоянии 6 км

от этого места, к югу от с. Архилоскало, на Ширакской равнине, на двух больших, стоящих рядом холмах («Цискараант гора»).

Середина I тысячелетия до н. э. считается в Иберии периодом возникновения поселений городского типа [16, с. 624]. Судя по масштабам, указанные холмы могли являться поселениями такого типа. Хотя вряд ли можно принять квемокедскую мастерскую за ремесленый участок этого поселения, ибо они находятся слишком далеко друг от друга.

В последние годы на территории Армении, на холме Мецамор исследовалась металлургическая мастерская, которая имеет много сходства с квемокедской. И здесь, как предполагают специалисты, производство основывалось на привозной, технически обогащенной руде, из которой на месте получали металл, а затем отливали из него продукцию [97, с. 248—253].

Для изучения бронзовой металлургии Восточной Грузии большое значение имеет также восстановление процесса литья, химическое изучение готовой продукции и пр. Это помогает составить представление об уровне развития металлургического производства, в том или ином районе, о взаимоотношениях с разными странами, о местном или привозном характере готовых изделий и т. д.

В этой области в Грузии проведены работы большого масштаба [90; 92; 98—104].

В настоящее время можно считать установленным, что в эпоху поздней бронзы в Картли, Месхети, и Кахети употреблялась преимущественно оловянистая бронза, реже мышьяковистая и совсем изредка — медь с незначительными примесями. В окрестностях Тбилиси и Триалети употребляли оловянистую и мышьяковистую бронзу. В северной полосе Шида Картли (территория современной Юго-Осетии), где особенно развита бронзовая металлургия, употреблялся наиболее чистый сплав меди с оловом и гораздо реже использовалась мышьяковистая медь [92, 62, 65 и др.].

Изделия, обнаруженные на территории Армении и Азербайджана, существенно отличаются от материалов Восточной Грузии.

Несмотря на скудность данных, можно все же говорить о том, что в эпоху поздней бронзы и железа литье бронзовых предметов в Восточной Грузии производилось как в одностворчатых, так и в двустворчатых формах. Для их изготовления употреблялись глина, камень и металл. В это время широко была распространена и техника литья по восковой модели, или методом утрачивания формы. В Восточной Грузии неизвестны мастерские для получения и обработки железа. Все мастерские, обнаруженные в Квемо Картли, датируются не ранее феодальной эпохи, и приурочение некоторых из них к бронзово- или раннежелезной эпохе неверно.

Итак, наши знания о металлургии и металлообработке в эпоху поздней бронзы и железа пока еще весьма скудны. В будущем исследователям предстоит выяснить характер взаимоотношений металлодобычи с металлообработкой. Необходимо также проведение массовых анализов готовой продукции и сырья и т. п.

§ 4. ГОНЧАРНОЕ ДЕЛО

Как известно, Восточная Грузия богата сырьем, необходимым для развития гончарного дела [105, с. 21; 106, с. 101—106], и местное

население с давних пор интенсивно занимается изготовлением глиняных изделий. В настоящее время центрами производства керамики являются: в Картли—Гори и Мцхета, в Кахети—Икалто, Вардисубани, Бодбисхеви, Ниноцминда и др.

Глина широко использовалась и в эпоху поздней бронзы и железа. Ее применяли для изготовления разнообразной посуды, для облицовки деревянных конструкций жилищ и вообще для строительных целей (Похораулеби, Мочрили гора, Рцхилис сери, Ховле, Трелигорееби), а также для возведения печей и жертвенников (Ховле, Нацаргора, Трелигорееби, Катналихеви, Чалиахеви (Ванисцкали). Из глины создавались многочисленные статуэтки (Мелаани, Мелигеле, Катналихеви, Мочрили гора, Ховле), печати (Мелигеле, Мелаани, Катналихеви) и многое другое.

Мы видим, таким образом, что керамическое производство эпохи поздней бронзы и железа является одной из важнейших отраслей ремесла, а ее продукция представляет собой один из основных компонентов определения археологических культур. Тем не менее памятники, связанные с собственно керамическим производством, почти не изучены. В Восточной Грузии известно всего два таких памятника.

Недалеко от поселения Ховлегора был исследован ремесленный участок гончаров [107], который, как предполагают, обслуживал поселение с начала I тысячелетия до н. э. до IV в. до н. э. На этом участке, занимавшем площадь более одного гектара, были обнаружены гончарные печи трех последовательных хронологических периодов, что дало возможность специалистам проследить эволюцию типов печей в течение шести веков.

Древнейшие гончарные печи относятся к горизонтальному типу. Одна из них представляет собой помещение, наполовину углубленное в землю. При ее постройке использовался рваный камень и облицованный глиной деревянный каркас, некогда поддерживавший свод. Для топки печи была вырыта четырехугольная яма-канал, по обеим сторонам которого располагались сосуды, подготовленные для обжига. Днище печи (включая и канал) было оштукатурено толстым слоем глиняного раствора, а подземные части стен выложены рваным камнем на глиняном растворе.

Как предполагает Д. А. Хахутаишвили, обжиг в древнейшей печи Ховле протекал следующим образом: подготовленная для обжига посуда укладывалась на полки через отверстие в своде, а канал заполнялся топливом. После этого отверстие заделывалось. Огонь разжигался в яме, расположенной в начале топочного канала, откуда он постепенно распространялся в камеру для обжига сосудов. Пока он достигал камеры, сосуды успевали согреваться, что уберегало их от трещин. Получив требуемую температуру, дверцу и дымоход закрывали. В печи начинался процесс постепенного остывания, после завершения которого отверстие в своде вскрывали и доставали готовую продукцию.

Древнейшую группу печей Ховле Д. А. Хахутаишвили датирует IX—VIII вв. до н. э., вторую — VII—VI вв. и третью — V—IV вв. до н. э. [107].

Остатки керамической мастерской исследуемого периода известны и в Кахети, на территории Хирского виноградарского совхоза [108, с. 21—25; 38, с. 54—60]. Здесь, на северном склоне Иорского плато, к западу от правого берега Коготес хеви, в обрыве траншеи у

виноградника, на протяжении 280 м на различной глубине (от 0,25 до 2 м) обнаружено до пятидесяти гончарных печей с соответствующим культурным слоем. Две из них раскопаны в центральной части участка. По конструкции и режиму работы, хирсские печи идентичны вышеописанной печи из Ховле [37, табл. XXI_1].

По-видимому, печи в хирсской гончарной мастерской располагались в определенном порядке — в одну линию в ряд. Возможно, существовало несколько таких рядов. Все печи хирсской мастерской ориентированы с севера на юг. Зольные ямы располагались на более низком склоне, что создавало нормальные условия для сооружения печи и ее работы (тяга в этом случае была лучшей).

Керамика, обнаруженная в хирсской печи, имеет большое сходство с глиняными изделиями квемокедской металлургической мастерской, что позволяет датировать хирсскую гончарную мастерскую приблизительно серединой I тысячелетия до н. э. [38, с. 57—58]. Основная продукция мастерской такого масштаба, вероятно, шла на продажу или обмен. Гончары на территории мастерской не жили, во всяком случае, следов жилья поблизости не обнаружено. В 1974 г. под второй гончарной печью были обнаружены остатки более древней металлургической мастерской.

Наши знания о гончарном производстве Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа фактически ограничиваются вышеприведенными сведениями. На всей этой обширной территории известен лишь один гончарный круг из глины, найденный в III горизонте Ховле, относящийся к VI в. до н. э. [109, с. 7; 110, табл. XIV].

Изготовление керамики на глиняном круге в Грузии предполагают еще в эпоху ранней бронзы. В частности, следы обработки на гончарном круге, по мнению Г. Ф. Гобеджишвили, обнаружены на энеолитической (раннебронзовой) керамике поселения Тетрицкаро [111]. По наблюдениям Н. Н. Тушишвили, следы работы простейшего гончарного круга имеются на сосуде одного из курганов куро-араксской культуры у с. Нахидребис чала [112, с. 28; 113, с. 18]. К. Д. Квижинадзе и З. Г. Шатберашвили обратили внимание на концентрические линии на раннебронзовой керамике поселения Абелиа [114, с. 30—31].

В настоящее время утвердилось мнение об изготовлении большинства глиняных сосудов эпохи средней бронзы на гончарном круге. В переходный период от эпохи средней к эпохе поздней бронзы уже бесспорно преобладает глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге.

Почти полное отсутствие среди археологических находок Восточной Грузии гончарных кругов, вероятно, можно объяснить тем, что в большинстве случаев они были деревянные. Это предположение станет более убедительным, если орнамент на внешней стороне донышек глиняных сосудов, характерный для всей Восточной Грузии, и в особенности Иоро-Алазанского бассейна, принять за отпечаток разреза древесного ствола, который впоследствии стал разновидностью украшения.

Для выяснения технологии производства глиняной посуды и соответствующих ему орудий большое значение имеет изучение продукции древних гончаров, которая дошла до нас в огромном количестве.

Обычно сосуды эпохи средней бронзы и переходного этапа от

нее к эпохе поздней бронзы изготовлялись из хорошо отмученной глины; это свидетельствует о том, что мастера-гончары были хорошо знакомы с технологией очистки глины. Ямы для старения глины обнаружены в Восточной Грузии на поселении раннебронзового периода в Урбниси [115, с. 49] и на территории металлургической мастерской середины I тысячелетия до н. э. в Квемо Кеди. Очевидно, что для придания большей прочности глиняным сосудам эпохи средней бронзы и переходного периода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы в тесто примешивали частицы кварца, а позднее с этой же целью употребляли мелкозернистый, а иногда и крупнозернистый песок.

Наряду с сосудами, сделанными на гончарном круге, в исследуемое время встречается и лепная посуда, изготовленная т. н. ленточным способом.

Зачастую сосуды переходного периода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы и ранней ступени эпохи поздней бронзы имеют двуслойный рыхлый черепок. Внешняя поверхность у них черного обжига, а внутренний тонкий слой — светлого.

З. П. Майсурадзе специально изучил технологию изготовления черных сосудов, обнаруженных на территории Восточной Грузии. По его предположению, сформованная на круге посуда сначала высушивалась до определенной крепости, а затем обжигалась. Обжиг производился в три этапа: 1) этап задымления (постепенное освобождение от влажности); 2) этап укрепления изделия (влажность уже ликвидирована и начинается физико-химическое изменение черепка); 3) обжиг изделия при температуре 800—900°. После обжига начинался новый этап задымления для получения черного цвета. Для этого печь остужали до 400° и впускали в нее дым. После выемки остывшей готовой продукции ее покрывали воском и лощили [116, с. 249—256; 117].

Орнаментация сосудов, за исключением росписи, всегда производилась по мокрой глине до или после формовки сосуда. Глиняные сосуды Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа украшались с помощью разнообразных технических приемов: резьбы, штамповки, лепки, лощения, задымления и т. д. Благодаря этому создавались орнаменты в основном геометрического характера, хотя на второй ступени развития материальной культуры эпохи поздней бронзы довольно часто стали встречаться изображения людей и животных. Весьма интересны и последовательные изменения технологии изготовления и техники нанесения орнамента, которые прослеживаются на керамике исследуемого периода.

Обработка, формы и орнамент определенной части керамики переходного периода от средней к эпохе поздней бронзы и ранней ступени эпохи поздней бронзы сближают ее с керамикой эпохи средней бронзы. К этой группе относятся сосуды, изготовленные из мелкозернистой глины с примесью частиц белого блестящего кварца с рыхлым черепком, изготовленные на гончарном круге. Внешняя поверхность такой посуды — черная, лощенная до зеркального блеска, внутренняя — светлая.

Техника нанесения орнамента на эти сосуды отличается архаичностью (полировка, штамповка, резьба, изредка — роспись).

В переходный период от эпохи средней к эпохе поздней бронзы и, главным образом, на ранней ступени эпохи поздней бронзы все ча-

ще встречаются сосуды позднего характера, с примесью песка в тесте, хорошо спекшимся однослойным черепком каштанового цвета. Орнамент в основном резной и тисненый.

Для территории Кахети на последующих ступенях эпохи поздней бронзы характерны, в основном, сосуды каштанового и серого цвета с шероховатой поверхностью, с резным и тисненым орнаментом. Хотя на второй ступени эпохи поздней бронзы все еще встречаются сосуды с рыхлым черепком из мелкозернистой глины, со следами полировки на черной поверхности и с орнаментом, оттиснутым штампом, но их процент уже незначителен.

Глиняные сосуды Иоро-Алазанского бассейна, относящиеся к рубежу II—I тысячелетий до н. э., в большинстве случаев имеют хорошо спекшийся черепок каштаного цвета, хотя внешняя и внутренняя поверхности задымлены. Это указывает на продолжение старых традиций. В то же время появляются сосуды серого обжига с грубым черепком и резным орнаментом, который широко распространяется в первой половине I тысячелетия до н. э. В середине указанного тысячелетия для этой области вновь становятся характерными сосуды из мелкозернистой глины с полированным орнаментом, но, в отличие от ранних памятников, с другой структурой черепка, качеством обжига и схемой орнамента.

В отличие от памятников Кахети, глиняные сосуды Шида Картли, начиная со второй ступени эпохи поздней бронзы и в течение всего исследуемого периода, сохраняют мелкозернистый черепок и полированный орнамент, наряду с которым уже появляются резной, тисненый и рельефный орнаменты, порой подражающие архаичным мотивам.

Для Восточной Грузии исследуемого периода чужда роспись глиняной посуды, и лишь в Кахети мы имеем три случая обнаружения таких сосудов. Среди них три сосуда, найденных в кургане № 2 в Земо Бодбе. Примечательно, что эти сосуды до обжига были украшены полированным, рельефным и тисненым орнаментом, т. е. уже имели законченный вид, и только после обжига были расписаны белым ангобом. После этого сосуды больше не обжигались, вследствие чего сохранились лишь следы росписи, основным мотивом которой являются меандры. На одном из сосудов, помимо меандров, виден ряд точек и заполненных мелкими треугольниками подтреугольных рамок [37, табл. $V_2/_1$].

В одном из разрушенных погребений ранней ступени эпохи поздней бронзы могильника Насадгомари обнаружен еще один сосуд, расписанный белым ангобом (меандры). Расписанные сосуды, датируемые тем же временем, были найдены также в 1977 г. в древнейших погребениях могильника Певреби (Гурджаанский район). В разрушенном погребении № 1 рубежа II—I тысячелетий до н. э. в с. Кварелкцали был найден сосуд, расписанный вертикальными полосами красной охры.

В рассматриваемое время на территории Восточной Грузии встречаются и глазурованные сосуды. В истории культуры глазурь (поливу) тесно связывают с производством стекла [118, с. 289]. Глазурование сосудов известно в Египте, Месопотамии и Эламе с IV—III тысячелетий до н. э. Затем эта техника широко распространяется в Передней Азии, где глазурью покрывают и кирпичи [119, с. 81, 221].

Древнейшими глазурованными изделиями в Грузии являются фаянсовые бусы, найденные в триалетских курганах эпохи средней

бронзы [12, с. 100, табл. XXII]. Глазурованные сосуды обнаружены на могильниках Маралин Дереси [12, с. 52, 53, табл. XX_1], Самтавро (погребения №№ 591, 77, 96, 119, 208, 168, 289) и в одном из дигомских курганов [121, рис. на 33 странице]. Все эти сосуды представляют собой кубки на высокой ножке с одной ручкой. Поверхность их расписана желтоватой, зеленоватой и зеленовато-бирюзовой (иногда черной) краской. Зеленовато-бирюзовый фон украшен желтыми полосами и покрыт прозрачной глазурью.

В Восточной Грузии обнаружены и фрагменты глазурованных сосудов с черепком белого цвета. Два таких обломка, в частности, найдены на святилище Мелигеле II. Поверхность одного из них окрашена желтой краской и покрыта бесцветной прозрачной глазурью, второй сосуд украшен полосами зеленовато-синеватого и желтого цвета и также покрыт глазурью [122, с. II].

Древнейшие образцы глазурованной керамики обнаружены и в других районах Закавказья: в Азербайджане — в поздних курганах Ходжалы [123, с. 381, 383—385; 124, с. 153, 154, 313; 125, с. 178, 14; 126, с. 128], близ Ханлара [127, 5; 128, 158], в Талыше [129, табл. $V_{4,5,6}$], Мингечауре [34, с. 98, 112, 114, табл. $X_{1,10,11,11^a,12}$ и в Армении на Кармирблуре [130, с. 195, 256, с. 21, рис. 15], и при раскопках Топрак-кала, около озера Ван [131, с. 105].

Весьма существенно, что обнаруженная на территории всего центрального Закавказья (в рамках разных материальных культур) глазурованная керамика абсолютно одинаково расписана вертикальными полосами, нанесенными желтой и зеленовато-голубой краской. Это обстоятельство не позволяет считать такие сосуды местными изделиями. Хорошо известно, что точно так расписанная керамика широко распространена в Ассирии, тогда как в Закавказье, как мы увидели, она весьма редка. Древнейший ассирийский глазурованный сосуд датируется 1300 г. до н. э. (на нем клинописью начертано имя царя Ададнирари I). Такие сосуды были распространены в Ассирии до VI в. до н. э. [132, с. 5]. По мнению К. Х. Кушнаревой, такие изделия в Закавказье проникли именно оттуда; Кавказские археологические комплексы, в которых обнаружены такие сосуды, датируются не ранее середины VIII в. до н. э., а это дает возможность связывать их появление с широкой экспансией урартийцев в Закавказье [123, 385].

Мы не можем присоединиться к мнению К. Х. Кушнаревой о том, что глазурованная керамика не встречается в Закавказье ранее середины VIII в. до н. э. на Самтаврском могильнике, например, такие сосуды были найдены в погребениях с бронзовыми мечами, которые вполне убедительно датируются концом II тысячелетия до н. э. [26, с. 134—136, табл. I], но, как и К. Х. Кушнарева, мы считаем эти сосуды привозными.

На Самтаврском могильнике, как и вообще на территории Шида Картли, в большом количестве обнаружены чернолощеные сосуды, совершенно аналогичные по форме вышеупомянутым глазурованным кубкам. Даже орнамент в виде параллельных полос у них совершенно одинаков [39, табл. XVI_1; 16, с. 313, 318], что свидетельствует о влиянии форм и орнаментации глазурованной посуды на чернолощеную керамику, т. к. последняя обнаружена в памятниках более поздних, чем погребения, содержащие глазурованные сосуды[23].

[23] По свидетельству Б. А. Куфтина, один такой сосуд вместе с бронзовой булавкой с

В этом параграфе мы ограничились лишь общим обзором гончарного производства Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа. Основные виды керамической продукции рассматриваются нами в заключительной главе, наряду с продукцией других отраслей ремесла.

§ 5. РАЗЛИЧНЫЕ ОТРАСЛИ РЕМЕСЛА

Данные о существовании на территории Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа других отраслей ремесла очень скудны. Однако на основании имеющихся материалов все же можно говорить, что некоторые виды ремесла уже достигли достаточно высокого уровня развития.

На развитие обработки дерева должен указывать тот факт, что в строительном деле этого периода первостепенную роль играли лесоматериалы, а это значит, что существовала деревообработка. При раскопках ряда поселений обнаружены остатки бревенчатых перекрытий жилья (Ховле, Трелигорееби, поселение на северном берегу Тбилисского моря и др.), а также отпечатки бревен или досок на обожженной глине (Похораулеби, Сакдрис гора, Мочрили гора), которые использовались для возведения стен помещений или их перекрытий. На кусках глиняной обмазки, применявшейся при строительстве стен и печей для выпечки хлеба (торне) встречаются отпечатки плетенки (Мочрили гора).

С помощью деревянных конструкций сооружались и перекрытия погребений. Остатки бревенчатых перекрытий часто встречаются в погребениях переходного периода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы (Бодбе I и II) и погребениях ранней ступени эпохи поздней бронзы (Грма-геле, Насадгомари, Певреби и др.).

На основании обнаруженных в Ховле «кохи»[24] принято считать, что в первой половине I тысячелетия до н. э. употреблялась молотильная доска. На это указывает также захоронение на молотильной доске, засвидетельствованное в одном из грунтовых погребений могильника Самтавро [134, 61—67].

В рассматриваемое время из дерева изготовлялись черенки бронзовых стрел. По-видимому, в это же время должны были существовать и деревянные луки, правда, известны лишь их изображения на бронзовых поясах и глиняных сосудах. В 1976 г. на святилище второй половины II тысячелетия до н. э. была найдена бронзовая имитация лука. Вероятно, из дерева делались и сосуды — гоби, чаши, тарелки и др. Нужно думать, что существовали старые традиции такого производства. На это указывают находки деревянных предметов

закрученной головкой и кубком с отогнутым венчиком и тисненым орнаментом был обнаружен Ф. Байерном в погребении № 601 Самтаврского могильника. Однако т. к. во всех первоисточниках, которые использовал Б. А. Куфтин, перемешаны комплексы двух погребений (600 и 601) [238, с. 2, 31, 32, табл. XII, XIII; 239, с. 34—40, табл. XII-XIII], приходится учитывать, что Б. А. Куфтин опирался на неверную информацию и поэтому, на наш взгляд, вряд ли возможно использовать приведенный им комплекс погребения № 601 для получения сколько-нибудь серьезных выводов.

[24] Камни твердой породы, всаженные в молотильную доску.

в курганах Бедени [65], Триалети [12], Сабидахча [134, 14, табл. XXI].

Несмотря на то, что в Восточной Грузии не обнаружено транспортных средств эпохи поздней бронзы и железа, на их существование указывают изображения арбы и большое количество глиняных колесиков, обнаруженных на поселениях. Очевидно, они представляли собой развитые формы известных повозок Восточной Грузии эпохи средней бронзы [12, табл. CVII; 134, табл. VIII—XX]. Эту мысль подтвердила новейшая находка около Цителицкаро. Здесь на горе «Гохеби», на территории святилища конца II и начала I тысячелетий до н. ч. была найдена бронзовая модель боевой колесницы, в которую впряжены две взнузданные лошади с ярмом [табл. XIII]. У боевой колесницы вращающие колеса со спицами. Существенно, что в том же 1976 г. на Алазанской долине, на могильнике поселения «Муракеби», в погребении № 5, которое предварительно датируется концом II тысячелетия до н. э., были обнаружены глиняные колеса со спицами, которые, нужно думать, принадлежали деревянной модели колесницы.

О существовании развитого деревообрабатывающего ремесла в Восточной Грузии должны свидетельствовать и многочисленные бронзовые орудия для обработки дерева, обнаруженные на различных памятниках исследуемого времени (топоры, долота и др. [39, 182—183].

Прядение и ткацкое дело составляли одну из основных отраслей домашнего ремесла в рассматриваемое время. Многочисленные отпечатки ткани постоянно встречаются на глиняных сосудах раннеметаллической эпохи [240, с. 46; 241, с. 280; 242, с. 264—297; 243, с. 265]. В это время, вероятно, существовал и примитивный вертикальный ткацкий станок [42, с. 22; 244, с. 69].

О развитии прядения и ткачества, в частности обработки шерсти в эпоху поздней бронзы и железа, свидетельствует большое количество глиняных, костяных и каменных пряслиц, обнаруженных на поселениях и могильниках, а также отпечатки ткани на бронзовых предметах.

Существование тканей разного качества подтверждается находками предметов, связанных с одеждой (булавки, фибулы и разнообразные пуговицы). В исследуемое время употреблялись как чисто шерстяные, так и льняные ткани [39, с. 183].

Значительное место среди домашних ремесел занимали **выделка и обработка кожи.** Кожа употреблялась для изготовления поясов, шнуров разного назначения, обуви и других предметов быта. В погребениях интересующего нас периода кожаные предметы встречаются редко. Древнейшим образцом кожаного изделия являются части тисненого флага ( ), обнаруженного в богатом курганном погребении № 2 урочища Садуга, предварительно датируемом первой половиной II тысячелетия до н. э. [259]. На могильнике Тетрицклеби в погребениях рубежа II—I тысячелетия до н. э. найдены бронзовые портупеи-цепи и цепи, использовавшиеся как пояса, которые укреплялись кожаными ремешками. Изображение портупеи имеется на статуэтке мужчины из Мелаани [38, табл. XVI]. Вероятно, на коже крепились и бронзовые пояса рубежа II—I тысячелетий до н. э., в которых именно для этой цели проделывались небольшие отверстия.

Некоторые исследователи полагают, что для обработки кожи ис-

пользовались известные еще с раннего периода эпохи бронзы плоские топоры, но большинство исследователей считают их орудиями для обработки дерева [135, с 86; 136, с. 27; 137 ,с. 33 и др.]. Другими, более достоверными, свидетельствами существования обработки и выделки кожи в эпоху поздней бронзы и железа на территории Восточной Грузии мы не располагаем.

На производство стекла, очевидно, указывают находки многочисленных стеклянных и глазурованных пастовых бус. Часто встречаются и позолоченные стеклянные бусы, но говорить о месте их производства мы пока не имеем возможности.

Обработка камня в течение длительного времени занимала первое место в практической деятельности человека. Однако, начиная с эпохи поздней бронзы, она почти полностью вытесняется металлообработкой. Тем не менее камень остается одним из основных видов сырья, используемого человеком при изготовлении вкладышей составных серпов, зернотерок и т. д.

В переходный период от эпохи средней к эпохе поздней бронзы из обсидиана и кремня выделывались наконечники стрел (Мелигеле I, курганы Земо Бодбе и др.) На ранней ступени эпохи поздней бронзы появились каменные навершия булав. С начала эпохи поздней бронзы и железа и до ее конца одним из основных видов украшений являлись сердоликовые бусы. В специальной литературе высказано мнение, что они производились в странах, расположенных к югу от Закавказья [138, с. 208—209]. Однако кремневых вкладышей составных серпов. На территории мастерской не исключено и их местное изготовление (в Кахети, например, на поселениях исследуемого времени часто встречаются обломки необработанного сердолика).

В 50 метрах к юго-востоку от поселения «Гареткис гора» и на правом берегу речки Лакбе, к юго-востоку от с. Арашенда в местечке «Сасигнаго геле», открыты мастерские по изготовлению кремневых вкладышей составных серпов. На территории мастерской «Гареткис гора» не обнаружено следов жилья. Территория мастерской была покрыта тысячью мелких отщепов кремня, среди которых имелись полуфабрикаты вкладышей и свыше двух десятков готовых изделий, а также несколько крупных камней, служивших, судя по оббитой поверхности, наковальнями. Большой интерес представляет мастерская на правом берегу Лакбе. Здесь довольно большая площадь была покрыта толстым слоем (примерно 7—10 см) десятков тысяч кремневых отщепов, полуфабрикатов и готовых изделий. По-видимому, мастерская функционировала в течение длительного времени, т. к. здесь, наряду с архаичными, широкими, ладьевидными вкладышами с закругленной спинкой, встречались вкладыши, характерные для эпохи поздней бронзы и железа. Здесь же была найдена керамика, которая относится к эпохе ранней и поздней бронзы. Сырьевой базой мастерской служили желваки, имеющиеся в большом количестве в ущелье Лакбе.

§ 6. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

Закавказье входит в число одиннадцати центров происхождения культурных растений [139, 42], но, естественно, не все ее области были одинаково пригодны для земледелия.

Как известно, один из основных источников жизни человека — сельское хозяйство — развивается в определенном соответствии с

географической средой и чем примитивнее его развитие, тем более оно зависит от последней.

В рассматриваемый нами период уровень развития сельского хозяйства все еще определялся природными условиями. Вероятно, большая часть территории Восточной Грузии (горы и лесные массивы) в это время была мало пригодна для земледелия, в долинных районах низменности Шида, Квемо Картли и Алазанской долины условия были весьма благоприятными. Об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что распределение некоторых материальных культур эпохи поздней бронзы и железа, ограничено именно этими низменностями и прилегающими к ним предгорьями (см. заключительную главу). Создается впечатление, что территория расселения отдельных племен или групп определялась границами пригодных для земледелия земель.

На земледельческий характер хозяйства населения Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы и железа указывают многовековые культурные наслоения на изученных поселениях (Ховле, Катналихеви, Нацаргора, Цихиагора, Мочрили гора, Рцхилис сери, Чалиантхеви А, многослойные поселения в нижней части Алазанской долины и др.) и связанные с ними многоярусные могильники (Бакурцихе, Самтавро, Гулгула, Мелаани, Чалианис хеви, Хирса, Певреби, Каспи и др.), так как их происхождение связано с оседлым образом жизни, который, в свою очередь, продиктован характером хозяйства.

Находки сельскохозяйственных орудий являются прямым доказательством существования земледелия в Восточной Грузии. Бронзовые и железные серпы, например, обнаружены в кургане № 2 из Ульяновки (Лагодехский район), в Бакурцихе, Мелаани, могильнике Бешташени (погребение № 4), Цоцхи, Чурцхеви, Урнатубани, Мелигеле [140, 89; 141, 26, табл. VIII; 142, 69; 121, табл. X IV; 143, 206, 208; 38, табл. XXVIII_1 и др.]. Кремневые зубчатые вкладыши составных серпов встречаются на всех без исключения поселениях рассматриваемой эпохи. В Кулбакеби, Ховле, Уплисцихе и на других поселениях Шида Картли найдены «кохи» — камни от молотильных досок [144, 21; 77, 30; 145, 10; 14, 191; 146, табл. XVI_6]. На поселениях и, нередко, даже в погребениях (Кистаури, Чалианисхеви и др.) весьма часты находки зернотерок. Бронзовые мотыги, обнаруженные в Шида Картли, попадали сюда из Западной Грузии; кроме того, в Восточной Грузии были широко распространены каменные мотыги, употреблявшиеся, вероятно, для рыхления комьев земли.

Предполагают, что в Закавказье в это время сеяли пшеницу, ячмень, гоми [140, 89; 147, 70—71; 148, 26; 149, 74; 41, 13; 150, 73; 151, 152—193]. Земля обрабатывалась простейшими пахотными орудиями[25], при этом использовалась тягловая сила быка [147, 71; 151, 74—75; 150, 72; 152, 96].

Грузия является одним из основных центров виноградарства [153, 603]. Существуют конкретные данные, указывающие на то, что в эпоху поздней бронзы и железа культура виноградной лозы была уже весьма развитой. На наш взгляд, одним из древнейших свидетельств существования в Восточной Грузии виноделия являются обнаруженные на территории святилища Мелигеле 1 глиняные сосу-

[25] Мы считаем вполне допустимой обработку земли в эпоху поздней бронзы пахотным орудием, т. к. на территории Восточной Грузии уже в эпоху ранней бронзы известна примитивная соха, изготовленная из рога оленя [115, с. 37—38.]

ды с прилепленными к ним мелкими сосудами, т. н. «марани», которые считаются винными питьевыми сосудами культового назначения [154, 309—312; 105, 214—215; 50, 66]. На территории Мелигеле II встречаются и обломки крупных сосудов, вероятно, представлявшие собой небольшие «квеври» (пифосы для хранения вина).

Виноградные костóчки встречаются на памятниках эпохи ранней бронзы [155][26]. Обнаружены они и на поселении эпохи средней бронзы в Узерлик-тепе [157, 415; 158, 99] и на святилище раннего этапа эпохи поздней бронзы в Катлани-хеви [234, 98]. В Кахети пока что самыми древними являются находки виноградных косточек в Сагареджо на памятнике IV—III вв. до н. э. [156, 59].

Однако для установления уровня развития общества наиболее значительным является выяснение форм производства этой отрасли хозяйства.

Как отмечалось, уже в эпоху ранней бронзы в тех районах Восточной Грузии, где имелись благоприятные природные условия, могло существовать орошаемое земледелие. Но массовое использование оросительных систем началось, по-видимому, в эпоху поздней бронзы (хотя вполне возможно параллельное широкое развитие в это время неполивного земледелия). На большей части Алазанской долины и в Шида Картли население исчезло в конце эпохи ранней бронзы (по нашему мнению, на ее ранней ступени), что может быть связано с развитием орошаемого земледелия (Я. А. Киквидзе).

О широком развитии неполивного земледелия свидетельствуют многочисленные поселения эпохи поздней бронзы и железа, открытые на Ширакской равнине и содержащие многовековые культурные напластования. В настоящее время неполивное земледелие на этой равнине не связано с большими трудностями; вполне возможно, что и прежде эта область не отставала от тех районов, где существовала возможность орошения [38, с. 47].

Итак, мы присоединяемся к предположению Я. А. Киквидзе о том, что в эпоху поздней бронзы, вследствие широкого использования оросительных систем, люди полностью освоили не только склоны гор и предгорья, но и долины, в том числе и северную часть «пустыни» Давид Гареджи, где в 1971 г. Кахетская археологическая экспедиция обнаружила много жилых холмов с культурными слоями этого периода.

Естественно, что создание и уход за оросительными системами могли быть под силу лишь таким большим и прочным организациям общества, как союзы родственных племен, основа которых, надо полагать, закладывалась в это время.

В эпоху поздней бронзы земледелие уже отделилось от скотоводства, но, как справедливо отмечает О. М. Джапаридзе, в Восточной Грузии обе эти отрасли хозяйства существовали и развивались бок о бок [143, 208]. Развитие земледелия и скотоводства зависело, в первую очередь, от конкретных географических условий, но даже в тех районах, где не было орошения (Шираки) и условия, казалось бы, были более благоприятными для разведения скота, преобладающую роль играло земледелие, хотя и неполивное.

Остеологический материал, обнаруженный на поселениях и мо-

[26] Я. А. Киквидзе находку виноградных косточек на поселении Хизанаант гора в культурном слое эпохи ранней бронзы считает весьма сомнительной [234, с. 97].

гильниках Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа весьма разнообразен. В горных районах преобладают кости овцы, а в долинах — кости крупного рогатого скота. Это хорошо прослеживается по материалам могильников Тетрицклеби, Мелаани, Чалаубани, Гадрекили и др., с одной стороны, и могильников Гулгула, Хирса, Ванта, Муракеби и т. д., — с другой.

Безусловно, что такое хозяйство не могло не наложить определенного отпечатка на материальную культуру. Для полукочевого скотоводства необходимо наличие как летних, так и зимних пастбищ. Восточная Грузия достаточно богата зимними пастбищами, поэтому зимние месяцы овечьи отары, вероятно, проводили вблизи основного поселения. Такой территорией, возможно, являлось пространство между Шираки и Иори, в частности Элдарская равнина, которая и в настоящее время считается лучшим зимним пастбищем. Несмотря на тщательные разведки, здесь не удалось обнаружить ни одного поселения эпохи поздней бронзы и железа. По-видимому, и раньше ландшафт здесь был полупустынным, и это место использовалось лишь для зимних пастбищ. Аналогичным целям служили и равнины Гардабани и Марнеули [159, 103]. По-видимому, указанной территорией пользовались племена — носители разных материальных культур, о чем свидетельствует разнообразие обнаруженных здесь археологических памятников.

Более сложным является вопрос о летних пастбищах. На лето овец приходилось перегонять на большие расстояния, в частности, в Триалети или на южные склоны Кавказского хребта. Естественно, что в этих районах могли встречаться многие племена, о чем свидетельствуют смешанные материалы разных археологических культур в Триалети (летнее пастбище) и в Квемо Картли (зимнее пастбище).

Характер материальной культуры летних пастбищ позволяет четко определить, с какой территорией было связано то или иное племя. Например, в материальной культуре левобережья Куры — Шида Картли преобладают материалы, характерные для северных склонов центральной части Северного Кавказа, следовательно, население Шида Картли использовало под летние пастбища именно эти территории. На правобережье Шида Картли чаще встречаются материалы типа памятников Триалети и Северной Армении, что объясняется аналогичным образом.

Возможно, что жители Кахети, так же как и в недавнем прошлом, перегоняли овец в Триалети. Свидетельством этого можно считать находки бронзовых меча и кинжала в пещере, расположенной на перегонной трассе в Тетрицкаройском районе, в 3 км к северу от с. Джиграшени, а также бронзовых кинжала и меча и бронзового цельнолитого наконечника копья с втулкой и двумя рельефными поясками на ней в с. Гомарети (местечко Чахати в ущелье р. Храми). Перечисленные предметы представляют собой типичное «кахетское» оружие и абсолютно не характерны для этого района. На существование в это время продуктивного скотоводства указывают керамические материалы, среди которых очень часты глиняные маслобойки.

С конца II и первой половины I тысячелетия до н. э. большую роль в жизни населения Иоро-Алазанского бассейна играла лошадь. Это подтверждают находки в Мелаани (удила), Квемо Кеди (скульптура взнузданной лошади), на горе Гохеби (модель боевой колесницы) и т. д.

По мнению некоторых исследователей, развитие скотоводства в этот период замедлило рост земледелия [41, с. 14], однако, на наш взгляд, все же нет оснований считать, что земледелие на исследуемой территории в эпоху поздней бронзы отставало в своем развитии от скотоводства. Если в одних микрорайонах было развито скотоводство, то другие оказывались более приспособленными для орошаемого земледелия и т. д.

§ 7. ОБМЕН И ТОРГОВЛЯ

Одним из основных видов деятельности человека в рассматриваемый период являлся обмен, который приобрел особенно большое значение с эпохи поздней бронзы и железа вследствие сильной дифференциации хозяйственной деятельности человека. В это время уже окончательно выделились земледелие, скотоводство и ремесла. Высококвалифицированные специалисты стали сознательно производить такое количество продукции, которое намного превосходит собственное потребление, а это, в свою очередь, привело к интенсивному развитию обмена. На обмене стали основываться отношения не только между земледельцами, скотоводами и ремесленниками, но и между ремесленниками различных специальностей (например, металлодобывающей и металлообрабатывающей).

Расширению обмена и торговли способствовало развитие полукочевого скотоводства. Племена, населявшие Восточную Грузию в исследуемое время, имели определенные отношения с соседними племенами, которые носили как мирный, так и воинственный характер. Возможно, именно в этот период появляется определенная категория людей, которые способствовали упорядочению этих взаимоотношений (обмен, торговля) и играли роль посредников между производителем и потребителем [38, с. 80]. Таким образом, в эту эпоху обмен должен был иметь прочную основу.

В эпоху поздней бронзы и железа между племенами Восточной Грузии, очевидно, существовали тесные деловые связи, о чем свидетельствует, в первую очередь, облик их материальной культуры. Очевидно, здешние ремесленники обменивались между собой опытом. Показателем этого может служить внешнее сходство и одинаковая техника производства металлических изделий, обнаруженных на исследуемой территории.

На связи между племенами могут указывать также «кахетские» материалы, обнаруженные в Шида Картли. Однако связь между двумя культурами нельзя объяснять только этим. Как увидим ниже, под влиянием материальной культуры племен, населявших Кахети, частично изменяет свое лицо материальная культура Шида Картли, что не может быть вызвано только обменом.

Характерные для Шида Картли материалы весьма спорадически встречаются на территории Кахети. К ним относятся плоские бронзовые листовидные кинжалы с бронзовой разветвленной рукояткой, обнаруженные в Тианетском районе у с. Сакдриони, в Гулгула, Цинандали [38, с. 81, табл. XV_3] и найденный в с. Велисцихе бронзовый кинжальный клинок листовидной формы.

По-видимому, контакты племен Восточной Грузии представляют собой лишь часть той сети взаимосвязи, которая связывала население Закавказья того времени. Эти связи хорошо прослеживаются

в материальной культуре. Например, в Шида Картли известны материалы, типичные для Западной Грузии, Северного Кавказа, Кахети и Северной Армении. Учитывая все это, акад. С. Н. Джанашиа рассматривал Шида Картли, как территорию, где различные племена обменивались между собой опытом [160, с. 20].

Элементы разных культур встречаются и на территории современной Юго-Осетии, на что указывают хорошо заметные здесь характерные признаки северной, западно-грузинской и шидакартлийской материальных культур. Как уже отмечалось, смешанные материалы разных культур известны в Триалети и Квемо Картли, что объяснялось своеобразными особенностями хозяйства этих областей.

Конкретные материалы, доказывающие связи Восточной Грузии с соседними племенами, весьма разнообразны. К ним относятся: колхидский топор из с. Шрома (Вачнадзиани) [ГМГ инв. № 17—62/1], кинжал кедабекского типа из Цителицкаро [161, с. 123, рис. 1б]; североармянские кинжалы из Гомна [84, с. 203, табл. XIII], Сасирети [135, рис. 8в,с]; вилы из Бадиаури [38, табл. XV_2]; рукоять талышского бронзового меча из Мхарти [12, рис. 60], Кущи [12, рис. 59, табл. XXXVII], Цинцкаро; урартский бронзовый пояс из Тли [163, рис, 5, 6]; фрагмент урартского бронзового пояса из Хирса [38, табл. XIV_3]; кедабекские (?) бронзовые мечи из Цеми, Акура, Насамхрали; кедабекские кинжалы из Бешташени [12, табл. XLIV], Цинцкаро [12, рис. 55]. Во многих пунктах на территории Шида Картли обнаружены колхидские бронзовые изделия: топоры, мотыги, поясные пряжки и др. Во многих уголках Восточной Грузии встречаются т. н. скифские наконечники стрел; в Сигнахском районе найдена бронзовая голова барана с закрученными рогами, северокавказское происхождение которой не вызывает сомнений и т.д.

Типично восточногрузинские материалы известны и в других, порой весьма удаленных районах. Кахетские бронзовые кинжалы встречаются на Северном Кавказе [56, с. 28, табл. XI_1], в Мингечауре [34, табл. XXVIII_6], в Мехчис цихе [165, с. 329, рис. 22]. В Дагестане обнаружен «кахетский» бронзовый наконечник копья с цельной втулкой и двумя рельефными поясками на ней [57, с. 74, рис. 18_4]. На Северном же Кавказе известны и другие подобные предметы [166, табл. $IV_{1,2}$][27]. На Украине, у с. Подгорцы, найден глиняный горшок с находившимся в нем бронзовым поясом, который, судя по описанию П. Уваровой и Т. Ивановской, похож на изделие ремесленников Восточной Грузии [164, с. 37—39; 167]. Восточно-закавказское происхождение приписывается также бронзовому поясу, обломки которого найдены в Кобани [164, с. 35, табл. $XXXVII_{1,2}$].

Есть основания предполагать существование контактов некоторых племен Закавказья и, в частности, Восточной Грузии с отдаленными народами. В закавказских памятниках эпохи поздней бронзы часто встречается раковина каури, характерная только для морей Индии. На подобные контакты должно указывать и снабжение Закавказья оловом.

Привозными из Передней Азии специалисты считают сердоликовые бусы [138]. Отсюда же, вероятно, попали в Джимити, Махатас гора, Земо Бодбе и Дигоми бронзовые кинжалы и др.

Во второй половине второго тысячелетия до н. э. на теснейшие

[27] Этот материал хранится в Восточноазиатском музее г. Будапешта, среди материалов, привезенных Е. Зичи, инв. №№ 8216, 8227.

связи племен Восточной Грузии со странами Передней Азии указывают находки ряда закавказских предметов в Северной Сирии на городище и могильнике Хама (Hama) [168, рис. 110, 117, 120 и т. д., табл. X]. На такие же контакты должны указывать переднеазиатские бронзовые панцирные пластинки 14—13 вв. до н. э., найденные в погребениях могильника Насадгомари около с. Гадрекили (ныне сел. Махарадзе Гурджаанского района), в погребении, изученном около сел. Магаро и т. д.

Для осуществления контактов обитателей Восточной Грузии как с соседними областями, так и с более удаленными должны были существовать стабильные дороги. Как уже отмечалось, для связей с северными странами в летние месяцы, например, использовались все перевалы Большого Кавказа [214]. Постоянной дорогой этого времени, связывающей Закавказье с югом, признается ущелье р. Куры. Далее эта дорога шла по ущелью Гуджарети через Бакуриани или Табацкури в Триалети и Северную Армению (Б. А. Куфтин, О. С. Гамбашидзе, А. А. Мартиросян). Вероятно, сообщение Шида Картли с Триалети издавна осуществлялось посредством удобных переходов через ущелья рр. Тана, Тедзами и Кавтура [169, с. 47].

Основной магистралью, связывающей Кахети с Триалети, была, по-видимому, т. н. «овечья дорога», по которой перегон овец осуществлялся до недавнего прошлого. Естественно, что должно было существовать и множество других дорог, которые связывали между собой Шида Кахети с Тианети и др. областями. Однако в настоящее время проследить их невозможно, т. к. материальная культура ряда географических пунктов почти не отличается друг от друга.

§ 8. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

В Восточной Грузии исследовано большое количество археологических памятников, материалы которых дают возможность составить представление о духовной культуре местных племен в XV—VII вв. до н. э.[28] К ним относятся святилища, обнаруженные на поселениях Катналихеви, Нацаргора и Ховле[29], и обособленные святилища Мелигеле и Мелаани.

Святилище Мелигеле

Местечко Мелигеле расположено в Гурджаанском районе, в 7 км к югу от с. Мелаани. В 1964—1967 гг. здесь были проведены раскопки, в результате которых (несмотря на сильную поврежденность) были обнаружены два разновременных святилища[30] [37, табл. XXIII$_1$].

---

[28] Эту проблему по археологическим материалам специально изучает научный сотрудник Кахетской археологической экспедиции Б. К. Чолокашвили. Поэтому мы ее не рассматриваем детально.

[29] Святилище на поселениях Ховле, Катналихеви и Нацаргора подробно описаны и изданы, поэтому здесь мы на них не останавливаемся [79; 170, с. 31—32; 146].

[30] Поскольку изучение этого памятника связано с новостройками и будет завершено только после 1980 г., мы ограничиваемся сообщением лишь самых общих сведений.

Святилище Мелигеле I

Святилище представляет собой круглую площадку, окруженную рвом двухметровой ширины и 60-сантиметровой глубины, окаймленную булыжником небольшого размера [37, табл. XXIII$_2$]. На всей территории памятника встречаются большие и малые группы предметов. Особенно много их во рву в северной части святилища. В восточной и западной частях находились две большие ямы, диаметром 3—3,5 м, заполненные чисто древесной золой и различными предметами, смешанными с ней. В центре ям стояли крупные глиняные сосуды, в которых также была зола. Вокруг восточной ямы располагались два каменных кольца, заполненные чистой золой, окруженные небольшими сосудами и множеством мелких предметов.

Основную часть материалов Мелигеле I составляют глиняные сосуды различных размеров, в основном мелкие [37, табл. XXV—XXIX]. Среди них есть сосуды для питья, высотой не более 2 см, встречаются и маслобойки таких размеров. Особенно многочисленна посуда средних размеров (высота 10—17 см), представляющая собой сосуды с высокими горлышками. Большие сосуды представлены в основном одноручными кувшинами, ушки которых украшены, как правило, геометрическим и «звериным» орнаментом (овца, змея, олень, коза) [37, табл. XXVIII$_2$—XXIX]. На крупных сосудах встречаются рельефные и резные изображения животных и богатый геометрический орнамент [37, табл. XXXI—XXXVII]. На двух из них изображена сцена охоты [37, табл. XXXVI]. Как правило, керамика изготовлена из мелкозернистой глины и хорошо отполирована. Много грубых сосудов, украшенных концентрическими резными линиями и косыми насечками, окаймляющими плечики и края донышек. Встречаются и т. н. «марани» разных размеров, в основном фрагментированные.

В Мелигеле I много и других материалов: сердоликовых бус, обсидиановых наконечников стрел (до тысячи, причем среди них много имитаций) [37, табл. XL$_1$], бронзовых колец, пуговиц, подвесок [37, табл. XL$_2$—XLII], несколько имитаций меча, пинцетов, глиняных печатей с символическим изображением небесных светил (свастика, крест, спираль и многое другое). Обнаружено семь бронзовых и две глиняные статуэтки обнаженных женщин (последние прилеплены к ушкам глиняных сосудов [37, табл. XLIV]. На некоторых из них маски в виде головы барана. Женские статуэтки, характерные для всех раннеземледельческих поселений Передней и Средней Азии, принято считать символом плодородия [171, с. 204—275]. Подобный изображениями богаты и кавказские памятники.

На территории Мелигеле I обнаружено около 86000 отдельных предметов и их фрагментов. Особый интерес вызывают «инкрустированные» в земле изображения, расположенные в центре самой высокой части святилища [37, табл. XXIII$_1$; XLV; XLVI]. Они исполнены следующим образом: в земле вырыты канавы различных размеров, которые заполнены золой и обгоревшими костями овцы. Таким способом получены стилизованные изображения различных животных и птиц. Изображения больших размеров иногда достигают 2-х метров. Особенно они хорошо сохранились по краям основной площади святилища, а в центре заметить их трудно. Одной из причин этого является то, что еще в древности они обновлялись или перекрывались другими.

Техника изображений Мелигеле I близка к технике изображе-

ний, обнаруженных на полу святилища поселений Катналихеви [146, с. 38, 39 и т. д., табл. V_2, VI].

На ритуальный характер памятника указывают находки большого количества имитаций глиняной посуды, наконечников стрел, мечей, статуэток обнаженных женщин, заполненных золой больших глиняных сосудов[31], окаймленных каменными кругами ям — «жертвенников», изображений на земле и т. п., а также его планировка — площадь, ограниченная рвом и каменной оградой с вырезанными в центральной части изображениями «святых» животных. В горных районах Восточной Грузии до сих пор встречаются святилища («хати»), имеющие такую же планировку, с расположенными в центре символами поклонения (ниши), вокруг которых группами укладываются жертвенные предметы.

Можно допустить, что святилище Мелигеле I, как и святилище Катналихеви, было посвящено божеству Великой матери, о чем свидетельствуют находки статуэток обнаженных женщин и другие данные. Примечательно, что среди жертвенных предметов преобладают бронзовые кольца, сердоликовые бусы и другие женские украшения. Не исключено, что так же, как в других местах, пантеон Мелигеле был основан на принципе старшинства.

Главное божество Мелигеле I — Великая матерь прежде всего представляла собой божество изобилия и была тесно связана с земледелием, и еще больше со скотоводством. На это указывает особое значение овцы в ритуальных обрядах святилища Мелигеле I, о чем свидетельствуют скульптурные изображения овец (баранов) на сосудах, овечья маска на статуэтке обнаженной женщины[32], примешивание обгоревших костей овцы в золу, используемую для «инкрустированных» в земле изображений «святых», кучи овечьих астрагалов.

По данным этнографии [177], в тех районах Грузии, где было развито овцеводство, до последнего времени сохранились башни, в которых содержали «святых» овец. Овца была не только жертвенным животным, но и олицетворяла божество. Перед овцой или ее изображением совершались праздничные церемонии. Как отмечает С. И. Макалатия, изображение овцы — «хати» существовало до последнего времени в с. Цдо [179]. Здесь культ овцы был связан с божеством плодородия Квирия [178].

Участие овцы в ритуальных церемониях засвидетельствовано и археологическими материалами Восточной Грузии. На поселении Квацхелеби, в слое C_1, например, обнаружены кучи овечьих астрагалов, а в слое C_3—глиняная скульптурка овцы [115, с. 9—19]; в Хов-

---

[31] Жертвоприношения божеству в виде орудий и продуктов сельского хозяйства издавна известны на Кавказе [172, с. 104—105; 164, с. 235]. Подобные обычаи были и у греков [173, с. 186]. В эпосе о Гильгамеше отмечается, что Гильгамеш изготовил из глины скульптуру, наполнил сердоликовый сосуд медом, а сосуд из синего камня— маслом (топленым) и преподнес Шамаш [174, с. 56].

[32] В научной литературе известно достаточно фактов, когда маску животного надевал тот, кто олицетворял это животное во время совершения обряда [175, с. 250]. По мнению некоторых исследователей, маска должна была защищать лицо от демона; другие ученые полагают, что она олицетворяла добрых и злых духов. Судя по изображениям триалетского серебряного сосуда [176, с. 20—23, табл. XI], традиция масок в Грузии имеет давнюю историю.

ле было открыто помещение со скульптурным изображением керамической головы барана, точно такая же баранья голова случайно была найдена около сел. Бодбе; бронзовая скульптура барана обнаружена на святилище Шилда и т. д.

На ушке одного из сосудов, обнаруженных в Мелигеле I, имеется изображение барана и залезающей к нему в рот змеи. Изображения змеи имеются также и на других сосудах.

Судя по этнографическим данным, ушку сосуда придается особое значение в борьбе со злыми духами. Считается, что такие сосуды не следует накрывать, ибо злые духи туда войти не смеют, а сосуды без ушек обязательно должны быть накрыты [180, с. 73].

На связь божества Мелигеле I с земледелием указывают обнаруженные здесь бронзовый серп, вкладыши составных серпов и т. д.

Можно предполагать, что главное божество Мелигеле I — божество плодородия — одновременно являлось и божеством охоты[33]. О существовании в Мелигеле культа охоты свидетельствуют многочисленные изображения сцен охоты, и особенно многочисленные изображения оленя, встречающиеся на глиняной посуде, в центральной части святилища, а также в виде отдельных бронзовых статуэток[34]. Это подтверждают и частые находки обсидиановых и кремневых наконечников стрел, среди которых немало имитаций.

Во время культово-обрядовых церемоний на святилище Мелигеле I, вероятно, исполнялись групповые танцы в масках. Здесь найдены две глиняные статуэтки танцующих женщин в масках и бронзовая фигурка обнаженной женщины в маске.

Мелигеле I относится ко второй половине II тысячелетия до н. э.[35]. По-видимому, святилище функционировало в течение нескольких столетий. Разновременные материалы здесь перемешаны, и их хронологическая характеристика стала возможной лишь благодаря сопоставлению с материалами могильников, открытых в сс. Земо Бодбе и Гадрекили, позволивших выделить в материалах Мелигеле I изделия переходного периода от средней к эпохе поздней бронзы, и находки, относящиеся к раннему этапу и второй ступени эпохи поздней бронзы.

Святилище Мелигеле II

Северо-западная часть Мелигеле II непосредственно граничит с Мелигеле I и в одном месте даже перекрывает его [37, табл. XXIII; XLVII_1]. Установлено, что святилище представляло собой крупную в плане площадку диаметром 90 м, окруженную оградой высотой 1 м, шириной 10 м, состоящей из трех каменных кругов, местами расположенных в виде терасс. Между каменными кругами имеются «перегородки», а сами круги, как и пространство между ними, заполнено сильно обожженными камнями, большинство которых потрескалось и распалось на мелкие кусочки [37, табл. XLVII].

---

[33] Заслуживает внимания предположение Б. А. Куфтина о том, что первоначально божество плодородия было связано с божеством охоты [12, с. 89—90, 92].

[34] На памятниках как эпохи ранней, так и поздней бронзы олень тесно связан и с аграрным культом плодородия [234, с. 192].

[35] Все высказанные предположения носят предварительный характер. Для получения окончательных выводов требуется глубокое специальное изучение вопроса, что будет возможно только после завершения раскопок святилища.

Местами между камнями ограды Мелигеле II обнаружены отдельные группы украшений и железного оружия [37, табл. XLVIII], среди которых преобладало боевое. Здесь же найдено несколько групп обсидиановых отщепов, а на ограде — единичные экземпляры наконечников стрел и копий [37, табл. XLIX]. Тут же обнаружены фрагменты керамики, которые, в отличие от Мелигеле I, представляли собой очень крупные (квеври) или мелкие сосуды для питья.

Центральная часть святилища почти полностью уничтожена во время посадки полезащитной лесной полосы. Во время раскопок поврежденного слоя на глубину до 0,7 м были найдены фрагменты керамики, различные бронзовые и железные предметы (бронзовые статуэтки — мужчины, лошади; железные наконечники копий и т. п.), однако количество находок по сравнению с Мелигеле I значительно меньше.

В центральной части святилища встречено несколько фрагментов плоскодонных квеври, а в одном месте выявлен каменный круг диаметром 0,7 м, центр которого и окружающая его площадь в радиусе 0,5 м были покрыты чистой древесной золой. По-видимому, как в первом так и во втором святилище эти круги и ямы играют роль жертвенников или алтарей.

Многочисленные аналогии глиняной посуды и металлических изделий, хорошо известных на других памятниках Закавказья, позволяют датировать Мелигеле II первой половиной I тысячелетия до н. э.

Многочисленность предметов вооружения дает повод предполагать, что в Мелигеле II, как и в Мелаани, господствовал не только культ плодородия, но и культ войны.

В северо-западной части Мелигеле II перекрывает Мелигеле I без всякой стерильной прослойки, и создается впечатление, что святилище не прекращало здесь своего существования. Правда, археологический материал не позволяет установить между ними непосредственную хронологическую последовательность, что объясняется его малочисленностью. Но сам факт создания Мелигеле II почти на том же месте, где ранее существовало Мелигеле I, свидетельствует о том, что люди, создавшие второе святилище, помнили о местонахождении первого. Следовательно, мы имеем здесь дело с продолжением старых местных традиций духовной культуры. Поэтому сам факт функционирования святилищ на одном и том же месте в течение восьми столетий (XV—VII вв. до н. э.) позволяет предполагать существование стабильного местного населения в течение всего этого периода.

Ближайшей аналогией Мелигеле II является святилище, раскопанное в 1959 г. в с. Мелаани [38, с. 82—103].

Святилище в с. Мелаани

К началу археологических раскопок культурный слой святилища почти полностью был уничтожен (подробности см. 38, с. 82—110, табл. XVI—XXX), и поэтому представление о его характере можно составить лишь на основании материалов из раскопок Мелигеле II.

Культурные слои в сохранившейся части святилища Мелаани стратиграфически располагались следующим образом: под гумусным слоем толщиной 25 см находился культурный слой, верхний гори-

зонт которого представлял собой каменную насыпь мощностью 20 см, состоявшую из потрескавшихся и раздробленных в огне камней. Вдоль центральной ее части на том же уровне проходила другая насыпь из довольно крупных обломков, а иногда и целых камней, которая, очевидно, представляла собой остатки ограды святилища. Местами она, как и ограда Мелигеле II, имела «перегородки».

Раскопками было установлено, что грунт под каменной насыпью не был утрамбован. По всей площади раскопа были разбросаны фрагменты керамики и разные мелкие предметы. Основная часть материала была сгруппирована в пяти местах: две группы располагались внутри и вокруг горшка, до половины углубленного в грунт; две другие — в ямах, заполненных золой и углем, и последняя — под кучей камней. Следует отметить, что и обнаруженные до раскопок комплексы располагались группами под каменной насыпью. Комплекс № 1 был найден в глиняном сосуде, комплексы №№ 2, 3 — в ямах и т. д.

На территории раскопанной части святилища были обнаружены фрагменты почти тысячи сосудов, 234 экземпляра (!) боевого оружия и фрагментов конской сбруи. Остальные металлические предметы представляли собой хозяйственные и культовые вещи: 4 мужских статуэтки, 12 амулетов, 2 ножа для подрезки виноградной лозы, 2 слитка, 9 ножей, 3 серпа, 7 бронзовых поясов и т. д.

Итак, на основании целого ряда признаков (структура культурного слоя, расположение и назначение большого количества найденных в нем предметов) можно утверждать, что памятник в с. Мелаани представлял собой святилище, находившееся в отдалении от одновременного ему жилья.

Почти все известные до сих пор святилища эпохи поздней бронзы и железа были связаны с поселениями и располагались обычно вблизи жилья, иногда даже внутри него (Нацаргора, Ховле, Кармир-блур, Казах и др. [79, с. 254—257; 181, с. 25, 72—74; 182; 170, с. 30, 31 и др.]. Естественно, что на основании этих данных делались соответствующие выводы, жилые холмы вполне справедливо рассматривались и как культовые места [39, с. 158].

Однако на определенной ступени развития общества у людей стала проявляться потребность, наряду с жертвенниками, существовавшими при жилье, создавать специальные общие культовые места (в Иоро-Алазанском бассейне, например, это началось со второй половины II тысячелетия до н. э.). На это были свои причины.

Как известно, этот период характеризуется образованием крупных союзов родственных племен. Однако, признавая это, исследователи не учитывают, что наряду с этим, обязательной потребностью должно было стать и идеологическое единство, что в первую очередь выразилось бы в появлении общего божества, в честь которого стали бы создаваться культовые центры, общие для нескольких поселений. В связи с этим, по-видимому, и возникли общие святилища, подобные Мелаани и Мелигеле.

Не подлежит сомнению, что с выделением общих божеств и посвященных им «храмов» появился и обслуживающий их персонал типа переднеазиатских жрецов. По нашему мнению, на это указывают известные в археологической практике находки погребений эпохи поздней бронзы и железа, содержащие многочисленные культовые предметы. Очевидно, это были погребения жрецов.

При изучении мелаанского святилища, естественно, возникает

вопрос, какому божеству оно было посвящено. Археологические материалы позволяют не только составить представление о хозяйственной жизни населения, но и выяснить некоторые стороны его духовной жизни.

Установлено, что обитавшее здесь население, как и население всего восточного Закавказья, в этот период занималось интенсивным земледелием, скотоводством и различными ремеслами [31, с. 24—26, 183; 181, с. 68, 69 и др.; 29, с. 60 и т. д.]. Наряду с этим одним из основных занятий населения Иоро-Алазанского бассейна первой половины I тысячелетия до н. э. была война, о чем свидетельствуют находки в Мелаани огромного количества бронзового боевого оружия, составляющего основную массу обнаруженных здесь металлических предметов.

Война в этот период играет большую роль в жизни людей. (В Передней Азии происходят крупные военные столкновения). Поэтому, даже если жители Мелаани были мирным племенем, вооружение все равно им было необходимо, хотя бы для защиты от агрессивных соседей. Урартийцы и мидийцы с юга, скифы и соседние с ними племена с севера и северо-востока непрерывно создавали опасность нападения. Судя по археологическим материалам, обитатели мелаанской территории поддерживали отношения со всеми этими народами. Естественно, что в периоды большой опасности главным божеством племени становилось божество войны, о чем свидетельствует преобладающее на святилищах боевое оружие. В таком сильном государстве, как Урарту, например, главным божеством являлся бог войны — Халд, которому был посвящен центральный храм в Мусасире [184, с. 160—164; 185]. Этот храм мы считаем наиболее близкой аналогией нашему памятнику, хотя, конечно, Мелаанское святилище уступает ему во всех отношениях. Судя по сохранившемуся в Хорсабаде рельефу, мусасирский храм представлял собой капитальное здание, фасад которого украшали золотые щиты и копья [186, с. 49; 187, 253; 188, с. 16, рис. 5]. В знаменитой луврской табличке повествуется о разграблении этого храма Саргоном II в 714 г. до н. э. и подробно описываются все предметы, которые были вынесены оттуда воинами ассирийского царя. Среди них преобладало золотое и серебряное боевое оружие, а также медные бронзовые щиты (25212 экз.), копья (1514 экз), мечи (305412 экз.) и луки. Кроме того, в табличке упоминаются медные сосуды, одежда, скульптуры царей, фигуры быков, бронзовые слитки и др. Железных предметов сравнительно мало [189, с. 33 и дальше; 31, с. 33].

По-видимому, исследованный в Мелаани памятник, как и храм в Мусасире, представлял собой святилище, посвященное прежде всего божеству войны[36]. Здесь, как и в мусасирском храме, среди жерт-

[36] Следует отметить, что мелаанское святилище было посвящено не только божеству войны. На существование здесь и культа божества плодородия указывают находки статуэток обнаженного мужчины с рогом в руке, лепных изображений различных животных на глиняных сосудах и т. п. [173]. Вряд ли можно допустить, что у племен Иоро-Алазанского бассейна в этот период существовал культ лишь одного обособленного божества. Очевидно, здесь почитались и другие божества, которые еще не были отделены от культа божества войны, который часто бывал неотделим от культа божества плодородия; например, покровительницей города Урука была богиня Иштар, которая, с одной стороны, представляла собой божество любви и плодородия, а с другой,—божество войны и распрей [174, с. 205].

венных металлических предметов преобладают предметы вооружения и конского убранства. На связь памятника (святилища) с божеством войны указывают также находки идолов (?), изображающих вооруженных мужчин.

И, наконец, Мелаани можно считать святилищем, посвященным божеству войны, исходя из состояния развития общества в этот период. В эпоху больших войн, как уже отмечалось, главным божеством союза племен, обитавших на территории Восточной Грузии, могло быть божество войны. Судя по количеству жертвенных предметов, святилище должно было принадлежать крупному племени или какому-нибудь другому объединению.

Наиболее ранними из жертвенных предметов представляются бронзовые мечи, а наиболее поздние изделия, найденные на территории святилища, т. н. скифские бронзовые наконечники стрел.

Хронологическое определение местного и импортного материала свидетельствует о том, что мелаанское святилище функционировало в течение нескольких столетий и было разгромлено врагом около середины I тысячелетия до н. э., точнее, в конце VII или в начале VI в. до н. э.

В 1969 году недалеко от с. Арашенда был обнаружен памятник аналогичный Мелаани[37] (правда, он почти полностью разрушен местным населением, бравшим отсюда камни для строительных целей). И здесь мы встречаемся с той же конструкцией святилища и с теми же находками (пережженные камни, множество керамики и бронзовых изделий, среди которых следует отметить фибулу «субмикенского» типа[38] и др.). Внешне памятник очень похож на Мелигеле II и Мелаани. Но, в отличие от последних, в окрестностях Арашенды Кахетская археологическая экспедиция обнаружила одновременное святилищу поселение и многоярусные могильники.

В 1976 г. был обнаружен, а в 1977 г. начались тотальные раскопки святилища в Кварельском районе на территории совхоза сел. Шилда.

В течение ряда лет с этого памятника в Музей Грузии и Телавский историко-этнографический музей поступали бронзовые фигурки животных и имитации разного оружия. Разведывательный раскоп, заложенный Б. Г. Майсурадзе в 1976 г., на этом памятнике выявил каменные круги из булыжника и массу бронзовых имитаций оружия и орудий труда, а также глиняных сосудов. Здесь же найдены были бронзовые статуэтки быка, оленя и др. По этим находкам святилище предварительно можно датировать эпохой поздней бронзы, вернее, теми веками, которые предшествуют появлению железа в этом краю,

---

[37] Как мы видим, на небольшой территории обнаружено четыре отделенных от жилья святилища эпохи поздней бронзы и железа. Это обстоятельство позволяет предполагать, что здесь существовал какой-то религиозный центр. В этом отношении заслуживает внимания и местная топонимика— «Мелаани», «Мелигеле», «Гадрекили», что, вероятно, связано с названием широко распространенного в Грузии культа плодородия— «Мелиа тулепиа» и «адрекилаи» [190, с. 63—77; 191, с. 205]. В грузинской археологической литературе существует мнение, что наименование поселения эпохи ранней бронзы «Твлепиа кохи», на котором одновременно имеется и святилище, связано с названием указанного обрядово-культового празднества [115, с. 53; 192, с. 235].

[38] Арашенда в настоящее время является самой восточной границей распространения таких булавок.

т. е. XIV—XIII вв. до н. э., хотя здесь же найдены более поздние единичные предметы.

В том же 1976 г. интереснейшая находка была сделана около Цителицкаро, на горе «Гохеби», где на территории Руставского известнякового карьера была найдена уже упомянутая модель бронзовой колесницы (табл. XIII). Доследование памятника выявило небольшую пережженную площадку, в центре которой в зольной яме, с камнями вокруг, был обнаружен череп человека без нижней челюсти. Здесь же было найдено огромное количество обломков глиняных сосудов, железный нож и т. д. Все данные указывают на то, что здесь на верхушке горы в конце II—начале I тысячелетия до н. э. было расположено святилище.

Традиция поклонения «небесным силам» на этом месте существовала до последних времен.

Весьма значительные данные для изучения духовной культуры жителей Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа, кроме святилищ, мы находим и в отдельных предметах, найденных в погребениях и кладах. Таковыми, например, являются бронзовые пояса, на которых часто изображены мифологические сцены и отдельные символические знаки [193; 194; 195; 196 и др.]; скульптурные изображения лягушек, которые считаются символом плодородия [197, с. 10, табл. II_6; 200, с. 152; 201, рис. 4; 198, с. 12, 190, с. 387—388, 506], и т. д.

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ КУЛЬТУР ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕБРОНЗОВОЙ КУЛЬТУРЫ

§ 1. ПЕРЕХОДНОЙ ПЕРИОД ОТ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Общеизвестно, что орудия труда и оружие, созданные на ранних этапах развития человечества и встречающиеся на больших территориях, отличаются значительным сходством. Лишь постепенно, с развитием общества начинают выделяться отдельные материальные культуры и их локальные варианты. Восточная Грузия в этом отношении не составляет исключения.

По мнению специалистов (А. Н. Каландадзе, Д. М. Тушабрамишвили, Т. В. Бугианишвили и др.), в эпоху нижнего палеолита на всей территории Закавказья была распространена однородная культура. В настоящее время предпринимаются попытки выделения своеобразных групп в материальной культуре эпохи верхнего палеолита, но это своеобразие прослеживается лишь в деталях и пока не дает возможности выделить более или менее устойчивые единицы.

Несмотря на слабую изученность неолита в центральном Закавказье можно предположить, что если в это время и существуют своеобразные группы материальной культуры, отличия между ними незначительны. Об этом свидетельствует и весьма однообразная материальная культура последующей исторической эпохи — ранней бронзы. Как известно, т. н. Куро-аракская культура, особенно на ее позднем этапе, охватывает большую часть Закавказья и выходит далеко за его пределы [114; 144, с. 14; 207; 208; 209, с. 36; 210, 234, с. 45; 246, с. 366]. Для нее повсюду характерны общие признаки [205, с. 104]. Тем не менее исследования последних лет показывают, что и в ней можно выделить определенные группы материала (варианты), несколько отличающиеся друг от друга (О. М. Джапаридзе, Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева, Э. В. Ханзадян, Ш. Ш. Дедабришвили и др.), а в последнее время некоторые специалисты считают, что, например, шидакартлийский локальный вариант куро-аракской культуры настолько отличается от материалов, распространенных в других районах, что на современном уровне исследования возможно его выделение даже в отдельную культуру [245, с. 10].

Формирование в куро-аракское время отдельных культур подразумевается, например, в Шида Картли и Верхней Имерети; Квемо Картли и на территории современной Армении. Считают, что своеобразный путь развития Куро-аракская культура прошла на северном Кавказе, в частности на территории Дагестанской АССР. Некоторые же регионы (Триалети, Джавахетское плато и Кахети) не могут быть

отнесены ни к одной культуре, ввиду слияния и симбиоза на их территории различных культур [234, с. 60, 64; 42, с. 17].

Предполагают, что на основе более или менее однородной культуры эпохи ранней бронзы в эпоху средней бронзы в центральном Закавказье сформировалось несколько материальных культур, в том числе Триалетская[39] и Севан-Узерликская [211, с. 13].

Существование генетической связи т. н. куро-аракской культуры с последующей среднебронзовой, т. е. Триалетской культурой, доказывают в своих трудах многие специалисты [12, с. 84, 104—105, 123—124; 120, с. 5; 141, с. 15, 77—78; 165, с. 294; 202, с. 183; 147, с. 45 и др.; 80, с. 53; 203, с. 9; 39, с. 107—109, 126; 134, с. 63—68; 16, с. 225; 204, с. 3, 4, 31—47; 206, 35].

Я. А. Киквидзе еще более конкретизирует вопрос происхождения т. н. Триалетской культуры эпохи средней бронзы и думает, что в ее основу должна была лечь культура эпохи ранней бронзы, распространенная в Квемо Картли и Армении [234, с. 65].

По мнению Э. М. Гогадзе, «Триалетская культура в основном создана, как видно, частью местного общества, условно преиндоевропейского населения» [247, с. 94].

Целый ряд авторов придерживается в этом вопросе противоположной позиции (Г. А. Меликишвили, Л. Вулли, Ч. Барней, Дж. Мелларт — см. 247, с. 13—15), однако их утверждения, по нашему мнению, менее обоснованы.

Как известно, точные границы распространения Триалетской культуры до последнего времени не были ясно установлены.

Проф. А. А. Мартиросян считает, что широкие пласты однообразного облика Триалетской культуры охватывали значительную территорию Армянского нагорья и были распространены от эрзерумской области до Триалети [47, с. 72]. Таким образом, он считает Триалети периферией этой культуры, основной же территорией ее распространения — горную Армению и не замечает никаких проявлений Триалетской культуры более к северу.

По мнению Э. М. Гогадзе, такая позиция А. А. Мартиросяна несколько неожиданна [247, с. 9], т. к. известно, что еще у проф. Б. А. Куфтина, сразу после открытия этой культуры, был в распоряжении такой материал, основываясь на котором он писал, что у нас есть уже достаточное основание предполагать радиацию этой культуры из Триалети в соседние области, лежащие к северу от него [141, с. 16, 34, 35]. В настоящее время в пользу включения северных районов Восточной Грузии в сферу распространения Триалетской культуры говорят уже более многочисленные факты.

В последнее время в Шида Картли и Кахети выявлен не один пункт, где обнаружены глиняные сосуды с чернолощенной поверхностью, типичные для Триалетской культуры и которые вводят всю эту территорию в границы распространения данной культуры. Такими являются курганы Ашурианской долины [49, с. 212, с. 213]; культурный слой эпохи средней бронзы поселения Илто [214]; могильник Швиндиани близ с. Алаверди (Ахметский район [215, с. 78; 216, 39;

---

[39] На наш взгляд, С. Г. Деведжян абсолютно беспочвенно хочет изменить наименование Триалетской культуры, когда вслед за А. А. Мартиросяном [47, с. 27, 31] именует эту древнейшую грузинскую провинцию формой «Трехк», употреблявшегося в средневековых армянских источниках [270, с. 4—6].

217, с. 366]; курганы и поселения Оле на левом берегу р. Иори, южнее с. Земо Мачхаани [215, с. 78—79]; более двух десятков поселений, где установлены мощные культурные слои эпохи средней бронзы, расположенные на правом берегу р. Алазани к северо-западу от Цнори, Тибаани, Дзвели Анага и Карагаджи [70, с. 26—27; 43; 215, с. 79]; богатые курганные захоронения на берегу Иори (Садуга, южнее Качрети)[40]; погребения из Диди Лило — восточнее Тбилиси [248, с. 223—238; табл. XXII—XXIV, XXVI]; могильники Нули и Квасатали [218; 219, с. 27 и др.]; погребения и материалы из переотложенного культурного слоя, обнаруженные на самтаврском могильнике [74, с. 29—31, 220]; курганы у с. Дзвели Канда [221]; материалы из разрушенного погребения в с. Квемо Алвани[41]; материалы курганных погребений и поселений, обнаруженные Ш. Ш. Дедабришвили в 1977 г. на левом берегу р. Иори, в местечке Пурцелцкали и др.

С точки зрения распространения триалетской культуры интересны находки в с. Ардасубани [222; 223].

Нечего и говорить, что исключено существование на всей этой территории однородной культуры. Отдельные районы, наряду с признаками триалетской культуры должны были иметь и имели своеобразные характерные признаки, например, в Шида Картли [247, с. 49][42] и т. д. Однако профилирующие и определяющие их признаки, все же имели общий характер для всего Центрального Закавказья. В частности, чернолощенная керамика, с типичной триалетской орнаментацией (шевроны, фризы или ленты, нанесенные гребенчатым штампом, лощенные полосы, создающие сетчатый орнамент, лощенные волнистые линии и др.), черепком (изготовленный из чистой глины, с мелкими примесями кварца), двухслойным обжигом — светлой подкладкой и чернолощенной поверхностью[43], формы; золотые изделия и др.

---

[40] Здесь в конце 1971 г. Кахетская археологическая экспедиция обнаружила в кургане № 2 не только типичную для триалетской культуры керамику, но и характерные для этой культуры многочисленные золотые изделия (части штандарта, бусы и др.—259).

[41] Материал хранится в г. Сигнахи, на базе Кахетской археологической экспедиции.

[42] Как считает Я. А. Киквидзе, «Эпоха средней бронзы в Шида Картли представлена лишь памятниками, датированными концом этой эпохи; Квасатали, Нули, Мцхета, Ашурианская долина, Канда и др. Триалетская культура в период своего расцета не достигает ее» [234, с. 86].

[43] Примечательно, что генетическая связь триалетской культуры как с предшествующими памятниками [247, с.42, 79; 263,с.188—189], так и с последующими материалами установлена главным образом на основании чернолощенной керамики.

Расписная керамика довольно часто встречается в Центральном Закавказье с эпохи ранней бронзы [115, с. 35—36; 144, с. 65; и др.], однако, несмотря на это, она, как считают, попадает к нам в результате взаимоотношений с Передней Азией [144, с. 65] и в этом периоде не является определяющей местную материальную культуру.

Расписная керамика также не может быть профилирующей на территории Центрального Закавказья и в последующий период — эпоху средней бронзы.

На памятниках т. н. Триалетской культуры расписная керамика массово встречается только в богатых погребениях и вместе с этим лишь в южных районах этой культуры, т. е. на территории, которая непосредственно граничит с теми культурами, для которых расписная керамика является определяющей (о распространении расписной керамики см. 247, с. 84). Характерная для этого района Триалетской культуры расписная керамика имеет, главным образом, местные формы и мотивы росписи [247, с. 60]. Лишь техника украше-

На основании всего вышеуказанного проф. О. М. Джапаридзе устанавливает границы распространения триалетской культуры. По его мнению, «Триалетская культура была распространена на довольно обширной территории и занимала почти все Центральное Закавказье: часть предгорной полосы Квемо Картли, Триалети, Шида Картли, Кахети, Лоре (Ташир) в Северной Армении [211, с. 9—13; 16, 219—225][44].

Как свидетельствуют памятники, обнаруженные в последнее время в Армении, не исключено, что границы распространения Триалетской культуры достигают западных районов озера Севан — по линии Эреван—Гарни [227, табл. XXVI, XXXI, рис. 94, 95; 228; 206, с. 71].

Таким образом, в настоящее время в научной литературе принято мнение, что Триалетская культура эпохи средней бронзы появляется на базе предыдущей местной, т. н. куро-аракской культуры, и является типично центрально-закавказской культурой, которая распространена на вполне конкретной территории и характеризуется только для нее привычными общими признаками.

Однако для нас в настоящее время главным является не исследование характерных признаков культуры эпохи средней бронзы, а то, в каком взаимоотношении находится она с последующей культурой, распространенной на той же территории.

По этому вопросу существуют разные мнения: например, исследователи памятников Армении считают, что культура эпохи средней бронзы связана с последующей культурой эпохи поздней бронзы посредством памятников переходного периода между ними.

Таких памятников в Армении пока что очень мало. Они в основном представлены глиняной посудой, которая несет на себе множество признаков керамики эпохи средней бронзы и одновременно имеет целый ряд новых элементов, развитие которых приводит к полному изменению в эпоху поздней бронзы сосудов эпохи средней бронзы [47, с. 73].

Такими памятниками являются норатусское погребение (Норбаязетский район); материалы верхнего слоя Муханат-тепе и др. [47, с. 74].

Однако эти памятники не пригодны для увязывания типичной Триалетской культуры с последующей культурой эпохи поздней бронзы, т. к. они представляют собой срединное звено между другими, в частности, узерлик-севанской и последующей за ней культурой поздней бронзы.

На существование определенного материала между культурами эпох средней и поздней бронзы в Восточной Грузии обратил внимание еще проф. Б. А. Куфтин.

ния необычна и вообще не характерна для северных районов распространения триалетской культуры (обнаруженные экземпляры глиняной посуды, расписанные по красному фону черной краской из Рустави [224, с. 178—179, табл. XV_1]; Нареквави [225, с. 196—197, табл. III_3]; Приневи [225, с. 197]; поселений Ткисбологора, Наомари гора, Швиндиани (Кахети) и подобные им изделия из Триалетских курганов абсолютно чужды для этого края и, как видно, они попадают сюда ввиде готовой продукции из более южных стран (ср. 226, с. 4, 5).

[44] В связи с этим очень интересно сведение об обнаружении в 1963 году группы триалетско-кироваканских курганов, находящихся в Нахичеванской АО у с. Азнабюрд Норашенского района [247, с. 65], а также в курганах находка типично триалетской посуды у г. Карса [286, с. 46].

При исследовании инвентаря двух погребений, обнаруженных в Байбурте, он отметил, что трудно отвести этим комплексам соответствующее место в хронологической схеме, т. к. в раскопанных в Триалети археологических памятниках такой материал неизвестен. Хотя, по его же словам, не следует исключать и то, что Байбуртские погребения старше бешташенских грунтовых погребений, т. е. фактически байбуртские комплексы он поместил между эпохой средней бронзы и ранним этапом эпохи поздней бронзы [12, с. 75—77]. Он видел возможность выделения памятников переходного этапа от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы и среди материалов нульского могильника [141, с. 18]. Несмотря на все вышеуказанное, Б. А. Куфтин не смог, ввиду малочисленности материала, окончательно решить этот вопрос и все же допускал определенный разрыв между памятниками эпох средней и поздней бронзы [141, с. 5—6].

В дальнейшем часть исследователей более определенно высказали мнение о существовании генетической связи между археологическими материалами эпох средней и поздней бронзы[45] [203, с. 9; 39, с. 108], но несмотря на то, что некоторые специалисты и видели сходство между материалами этих эпох, придерживались противоположного мнения и считали, что этот момент указывает больше на хронологическую, чем генетическую близость между ними [204, с. 3, 20, 90; 247, с. 15, 44][46].

Позиция той части исследователей, которые разделяли генетическую связь развития двух этих этапов, не была прочной, т. к. в их утверждениях не хватало достаточного конкретного материала. Поэтому такое утверждение внешне носило искусственный характер, было малоубедительным и, естественно, в таких условиях как будто больше утвердилось мнение тех, кто отрицал эту связь.

Однако отрицанию связи между материальными культурами эпох средней и поздней бронзы способствовала не только недостаточность соответствующего материала. Одна из основных причин этого размежевания заключалась в том, что в последнее время в хронологической шкале, основанной на металлическом материале Восточной Грузии, памятники, отнесенные к ранней ступени эпохи поздней бронзы, были непосредственно приближены к памятникам последнего этапа эпохи средней бронзы [50, с. 103; 26; 81]. Естественно, что все вышеуказанное являлось закономерным итогом многолетних и глубоких исследований. Но, несмотря на это, если оно ранее не вызывало сомнений, то в настоящее время в свете новых находок его невозможно разделить. Дело в том, что до последнего времени во время периодизации памятников материальной культуры Восточной Грузии главное внимание уделялось металлическим изделиям. На первый взгляд такой путь исследования вопросов хронологии выглядит как будто верным, т. к. известно, что этапы развития общества эпох бронзы и железа выделены именно в соответствии с развитием ме-

---

[45] Интересно что по антропологическим материалам в Грузии отмечается непрерывное генетическое единство населения на протяжении всей бронзовой эпохи и в дальнейшем,— см. 229, с. 21; 230, с. 16; 327.

[46] Как мы увидим ниже, Э. М. Гогадзе в своей последней работе переменил мнение. Он посчитал убедительным наше выделение переходного этапа от эпохи средней к эпохе поздней бронзы и признал существование генетической связи между этими двумя эпохами [248, с. 237].

таллических изделий и им даны подобающие наименования: эпохи ранней, средней, поздней бронзы, раннего и широкого освоения железа.

Однако, несмотря на все вышесказанное, как видно, при изучении вопросов хронологии методологически было неоправданным ставить на первый план лишь металлический инвентарь.

Именно в результате такого пути исследования остался вне внимания целый ряд этапов развития материальной культуры Восточной Грузии. В частности те, которые до настоящего времени представлены почти только глиняными сосудами. Таким, например, является одна из важнейших, с точки зрения генезиса культуры, ступеней развития материальной культуры — переходный этап между эпохами средней и поздней бронзы[47] и, как увидим ниже, собственно ранняя ступень эпохи поздней бронзы, профилирующими для которых также являются глиняные сосуды.

Однако все же главным недостатком такого исследования было то, что с целью утверждения непрерывности развития, но при упущении целых этапов развития материальной культуры, были вплотную сближены разные хронологические этапы и их приняли за непосредственно следующие друг за другом периоды. В частности, за ранний этап эпохи поздней бронзы приняли и сблизили непосредственно с поздней ступенью эпохи средней бронзы, шидакартлийские комплексы, содержавшие бронзовые листовидные кинжальные клинки, которые в действительности, как будет показано ниже, фактически представляют собой довольно развитую ступень эпохи поздней бронзы.

Понятно, что все это имело свои причины. В частности то, что, когда некоторые исследователи в типичных комплексах эпохи поздней бронзы заметили элементы, характерные для эпохи средней бронзы [50, с. 68; 77, с. 30; 78, с. 105, 115—116; 147, 148; 247, с. 65], или, наоборот, появление в комплексах конца эпохи средней бронзы определяющих признаков эпохи поздней бронзы [47, с. 64—65; 247, с. 63, 68; 250, с. 511, 514—515], на этом основании они сближали между собой эти комплексы разного времени или больше, относили их к переходному периоду. Все это, ясно, вносило большую неразбериху в исследование проблемы.

На наш взгляд, сходство между некоторыми элементами комплексов двух различных этапов не может служить основанием для их хронологического сближения, тогда как материалы этих периодов в целом и глиняные сосуды в особенности явно отличаются друг от друга.

В том случае, если имеет место изменение материальной культуры, то возможна хронологическая последовательность двух периодов, содержащих разные материалы и имеющих сходство между собой лишь в единичных элементах.

Однако поскольку в Центральном Закавказье, как увидим ниже, устанавливается постепенное и последовательное развитие местной материальной культуры, мы вправе предполагать, что главная и основная линия развития материальной культуры этого региона была непрерывна и последовательна. (Мы не исключаем влияния из-

---

[47] Памятниками этого этапа некоторые авторы неоправданно считают самтаврские погребения, содержащие листовидные кинжальные клинки [76, с. 61].

вне, что находит выражение в появлении материалов нового облика. Однако, если подтверждается непрерывное развитие местной культуры, то эта новая культура не должна изменять ее основ). При таком положении вполне естественно, что хронологически оторванные друг от друга этапы могут иметь сходные признаки и, ясно, что это сходство не может служить основанием для их хронологического сближения.

Таким образом, на основании единичных сходных элементов комплексы, которые считались характерными для конца эпохи средней бронзы и ранней ступени эпохи поздней бронзы, не связывались тесно друг с другом и, т. к. их считали хронологически последовательными, невозможно было проследить за непрерывным развитием материальной культуры. Со своей стороны все это стало источником неверных выводов при решении довольно значительных вопросов. В частности, существование этого кажущегося разрыва в развитии материальной культуры Восточной Грузии превратилось в основу того, что в промежутке между эпохами средней и поздней бронзы стали усматривать и коренные этнические изменения [247, с. 15].

На наш взгляд, для того, чтобы избежать подобных неточностей, следует направить исследование в параллельное русло — равномерно предусматривать как металлический, так глиняный и вообще весь археологический материал и, в первую очередь, его морфологическо-типологическую эволюцию [247, с. 12]. Только в этом правильный путь исследования генезиса культуры[48].

В настоящее время, в связи с обнаружением новых археологических материалов, появилась возможность судить об этой проблеме более определенно и убедительно. Еще в 1965 г. мы имели возможность на основании материалов, добытых в Кахети, а затем по памятникам всей Восточной Грузии, неоднократно высказываться о существовании генетической связи между эпохами средней и поздней бронзы [231, с. 17—18]; [232, с. 179; 216, с. 41 и др.] и на основании целого ряда материалов утверждать существование переходного этапа между этими эпохами [231, с. 17—18; 232, с. 179; 253, с. 25—29; 37, 123—146][49].

---

[48] При выделении как переходного этапа, так и ранней ступени эпохи поздней бронзы мы невольно заостряем внимание на глиняной посуде, т. к. в комплексах этого времени пока ещё мало металлического инвентаря, однако мы не оставляем без внимания и этот материал и даём его исчерпывающую характеристику.

[49] Наше соображение о существовании переходной ступени, выработанное на материалах Кахети [231, с. 18] в том же году разделил Ш. Ш. Дедбришвили [251, с. 10].

Далее З. Г. Шатберашвили заметил, что черепок, форма и орнаментация глиняных сосудов, обнаруженных в некоторых курганах Салоки хеви близ Гракали (Шида Картли), сближаются с памятниками раннего периода эпох поздней бронзы и хронологически близки к ним, тогда как погребения конструктиво связывались с погребениями эпохи средней бронзы [49, с. 14].

При изучении материалов каспского могильника М. Б. Барамидзе разделил взгляд Т. Н. Чубинишвили о том, что резкое отличие между глиняными сосудами эпох средней и поздней бронзы вызвано появлением гончарного круга, что сделало глиняную посуду эпохи поздней бронзы более разнообразной [252, с. 45]. Но несмотря на это, он вместе с Т. Н. Чубинишвили считает возможным связывать между собой некоторые сосуды двух этих эпох. Например, крупные корчаги и сосуды баночной формы, обнаруженные в самтавском погребении № 55, которые имеют орнаментальные мотивы, характерные для триалетской расписной керамики [252, с. 45; 50, с. 66, 68].

В настоящее время, согласно новейшей научной литературе, существование выделенного нами отдельного этапа, который генетически связывает материальные культуры эпох средней и поздней бронзы, считается допустимым и даже прочно установленным [254, с. 34—35; 248, с. 236—237; 234, с. 82]. Однако в свете целого ряда новейших открытий мы считаем необходимым еще раз остановиться на этом вопросе, т. к. стало возможным более уверенно говорить о некоторых сторонах проблемы, а некоторые же вопросы требуют уточнения.

Выделению в Восточной Грузии переходного периода между эпохами средней и поздней бронзы способствовало два обстоятельства.

Первое — периодизация триалетской культуры, которую выработал Э. М. Гогадзе. Он предложил новую, отличную от схемы Б. А. Куфтина, классификацию. В частности, поменял местами куфтиновские первую (раннюю) и третью (позднюю) группы триалетских кур-

---

В последствии М. Б. Барамидзе попытался выделить переходный период, но не сформулировал его особенности и ограничился лишь перечислением памятников (Метехский курган, памятники Нули, Квасатали и Бошури), которые, по его мнению относятся к этому периоду, т. к. обнаруженные в них глиняные сосуды хорошо связываются с памятниками эпохи поздней бронзы. Далее, он отмечает, что глиняная посуда эпохи поздней бронзы своим черепком проявляет сходство с изделиями эпохи средней бронзы и указывает на один сосуд с розовой подкладкой, обнаруженный на каспеском могильнике [252, с. 45]. Понятно что эти данные не могли быть удовлетворительными для выделения новой хронологической ступени, результатом чего явилось неверное, но полностью естественное заключение М. Б. Барамидзе о том, что непосредственным продолжением эпохи средней бронзы является ранний этап эпохи поздней бронзы [252, с. 45], вследствие чего без места остаются абсолютно верно названные им памятники переходного периода.

Позднее, в 1972 г. вопроса взаимоотношения двух эпох коснулся Н. Н. Тушишвили. Он видит связь эпох средней и поздней бронзы на основании некоторых деталей керамики (общие очертания грушевидных или яйцевидных корчаг, украшение шейки, существование посуды красноватого обжига) и предполагает на территории Восточной Грузии непрерывное развитие культуры. С этой же точки зрения он придает большое значение корчаге с чернолощенной поверхностью и розовой подкладкой, обнаруженной в погребении № 24 мадничальского могильника, т. к. аналогичный черепок характерен в основном для эпохи средней бронзы. Однако он там же подчеркивает, что в средней части разлома черепка имеется серая прослойка [78, с. 115—116]. Это же, как известно, полностью чуждо для черепка эпохи средней бронзы. Н. Н. Тушишвили считает важным сходство данных химического анализа металлических изделий мадничальского могильника с памятниками Квемо Картли предшествующего и последующего периодов [78, с. 147—148], с чем, на наш взгляд, не следует особенно считаться при исследовании этого вопроса, т. к. оловянистая бронза характерна для многих разновременных археологических культур.

В поисках этого взаимоотношения Н. Н. Тушишвили идет еще дальше и, по его словам, вслед за Э. М. Гогадзе, выделяет в раскопанных Б. А. Куфтиным материалах комплексы, переходные от эпохи средней к эпохе поздней бронзы— сабитахчинский курган № 28 и табацкурский курган № 42 с земляной насыпью, а байбуртский могильник он считает несколько более старшим, чем эти курганы [78, с. 152]. Насколько нам известно, Э. М. Гогадзе, несмотря на то что заметил поздний характер сабитахчинского и табацкурского комплексов, затруднился выделить им соответствующее место в своей хронологической таблице и в общих чертах отнес их к концу эпохи средней бронзы или ее рубежу с эпохой поздней бронзы, а байбуртские и сталинирские комплексы связал с ранней ступенью эпохи поздней бронзы [247, с. 68—69, 95, хронологическая схема], а их принадлежность к переходному времени признал несколько позднее, уже после того как предусмотрел итоги изучения кахетского материала [248, с. 236].

ганов, оставив на старом месте лишь вторую группу [247]. Именно в результате такой перегруппировки стала возможной тесная увязка материалов эпохи средней бронзы с последующим этапом, т. к. часть памятников, выделенных нами, переходного этапа и ранней ступени эпохи поздней бронзы проявляет генетическую связь с комплексами выделенной Э. М. Гогадзе третьей и, частично, второй групп.

Вторым условием выделения переходного этапа явилось, безусловно, увеличение количества известного материала этого периода.

Лет пять назад мы писали: что в будущем, очевидно, придется внутри переходного этапа выделить раннюю и позднюю ступени, что в настоящее время, несмотря на немногочисленность комплексов этого времени, уже намечается существование трех последовательных этапов развития. К первому этапу мы относили кенотаф, обнаруженный на поселении Илто, и писали, что, возможно, эта ступень хронологически может не выходить за рамки самого последнего этапа эпохи средней бронзы, т. к. мы подразумеваем возникновение нового в недрах старого.

К памятникам второй ступени мы относили инвентарь курганов Земо Бодбе, целый ряд погребений Оле и др., где наряду с сосудами с грубым черепком уже не встречаются типичные среднебронзовые изделия, а явно развитые из них, которые наряду с многочисленными признаками эпохи средней бронзы в основном уже имеют облик, характерный для эпохи поздней бронзы. К третьей же наиболее поздней группе мы относили лишь ульяновский курган № 2 и помещали его на рубеже переходного этапа и эпохи поздней бронзы [37, с. 145].

Что же можно уточнить в настоящее время, или что можно добавить к этому?

В связи с новейшими находками как в Кахети, так и Тбилисской археологической экспедицией вполне справедливо выработано мнение, что до памятников переходного этапа были опережающие их по времени комплексы, которые, в свою очередь, судя по триалетским материалам, были более поздними, чем выделенная Э. М. Гогадзе третья группа памятников эпохи средней бронзы. Поэтому эти комплексы должны быть приняты за памятники конца эпохи средней бронзы[50]. Это погребение № 156, обнаруженное на южном участке самтаврского могильника в 1939 г. (табл. Iб); садугский курган № 1 (табл. Iа); погребальный инвентарь из с. Цагвли (Хашурский район), добытый А. Т. Рамишвили в 1976—1977 гг. Р. М. Абрамишвили считает принадлежащими этому периоду погребения №№ 43, 51 и 53 трелиебского могильника и др. [255, с. 16, 18; 256, с. 21][51]. В ряд этих комплексов, очевидно, следует поместить шулаверское погребение № 12, опубликованное Г. Б. Авалишвили [237, табл. II, III].

---

[50] Мы хорошо понимаем, что существующие археологические материалы как для конца эпохи средней бронзы, так и для выделения отдельных ступеней переходного периода еще крайне немногочисленны и будущие открытия внесут коррективы в наши рассуждения. Но то, что в принципе наши взгляды верны, в этом, думается, не может быть сомнений.

[51] Хотим поблагодарить Р. М. Абрамишвили и А. Т. Рамишвили, которые предоставили нам возможность воспользоваться еще неопубликованными материалами Трелиеби, Цагвли.

Комплексы погребений трелиебского могильника публикуются в I томе работ Тбилисской археологической экспедиции.

Отнесение этих комплексов именно к концу эпохи средней бронзы, на наш взгляд, обязательно, т. к. наибольшая часть обнаруженного в них инвентаря характерна для этой эпохи и не встречается в более поздних комплексах. Это сосуды переднеазиатского типа с вертикально приподнятыми ушками и ребром на корпусе, которые особенно широко распространены в средиземноморском и переднеазиатском культурном мире в эпоху ранней бронзы [164, с. 46—47; 162, с. 117]. Такие сосуды часто встречаются и на памятниках эпохи средней бронзы Армении [162, с. 117, рис. 65 и др.]; полусферические миски; расписная миска из шулаверского погребения № 12 и др.; бронзовые кинжалы с черенком; бронзовые булавки с пирамидальной головкой[52] и др. В этих комплексах особенно многочислен шевронный орнамент, нанесенный гребенчатым штампом на плечи глиняных сосудов, традиция которого зарождается еще в эпоху ранней бронзы [247, с. 60; 263, с. 59] и остается одним из основных характерных признаков в переходном периоде[53].

У большей части глиняных сосудов, входящих в эти комплексы, структура черепка, обжиг и обработка поверхности типичны для эпохи средней бронзы — хорошо отмученная глина с примесью мелких белых частиц, двуслойный черепок с подкладкой — внутренняя прослойка светлая, внешняя — черная, поверхность лощеная.

Но эти комплексы почти всегда отличаются от типичных среднебронзовых материалов одной деталью — одним или двумя глиняными сосудами, большей частью с грубым черепком, корпус которых покрыт системой резных концентрических линий, а плечики — гравированным волнистым поясом и короткими косыми насечками, что является явным признаком памятников эпохи поздней бронзы Восточной Грузии. Как известно, в материалах эпохи средней бронзы ничего подобного нет[54].

---

[52] Здесь хотим отметить, что в комплексах этого времени (Цагвли) встречаются ранние образцы т. н. бронзовых булавок с закрученной головкой. Варианты этих булавок, характерных для эпохи поздней бронзы, встречаются вместе с многочисленными предметами эпохи средней бронзы в погребениях № 1 траншеи № 15 нульского могильника [247, с. 68] и в погребениях швиндианского могильника эпохи средней бронзы, изученного Ш. Ш. Дедабришвили. Поэтому, как видно, эти булавки не являются на территории Восточной Грузии принадлежностью лишь эпохи поздней бронзы и вопрос их существования и развития ставится по-иному. Тем более, что они с III тысячелетия до н. э. довольно широко распространены в Передней Азии [260, с. 268; 168 и мн. др.].

[53] Еще раз хотим подчеркнуть, что лишь немногочисленностью материалов эпохи средней бронзы и переходного этапа можно объяснить тот факт, что мы не всегда имеем возможность проследить за непрерывным развитием некоторых характерных признаков. Такими, например, являются меандры, нанесенные на корпус глиняного сосуда, и др.

[54] Э. М. Гогадзе дает следующее объяснение появлению таких сосудов и их вариации в комплексах переходного периода: «...комплексная взаимосвязанность двух различных групп керамики переходного периода возможно будет в дальнейшем объяснена сосуществованием и взаимосвязью (или взаимопроникновением и слиянием) двух культур (истоки одной из которых пока неизвестны), а в конечном итоге двух этнических массивов на значительной территории Центрального Закавказья» [248, с. 238].

Д. Л. Мусхелишвили объясняет этот вопрос взаимоотношением между горским и долинным населением, интенсификацией земледелия и влиянием земледельческих племен на скотоводов, когда из числа последних в этом периоде многие переходят к оседлому образу жизни и земледелию [254, с. 37].

На этом этапе увеличивается количество разновидностей лощено-линейного орнамента — ломанный, волнистый, сетчатый и др., истоки которого восходят еще к куро-аракской керамике [247, с. 54]. С одной стороны, этот орнамент особенно характерен на третьем этапе, выделенном Э. М. Гогадзе, а с другой, — для переходного периода и ранней ступени эпохи поздней бронзы.

Думаем, что пока к этой группе комплексов должны быть отнесены те материалы, которые раньше мы считали относящимися к первому этапу переходного периода. Хотя следует отметить и то, что и тогда мы не исключали возможности их включения в рамки конца эпохи средней бронзы [37, с. 145]. Это — курганы №№1 и 2 Гадрекили; кенотаф на поселении Илто (табл. IIа); курган № 5 Лило (табл. IIб); грунтовое погребение № 70, раскопанное в 1939 г. на южном участке самтаврского могильника (табл. IIIа).

Все они бедны инвентарем и не дают того многообразия глиняной посуды и металла, какое было в вышеназванных комплексах, хотя и характеризуются таким же слиянием ранних и поздних предметов.

Одновременным с этими погребениями выглядит инвентарь арических погребений №№ 85,, 108 и целый ряд других [162, с. 96—124, рис. 62, 74], однако т. к. мы знакомы с этими материалами лишь по публикациям, поэтому воздерживаемся судить о них более определенно.

Непосредственно к переходному периоду мы относим все комплексы курганов Земо Бодбе — погребения №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7 (табл. Va—IX); байбуртские погребения (табл. IV); погребения цхинвальского лесокомбината (табл. III б, в); погребение № 2 Намгаламцеби; грунтовое погребение № 2 Наомари гора на Алазанской долине (табл. XIб); погребение № 74 трелиебского могильника; оба комплекса Бримацкали (табл. X, XIа); святилище нижнего слоя чалиантхевского поселения А у Ванецкали; табацкурский № 42 ($XII_{3,4}$) [78, рис. 41] и сабидахчинский № 28 ($XII_{1,\ 2}$) [78, рис. 40] погребения; подъемный материал с поселения «Бесастке» около сел. Цагвли (Хашурский район). Но из их числа в настоящее время полностью исключаем погребение № 6 Гадрекили, курганы Оле и № 2 Ульяновки, т. к. они не имеют все те признаки, которые мы считаем характерными для комплексов переходного периода и считаем обязатель-

---

Мы пока что затрудняемся безоговорочно принять одно из этих мнений, но хотим в связи с этим подчеркнуть один очень значительный факт — в северной Сирии во время раскопок Хама в погребениях и культурных слоях периодов H и G обнаружены точно такие же глиняные сосуды, которые появляются впервые в Центральном Закавказье вначале в погребальном инвентаре конца эпохи средней бронзы, а затем—переходного периода [168, табл. X и др.].

В хронологические рамки означенного периода попадают и наши материалы конца эпохи средней бронзы и переходного периода. К сожалению, мы не имеем более точных сведений о раскопках Хама, т. к. для нас был доступен лишь II_1 том отчетов, который в основном посвящен предэллинистической архитектуре. Но имеющаяся у нас информация об этом памятнике оставляет такое впечатление, что сходные сосуды в Сирии и на Кавказе появляются одновременно и внезапно исчезают в середине II тысячелетия до н. э.

Ясно, что специальное исследование этого вопроса может принести весьма значительные результаты, тем более что, как увидим ниже, и в последующее время в ряде пунктов Передней и Малой Азии и Центральном Закавказье опять одновременно и внезапно появляются глиняные сосуды, украшенные одним и тем же орнаментом.

ным компонентом керамики этой ступени. Эти комплексы имеют больше элементов эпохи поздней бронзы и, как видно, мы ранее неверно отнесли их ко второй и третьей ступеням переходного периода [37, с. 145], хотя, как было отмечено, третья ступень сначала же нами больше причислялась к эпохе поздней бронзы, чем к переходному периоду.

В настоящее время почти все погребальные комплексы, отнесенные нами к переходному периоду, обнаружены в ямных курганах и, как ранее было отмечено нами в параграфе, посвященном могильникам, уже и по конструкции погребения можно утверждать, что памятники сохраняют старые традиции. Старые традиции мы увидели и в погребальном обряде и др.

Вышеперечисленные комплексы увязываются с Триалетской культурой и тем, что они распространены почти на одной и той же территории. Наряду с этим примечательно, что на всей этой территории, подобно Триалетской культуре, и памятники переходного периода проявляют большое сходство между собой.

Вполне понятно, что вместе с увеличением количества памятников этого типа, возможно, потребуется выделение своеобразного материала отдельных районов (например Шида Картли, Кахети). Но они, по нашему мнению, в основном опять останутся едиными, как культура эпохи средней бронзы на этой территории.

На ранний возраст этих комплексов и их хронологическую близость к триалетской культуре должно указывать и то, что они на могильниках в большинстве случаев сосуществуют с погребениями последней ступени эпохи средней бронзы и что здесь не встречаются погребения другого времени. Как правило, на этих могильниках большая часть погребений переходного периода, а погребения конца эпохи средней бронзы единичны. Таким образом, на основании этих данных можно считать, что эти могильники действовали на небольшом отрезке времени в самом конце эпохи средней бронзы и, в основном, в переходном периоде.

Комплексы переходного периода связываются с памятниками эпохи средней бронзы и тем, что здесь также очень редко встречается боевое оружие. Как мы увидим ниже, этим же признаком характеризуются и памятники последующего времени. Это же, безусловно, подчеркивает их ранний возраст, т. к. материалы последующего времени уже отличаются разнообразием и многочисленностью боевого оружия.

Для датировки и увязки комплексов переходного периода как с памятниками эпохи средней, так и поздней бронзы все же наиболее яркий материал дают обнаруженные в этих погребениях глиняные изделия — структура и обработка черепка, приемы нанесения орнамента, его разновидности и формы сосудов.

Выделение переходного периода между эпохами средней и поздней бронзы мы посчитали необходимым потому, что здесь мы больше не встречаем многих типичных признаков эпохи средней бронзы. Здесь они сохраняются лишь в виде отдельных элементов, но наряду с этим уже довольно четко прослеживаются признаки, полученные в результате их развития, которые характерны только для переходного периода и на развитой ступени материальной культуры встречаются в трансформированном виде. Некоторые же характерные детали появляются в переходном периоде и лишь на первой ступени эпохи поздней бронзы становятся характерным признаком культуры. В пере-

ходном периоде принимает более оформившийся вид глиняная посуда с грубым черепком, которая появляется в конце эпохи средней бронзы, и др.

Мы этот период именно потому называем переходным, что он содержит признаки двух разных этапов и является связующим их звеном.

Рассмотрим последовательно все эти признаки глиняной посуды переходной ступени.

I — черепок. Большая часть глиняной посуды изготовлена из хорошо отмученной глины и имеет мельчайшие белые блестящие примеси. Всеми этими данными она повторяет типичную структуру глиняных сосудов эпохи средней бронзы и именно этим отличается от характерного для эпохи поздней бронзы черепка.

Такой черепок в Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы имеется лишь на ее ранней ступени, а позднее преобладает грубый с примесью песка.

Глиняная посуда переходного периода похожа на посуду эпохи средней бронзы и тем, что их черепок рыхлый. Этот признак еще встречается на ранней ступени эпохи поздней бронзы, но в дальнейшем полностью исчезает и характерной становится посуда с плотным черепком, которая впервые появляется на третьем этапе эпохи средней бронзы [204, с. 85]. Обжиг черепка этой посуды продолжает старые традиции. Он большей частью двухслойный и имеет подкладку. Иногда прослойки не четко выражены и незаметно переходят одна в другую. Иногда же явно отличаются друг от друга — внешняя часть, как правило, черная, а внутренняя — кирпично-коричневая или темно-серая. В комплексах этого периода иногда черепок с подкладкой имеют такие сосуды, которые по обработке поверхности, орнаментации и форме имеют типичные признаки поздне-бронзовых керамических изделий.

В этих комплексах редки глиняные сосуды с грубым, с примесью песка, однослойным и одноцветным черепком, который большей частью характерен для сосудов эпохи поздней бронзы. Иногда черепок и таких сосудов бывает с подкладкой.

Обработка поверхности глиняных сосудов переходного периода в основном сохраняет старые традиции. Она наподобие сосудов эпохи средней бронзы хорошо сглажена и имеет чернолощеную поверхность.

В конце II тысячелетия до н. э. на территории Иоро-Алазанского бассейна глиняная посуда с лощеной поверхностью представляет большую редкость, а в эпоху широкого освоения железа такая посуда полностью исчезает. Такая обработка поверхности в этой области вновь появляется примерно в конце VII в. до н. э., но, как видно, не является характерной.

Иная картина наблюдается в Шида Картли. Здесь на всем протяжении эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа одним из основных признаков остается хорошо сглаженная и лощеная поверхность глиняной посуды. Однако несмотря на это, этот материал явно отличается от ранних изделий, т. к. цвет этих сосудов сравнительно светлее — большей частью имеет серый оттенок и нет того блеска, который так роднит ранние изделия с глиняной посудой эпохи средней бронзы.

Поверхность глиняной посуды переходного периода вначале хорошо сглажена, а затем залощена. Как видно, такая обработка по-

верхности сосудов стирала те концентрические линии, которые появлялись в результате вращения на гончарном круге и которые имеются на внутренней поверхности большинства этих сосудов.

Единичные сосуды этих комплексов, у которых имеется грубый черепок с примесью песка, очень походят на наиболее распространенные в эпоху поздней бронзы на территории Иоро-Алазанского бассейна глиняные сосуды. Их поверхность не сглажена специально, вследствие чего весь корпус покрыт тонкими концентрическими линиями. Существенно, что в комплексах этого времени данная деталь у таких сосудов никогда не носит орнаментального характера и явно видно, что это лишь след обработки на гончарном круге.

Таким образом, большая часть глиняных сосудов этих комплексов по структуре черепка и обработке больше походит на изделия первой половины II тысячелетия до н. э., из-за чего мы посчитали нужным приблизить хронологически эти комплексы к эпохе средней бронзы. Но не удалось объединить их с материалами этой эпохи, т. к. как мы увидели, в перечисленных выше комплексах встречаются единичные глиняные сосуды с таким черепком, которые широко распространяются только с эпохи поздней бронзы, хотя появляются в конце эпохи средней бронзы, но существуют там с типичным среднебронзовым материалом.

II — формы. В переходном периоде не встречаются многие характерные для эпохи средней бронзы формы глиняных сосудов — полусферические миски, горшки с ребристым туловом, сосуды для питья с высоким коническим горлом и ребристым туловом, подражающие металлическим изделиям, и др. У глиняных сосудов уже почти нет шаровидного корпуса. Они более высоки и яйцеобразной формы. Вообще глиняные сосуды переходного периода своими формами больше похожи на материалы эпохи поздней бронзы, но одновременно сохраняют детали, характерные для эпохи средней бронзы. Таковы, например, валикообразные края венчиков, которые характерны для изделий эпохи средней бронзы и широко распространены только в переходном периоде и на ранней ступени эпохи поздней бронзы. Такие края венчиков сравнительно редки в эпохе раннего железа, а в эпоху широкого освоения железа уже почти не встречаются. С этой эпохи широко распространяются четко отвесные плоские венчики, на которых сверху имеются желобки.

И эта последняя небольшая деталь тесно связывает между собой материалы эпох средней и поздней бронзы. Круговой желобок на венчике появляется в эпоху средней бронзы и становится характерной деталью памятников Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа. В переходном периоде желобок на венчике имеется только на таких сосудах, которые несут на себе характерные признаки изделий эпохи поздней бронзы.

Глиняные сосуды переходного периода сближаются также со среднебронзовыми материалами коническими горлышками средних размеров и четко выделенным каблуком.

В переходном периоде продолжают существовать и становятся одними из характерных чаши на высокой полой ножке, прототипы которых появляются еще в эпоху ранней бронзы (Илто, [263, рис. 6, 7], Арагвское ущелье, Цхракара и др.) и существуют в эпоху средней бронзы, но изготовлены из металла [247, табл. 22_9]. Частично трансформированные, они характеризуют выделенную нами раннюю ступень эпохи поздней бронзы и в дальнейшем в очень измененном виде

спорадически встречаются на некоторых памятниках эпохи поздней бронзы (погребение № 31 Чалианхевского могильника «С»).

Обнаруженный в погребении № 4 Земо Бодбе глиняный двуушный котел (табл. VI) представляет собой имитацию металлического и по форме ближе всего стоит к металлическому котлу из XV кургана Триалети [247, табл. XX_{12}]. Металлические котлы, характерные для ранней ступени эпохи поздней бронзы имеют уже другую форму.

III — орнамент. Наиболее выразительными для выяснения сути комплексов, отнесенных к переходному периоду, являются орнаментальные мотивы глиняных сосудов.

Как отмечалось выше, для чернолощеных сосудов этой группы характерны гравированные, тисненные, лощеные и после обжига расписанные белой краской виды орнамента.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что украшение сосудов из комплексов переходного периода состоит, в основном, из слияния элементов шевронов и фризов, чем повторяет схему орнамента керамики Триалетской культуры.

Таким образом, орнаментальная схема на сосудах переходного периода в основном та же, что и на материалах эпохи средней бронзы — фриз и распределенные в нем фигуры [247, с. 43]. Весьма значительно, что зачатки фризовой схемы появляются в эпоху ранней бронзы, в куро-араксской культуре [261; 266]. Это один из самых распространенных орнаментальных мотивов триалетской культуры. Эта схема украшения сосудов остается характерной в Восточной Грузии на протяжении всей эпохи поздней бронзы и железа.

В настоящее время памятники переходного периода еще настолько малочисленны, что пока трудно по этим материалам проследить за всеми мотивами орнаментации. Хотя нужно отметить и то, что с каждым открытием нового памятника переходного периода появляются новые ньюансы украшения глиняных сосудов, которые все более утверждают наше мнение насчет того, что эти комплексы представляют собой непосредственное продолжение памятников заключительной ступени эпохи средней бронзы.

Возможно, небольшим количеством материала переходного периода следует объяснить тот факт, что, как мы увидим ниже, орнамент на глинячых сосудах выделенной нами ранней ступени эпохи поздней бронзы значительно многообразней и проявляет определенную связь с изделиями эпохи средней бронзы как бы минуя памятники переходного периода.

На последней ступени эпохи средней бронзы одним из наиболее характерных приемов нанесения орнамента на глиняные сосуды являются геометрические мотивы, полученные путем лощения черной поверхности.

Правда, на памятниках переходного периода, известных в настоящее время, не видно того разнообразия, которое характерно для эпохи средней бронзы, однако все те мотивы лощеного орнамента, которые встречаются на памятниках переходного периода, характерны и для памятников Центрального Закавказья эпохи средней бронзы.

Таковы, например, нанесенные лощением на плечи глиняных сосудов расположенные в виде фризов ломаные или сетчатые линии. Или так же расположенные фризами на плечах сосудов пояски из групп коротких с противоположным наклоном полосок.

Схема ломаной линии, расположенной во фризе или вокруг плечика сосуда, является одним из наиболее распространенных орнамен-

тальных мотивов материальной культуры Центрального Закавказья уже с эпохи ранней бронзы [261, табл. I, V]. Эти же виды украшения широко распространены в Триалетской культуре и представляют собой один из наиболее характерных орнаментальных мотивов [211, табл. XII, XIV, рис. 13, 14, 18, 20, 51, 52, 56, 59, 60, 61 и др.; 261, табл. II, III, IV];

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в Восточной Грузии уже в переходном периоде на плечиках глиняных сосудов появляется резная волнистая линия, нанесенная между двумя концентрическими линиями [78, рис. 40_2]. На ранней ступени эпохи поздней бронзы полностью исчезает схема ломаной линии и ее место занимает изображение волнистой линии во фризе. Возможно, этот мотив является развитием предыдущего, что связано, как нам кажется, с освоением быстровращающегося гончарного круга.

Наиболее распространенным мотивом украшения переходного периода являются разновидности сетчатых фризов, нанесенных на плечи сосудов (табл. IIIб, в; IV; V; VII, X).

Сетчатый орнамент появляется в Центральном Закавказье в эпоху ранней бронзы [261, табл. $I_{8, 45, 49}$; Триалетские курганы XI, XXIV, XXV, XXVII; 263, табл. 44_{296}, 48_{341}]. Часто встречается он и в комплексах Триалетской культуры [курганы V, VII, XVII, XXXVI, XV и др., 263, табл 68_{569}, 103_{939} и др.; 211, рис. 50, 52, 54 и др.].

Насколько нам известно, сетчатый орнамент характерен для Центрального Закавказья еще на ранней ступени эпохи поздней бронзы (Маднисчала и др.). В дальнейшем этот вид украшения встречается только в Шида Картли и Армении, а в Кахети он полностью исчезает[55].

Помимо вышеназванных орнаментальных мотивов, для глиняных сосудов переходного периода наиболее характерны группы наклоненных друг к другу лощеных полосок, расположенных во фризах (табл. IIIб, в; $1V_1$; V; VI; VII; VIII; IX].

Этот вид орнамента характерен для Центрального Закавказья уже с эпохи ранней бронзы [261, табл. $I_{2, 27, 42, 49}$; 263, табл. 48_{332} и др.]. Он особенно широко распространен в Центральном Закавказье на памятниках эпохи средней бронзы [211, табл. XV, рис. 53, 54, 57; 261, табл. $I_{44, 45, 47}$ и др; 263; табл. 61_{521} и др.]. После переходного периода схема этого орнаментального мотива не характерна для памятников Шида Картли и Кахети, однако, как отмечалось, она продолжает бытовать на территории Армении до середины I тысячелетия до н. э.

В переходном периоде встречаются короткие вертикальные ло-

---

[55] Заслуживает большого внимания тот факт, что отдельные орнаментальные виды сосудов переходного периода становятся типичными с развитого периода эпохи поздней бронзы и не для всего Центрального Закавказья, а только для отдельных культур, сформировавшихся на строго определенной территории. Например, орнаментальные мотивы грубых сосудов получили широкое распространение только в Кахети и превратились в наиболее распространенный вид в эпоху поздней бронзы и железа. Орнамент из наклонных лощеных линий сохранился до середины I тысячелетия до н. э. только на территории Армении [47, табл. XXXV—XXXVI], тогда как в других областях Центрального Закавказья после переходного периода и частично раннего этапа эпохи поздней бронзы он полностью исчезает.

Возможно, это следует объяснить тем, что с этого времени более четко вырисовываются в материальной культуре индивидуальные признаки отдельных племен.

щеные линии, расположенные вокруг горлышка и плечика сосуда. Они редко располагаются группами, а иногда заключены между двумя желобками (табл. V, VII).

Горлышки сосудов переходного периода, как правило, низкие и не украшены как и чернолощеные сосуды эпохи средней бронзы. В Триалетской культуре украшались только горлышки расписных сосудов [247, табл. $15_{4, 16, 22}$; 17(26, 35), 19(20), 24(23) и др.]. Их трансформированным пережитком является, очевидно, украшение горлышка сосудов лощеными линиями на сосудах Маднисчальского могильника эпохи поздней бронзы [78, рис. 4(31), 5(35), 9(48), 13(64)].

Аналогично орнаментированные сосуды обнаружены на Артикском могильнике и здесь автор раскопок видит в этом старые традиции [258, с. 89, 95—98; 204].

На сосудах переходного периода встречается целая система лощеных волнистых линий (табл. IV; V; VII, IX; X), что, в первую очередь, связывает их с материалами конца эпохи средней бронзы, потому что, как известно, этот орнаментальный мотив представляет собой один из наиболее характерных признаков Триалетской культуры [263, табл. 65_{569}, 68, 93_{801}; 211, рис. 49, 52, 53, 54 и др.].

Одной из характерных деталей орнаментации сосудов переходного периода является схема, состоящая из лощеных вписанных друг в друга треугольников, заключенных между двумя линиями и нанесенными на плечо или корпус сосуда. Аналогичный орнамент, но выполненный иной техникой, часто встречается на сосудах эпохи средней бронзы. Например, в зуртакетском кургане № 3 [211, табл. XV] и др.. Часто также украшены сосуды раннего этапа эпохи поздней бронзы.

На плечиках сосудов переходного периода часто встречаются лощеные ряды треугольников вершинами вверх (табл. III б, в; VII_{11}).

Особого внимания заслуживают обнаруженные в переходных комплексах чернолощеные сосуды, плечики которых украшены тиснением с применением гребенчатого штампа.

Как отмечалось, по верному определению Э. М. Гогадзе, сосуды, украшенные такой техникой, особенно многочисленны на второй ступени эпохи средней бронзы, на третьей ступени она редка и преобладает аналогичный орнамент, но исполненный гравировкой, резным способом или лощением [247, с. 43]. Орнамент, нанесенный лощением, преобладает и в богатых погребениях только что выделенной поздней ступени эпохи средней бронзы (Трелиеби, погребение № 43), хотя в бедных захоронениях встречается почти только использование гребенчатого штампа. Он особенно редок в материалах переходного периода и здесь преобладает лощеный орнамент.

На сосуды переходного периода гребенчатым штампом нанесен разнообразный орнамент. В первую очередь надо отметить, что продолжается традиция, зародившаяся в эпоху ранней бронзы и сформировавшаяся в эпоху средней бронзы нанесением на плечи сосудов треугольников (шевроны) с ниспадающими вершинами, выполненных пучком линий. Здесь они, как и в предыдущее время, выполнены гребенчатым штампом. Но наряду с этим шевроны бывают резные и лощеные.

Примечательно, что, как увидим ниже, этот орнамент спорадически встречается на нескольких сосудах начальной ступени эпохи поздней бронзы, а затем вообще прекращает существование.

На плечо и тулово одного из сосудов кургана № 7 Земо Бодбе

гребенчатым штампом нанесена «цветущая» свастика (табл. IX). Свастика, выполненная подобной техникой, впервые встречается в Триалетской культуре [263, табл. 81, 97; 247, табл. 17(43), 24(18), 29(16, 22), 31(18) и др.].

Рельефная свастика имеется на сосуде переходного периода погребения № 28 сабитахчинского могильника (табл. XII_1 [78, рис. 40(1)]. Такие орнаментальные мотивы вообще не встречаются на сосудах эпохи поздней бронзы, но характерны для глиняных печатей этого времени [37, табл. XXXIX_2].

Наиболее характерным для переходного периода является посаженная во фриз ломаная линия, выполненная гребенчатым штампом [табл. $VI_{21, 27, 29, 32, 33}$; VII_6], которая фактически идентична с лощеным орнаментом на сосудах этого времени (табл. $VI_{21, 32, 33}$; VII_7; VIII_6). Как было отмечено, сходная орнаментальная схема довольно часто встречается на глиняных сосудах эпохи средней бронзы и трансформируется в эпохе поздней бронзы в поясок из волнистой линии, заключенной между двумя желобчатыми полосками.

В комплексах переходного времени часто встречаются сосуды, вокруг тулова которых имеется меандровый орнамент, нанесенный зубцами гребенчатого штампа (Курган № 7 Земо Бодбе (табл. IX), погребение № 2 Намгаламица, святилище нижнего слоя Чалиантхевского поселения «А». Прототипы этой орнаментальной схемы появляются в комплексах Триалетской культуры (Алванское разрушенное погребение, Триалетские курганы [263, табл. 66, 79].

Этот орнамент нанесен белой краской после обжига на сосуды переходного периода (погребение № 2 Земо Бодбе — табл. Vб [1—3]) и точную параллель находит в 85 аричском погребении эпохи средней бронзы [162, с. 120, рис. 74]. Как мы увидим ниже, идентичные виды, выполненные точечной техникой, встречаются в насадгомарских погребениях ранней ступени эпохи поздней бронзы. В 1977 г. в погребениях нижнего яруса могильника Певреби обнаружено большое количество сосудов с меандрами, нанесенными белой краской.

Впервые в комплексах переходного периода Восточной Грузии встречается клиновидный орнамент, нанесенный тиснением на плечи сосудов (погребение № 2 Земо Бодбе — табл. Va [1]). Этот вид украшения особенно широко распространяется на ранней ступени эпохи поздней бронзы. Здесь они пока еще как в переходном периоде окаймляют корпус сосуда непрерывным рядом. В дальнейшем в отличие от ранней орнаментальной схемы располагаются группами, большей частью пирамидально. В Восточной Грузии с середины второй половины II тысячелетия до н. э. этот орнамент полностью исчезает.

Ранее мы считали возможным, что этот орнамент (клиновидный штамп) появился как подражание треугольникам, распространенным в эпохи ранней и средней бронзы [37, с. 143]. В настоящее время мы располагаем фактическим материалом, на основании которого можно найти этому явлению иное объяснение.

Мы имеем в виду часть сосудов, обнаруженных Л. Вулли в 1937—1949 гг. во время раскопок Телл Ачана (Аллалах) близ Антиохии, на берегу р. Иордан, которые автор называет черными изделиями, украшенными штампом [260, с. 342—347, табл. C, CI]. Л. Вулли считает, что эти сосуды подражают металлическим и иногда инкрустированы белой пастой. На них представлены штампованные кружки, треугольники и прямые линии. Эта керамика обнаружена лишь в отбро-

сах V слоя, который довольно точно датируется 1594—1483 или 1550—1435 гг. до н. э. [260, с. 384, 389]. Ни в IV, ни в VI слоях ничего подобного нет, что вынуждает автора предполагать, что это не местная керамика. Он считает ее импортной, но не может указать место ее происхождения [260, с. 345].

По Сиднею Смити и Малловану, подобная керамика обнаружена в Нузи, однако здесь аналогичный орнамент имеется на сосудах других форм и наряду с этим между ними хронологическая разница в один век. Поэтому Л. Вулли трудно говорить об их связи [260, с. 346, 347], но соглашается со Старом, который считает подобную керамику заимствованной с чужого оригинала, хотя и он не указывает на источник ее происхождения [260, с. 346].

Стар попытался сравнить эту керамику с материалами VII слоя Трои, которые имеют сходный орнамент, однако по мнению Л. Вулли, троянские материалы более поздние, чем аллахские, и поэтому данное сравнение лишено значения. Хотя все же интересно, что и в Трое они настолько спорадичны, что также считаются инородным изделием [260, с. 346].

Далее Л. Вулли отмечает, что черные штампованные изделия появляются в Тарсусе в период поздне-древней и ранне-новой империи, т. е. почти в то же время, что и в Аллалахе, и идентичны по технике исполнения, хотя удивительно отличаются по форме. И в Тарсусе они появляются внезапно, без всяких прототипов, и центр их производства не известен [260, с. 346].

Таким образом, как в Передней, так и в Малой Азии сосуды, украшенные штампованными вписанными кругами, треугольниками и спиралями внезапно появляются примерно в одном периоде в середине II тысячелетия до н. э. и там источник их происхождения не известен. Затем они так же внезапно, примерно в середине же II тысячелетия до н. э. исчезают. В этой связи сам по себе привлекает внимание тот факт, что сходный орнаментальный мотив и техника нанесения появляются в Центральном Закавказье примерно в то же время и так же бесследно исчезают в начальные века второй половины II тысячелетия до н. э. Однако безусловно следует отметить, что здесь этот орнамент нанесен на местные сосуды, полностью отличающиеся по форме от передне-и малоазиатских. В связи с вышесказанным можно в порядке рабочей гипотезы высказать предположение, что не исключено, что как Передняя и Малая Азия, так и Центральное Закавказье в этот период попадают под общее влияние, происхождение которого еще неизвестно. Несмотря на это, ясно, что значение данного факта безмерно велико как при исследовании генезиса материальной культуры, так и при изучении вопросов хронологии, и в будущих исследованиях ему необходимо уступить одно из главных мест.

Довольно часто вокруг плечиков глиняных сосудов переходного периода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы имеются заштрихованные треугольники, нанесенные различной техникой (табл. IIIб, в). Такой орнамент на территории Центрального Закавказья встречается уже с эпохи ранней бронзы и широко распространен в это время [12, рис. 112, 113; 261, табл. I_{25-27} и др.]. И для Триалетской культуры вариации этого орнамента являются наиболее характерными. Как мы увидим ниже, украшение плечиков сосудов разного рода треугольниками характерно для материальной культуры, распространенной на территории Иоро-Алазанского бассейна до середины второй половины II тысячелетия до н. э. А в Шида Картли этот орна-

мент остается одним из главных мотивов украшения глиняных сосудов до середины I тысячелетия до н. э.

Помимо указанных видов орнамента, на плечиках и тулове глиняных сосудов переходного периода встречаются рельефные пояски (Бримацкали, Намгаламица, погребение № 2, погребение № 74 Трелебского могильника, Табацкурский курган № 42 с земляной насыпью. Поселение «Бесас тке» около сел. Цагвли). Традиция рельефного орнамента становится характерной в Центральном Закавказье уже в эпоху ранней бронзы. Он довольно широко распространен в эпохи средней и поздней бронзы. Так что и этот вид орнамента не создает разрыва между этими двумя периодами.

В вышеперечисленных комплексах переходного периода, по сравнению с комплексами конца эпохи средней бронзы, чаще встречаются сосуды с грубым черепком и несглаженной поверхностью. И здесь его орнаментация, как и в конце эпохи средней бронзы, представляет собой явный зачаток ведущей орнаментальной схемы последующего периода.

Эти сосуды в комплексах переходного периода, как правило, представлены следующими видами орнамента — вокруг верхней части плеча проходят резные концентрические линии, плечо украшено рельефным шнуровидным поясом или очень часто короткими косыми насечками[56]. Иногда шнуровидный орнамент имеется и на нижней части сосудов. Края донышек всегда украшены короткими косыми насечками. Весь корпус покрыт тонкими концентрическими полосками (следами гончарного круга), которые впоследствии на изделиях эпохи поздней бронзы превращаются в самостоятельный орнамент. Как эта деталь, полученная в результате техники изготовления, впоследствии привлекла внимание гончаров и использована орнаментальным мотивом. Как мы увидим ниже, эта орнаментальная схема непрерывно существует на территории Иоро-Алазанского бассейна до первых веков н. э.

В эпоху поздней бронзы такое же распространение получили короткие косые насечки, нанесенные вокруг плечиков и краев донышек глиняных сосудов. Этот орнамент в данный период становится характерным для всей Восточной Грузии, но больше всего все же для памятников Иоро-Алазанского бассейна, где в это время и до середины I тысячелетия до н. э. орнаментированные таким образом сосуды составляют подавляющее большинство.

Поверхность одного сосуда с грубым черепком (сохранилась нижняя часть корпуса) из погребения № 1 Земо Бодбе, имеющая концентрические линии гончарного круга, испещрена после формовки частыми тонкими вертикальными линиями (табл. $V_{a(9)}$) Такое украшение поверхности сосуда на изделиях Кахети начальных ступеней эпохи поздней бронзы становится особенно характерным примерно с середины второй половины II тысячелетия до н. э.

Привлекает внимание одна деталь на таком сосуде, обнаруженном в погребении № 2 Земо Бодбе. В частности, на нем в четырех местах имеются картушевидные изображения, которые представляют собой четырехугольное пространство с закругленными углами, заполненное точками и ограниченное желобчатыми полосками (табл. $V_{6(4)}$).

---

[56] Существенно, что на территории Иоро-Алазанского бассейна этот орнаментальный мотив появляется в эпоху ранней бронзы [263, рис. 10].

Этот орнамент, с одной стороны, походит на четырехугольные изображения на сосудах эпохи средней бронзы [261, табл. III_3, 82 и др.], а с другой, — на рельефные, резные или тисненные четырехугольники, имеющиеся на глиняных сосудах ранней ступени эпохи поздней бронзы. В следующем периоде этот вид украшения полностью исчезает.

Из всех комплексов переходного периода пока лишь в кургане № 2 Земо Бодбе обнаружены расписные сосуды (табл. $V_{6(1-3)}$). Данные изделия весьма своеобразны, т. к. они вначале украшены лощеным и тисненным орнаментом и уже после обжига законченные сосуды расписаны белым ангобом, вследствие чего роспись сохранилась фрагментарно. На плечи чаш на высоких ножках дополнительно нанесены меандры; корчага, плечи которой украшены клиновидным штампом и группами лощеных наклоненных друг к другу линий, дополнительно украшена нанесенными белым ангобом треугольниками, внутреннее пространство которых иногда заполнено треугольниками или точками. На тулове этого же сосуда сохранились и фрагменты меандра(?).

Ранее мы не могли найти местные традиции схемы росписи этих сосудов и посчитали их подражанием инкрустированным сосудам из окрестностей Ганджи [37, с. 144—145]. Однако в настоящее время установлено, что меандровый орнамент переходного периода имеет прототипы в местных материалах эпохи средней бронзы.

Как мы увидим ниже, роспись белым ангобом становится наиболее характерной для территории Иоро-Алазанского бассейна вслед за переходным периодом (могильник Певреби). А в конце II тысячелетия до н. э. известен всего лишь один сосуд, расписанный красной краской (Кварелцкальский могильник).

Если проследить за всем вышесказанным, становится ясно, что у глиняных сосудов, которые составляют в данный момент предмет нашего исследования, больше всего имеется в виде пережитков признаков эпохи средней бронзы, а признаки эпохи поздней бронзы имеют только оттенок зарождения.

Таким образом, судя по перечисленному фактическому материалу, эти комплексы нельзя отождествить с памятниками эпох средней или поздней бронзы.

В таких условиях, на наш взгляд, наиболее верным будет их отнесение к ступени, непосредственно следующей за памятниками эпохи средней бронзы и поместить между эпохами средней и поздней бронзы, приняв эту ступень за связующее две эпохи звено.

Если в ранее опубликованной монографии мы судили о памятниках переходного периода только на основании глиняных сосудов, то в настоящее время уже есть возможность говорить как об оружии и украшениях, так и предметах домашнего ремесла этого периода.

В погребениях №№ 4, 5 и 7 Земо Бодбе обнаружены кинжалы переднеазиатского типа с т. н. рамочной рукояткой. Все три кинжала имеют различный вид (табл. VI, VII, IX).

Впервые А. А. Иессен выделил в отдельную группу кинжалы с рамочной рукояткой, обнаруженные на Кавказе [88, с. 162—163] и отметил, что они сюда должны были попасть из Передней Азии. Кинжалы такого типа широко распространены, начиная со II тысячелетия до н. э. и до начала I, от Эгейского моря до восточной границы Иранского плато [264, с. 34]. Датировка этих кинжалов довольно расплывчата. Самые ранние экземпляры датируют началом II тысячелетия до н. э., а позднее — VIII в. до н. э. [267, с. 60; 162, с. 159]. Такие

кинжалы появляются на Кавказе не ранее XV в. до н. э. и древнейшими из них должны быть найденные в курганах Земо Бодбе.

О происхождении т. н. переднеазиатских кинжалов существуют различные мнения [264, с. 34], но т. к. наиболее древние экземпляры обнаружены на восточном побережье Средиземноморья, этот вопрос, на наш взгляд, вполне справедливо решается в пользу указанной территории [264, с. 34; 267, с. 61].

Нам трудно было найти параллели «переднеазиатским» кинжалам из Земо Бодбе. Они не повторяют формы ни кинжалов «переднеазиатского типа, обнаруженных в Закавказье [265, с. 66—68; рис. 25; 266; 258; рис. 6; 264, табл. I], ни талышских [264, табл. II] и не иранских кинжалов [264, табл. III, IV].

Земободбийские кинжалы находят больше общего с кинжалами переднеазиатского типа, найденными на Кавказе. Например, кинжал, обнаруженный в погребении № 5, больше всего похож на кинжал, хранящийся в Государственном музее Грузии (№ 2—23(2), который найден вместе со сходным кинжалом (Местийский музей № 647) у с. Эцера. Очертание рукоятки этого же земободбийского кинжала более всего походит на кинжал второй ступени позднего этапа Угарита I. Этот слой датируется 1450—1365 гг. [250, табл. 44(4), 11, 12, 19].

Кинжал из земободбийского погребения № 7 больше всего похож на кинжалы из Фаскау, Маджалиса и Эчмиадзина [264, табл. I].

Кинжал из погребения № 4 самую близкую параллель имеет в погребении № 37 Трелиебского могильника. У них очень похожи рукоятки и головки, но плечи полностью отличаются друг от друга. Наряду с этим керамика из погребения № 37 явно более поздняя, чем погребения № 4.

Таким образом, кинжальные клинки переднеазиатского типа, обнаруженные в Земо Бодбе, не дают возможности для точной их датировки, но, например, параллель из Расшамра кинжала из кургана № 5 подтверждает указанную нами дату для погребений этого времени — вторая половина XV и первая — XIV вв до н. э. Как мы увидим ниже, земободбийские кинжалы дают нам значительную информацию для исследования генезиса кинжалов т. н. кахетского типа, т. к. мы думаем, что путем подражания первым были изготовлены ранние образцы кахетских кинжалов, а кинжалы переходного периода уже в это время принимают форму, отличную от типично переднеазиатских форм, которые и становятся прототипом местного оружия (например, курган № 4 Земо Бодбе).

На основании всего вышесказанного, думаем, что права М. Н. Погребова, которая пишет, что «...переднеазиатский тип кинжалов формировался в середине II тысячелетия, по-видимому, в районе Восточного Средиземноморья, где можно проследить его развитие. В течение второй половины II тысячелетия эта форма распространяется по всей Передней Азии, причем создаются варианты, характерные для каждой отдельной области. Как уже отмечалось, Закавказье также не оставалось в стороне от переднеазиатской «моды». Здесь были созданы свои, чисто местные варианты кинжалов, имеющих рукоятки с закрайнами» [264, с. 48].

Однако, после обнаружения курганов Земо Бодбе мы не можем согласиться с ней, когда она пишет: «...из огромного ареала кинжалов переднеазиатского типа именно Иран был той областью, откуда они проникали на Кавказ или служили там прямым образцом для подражания» [264, с. 49], и далее продолжает—«Вероятнее всего, это

могло быть в конце II тысячелетия, т. е. в период железного века I Ирана, когда кинжалы переднеазиатского типа были распространены на Иранском плато особенно широко. Это и определяет дату кавказских кинжалов, концом II, возможно, самым началом I тысячелетия» [264, с. 49]. Прежде всего верхняя дата курганов Земо Бодбе никак не может перейти за пределы первой половины XIV в. до н. э., что ясно, исключает появление т. н. переднеазиатских кинжалов на Кавказе, в конце II или более того в начале I тысячелетий до н. э. Что же касается источника их происхождения, как мы уже отмечали, наиболее близкая параллель кинжала из кургана № 5 находится в восточном Средиземноморье, и мы думаем, что именно эта территория должна быть одним из первых источников распространения рассматриваемых кинжалов. Безусловно, нельзя в то же время исключать подобный поток со стороны иранской территории, на что должен указывать кинжал из кургана № 7, который более других проявляет сходство со вторым вариантом переднеазиатских кинжалов Ирана [264, табл. IV]. Но вместе с тем он имеет столько отличных признаков от иранских, что невозможно, безоговорочно относить кинжал из кургана № 7 к этой группе.

Для выяснения происхождения земободбийских кинжалов, безусловно, нужную информацию дают результаты спектрального анализа металлических изделий, который проведен в химической лаборатории Государственного музея Грузии в 1973 г. (спектрограмма № 653—660— см. схему № 1). Здесь наиболее значительным является то, что в составе всех предметов имеется разное количество цинка, что, как думают, не характерно для местной продукции этого времени [304, с. 55; 305; с. 32; 306; с. 43].

Схема № 1[57]

№№ пп.	№ лаб.	Наименование предмета	Место обнаружения и год	Fe	Cu	Pb	Zn	Sn
1	653	Кинжальный клинок	Земо Бодбе	0,01	02 мн	—	1,5	4,8
2	654	Рукоятка кинжала	„ „	0,1	„	0,5	1,7	7,8
3	655	Кинжальный клинок	„ „	0,2	„	0,5	2,7	7,0
4	656	Рукоятка кинжала	„ „	0,003	„	0,06	2,0	7,8
5	657	Кинжальный клинок	„ „	0,01	„	0,05	2,5	5,0
6	658	Рукоятка кинжала	„ „	0,03	„	—	0,7	7,2
7	659	Навершие булавы	„ „	0,2	„	0,06	0,7	7,8
8	660	Навершие булавы	„ „	—	„	0,05	0,7	7,8

[57] Mn, Ni, Co, Ti, Cr, Ag, Sb, Bi, As— отсутствуют.

В курганах № 4 и № 7 Земо Бодбе были найдены бронзовые навершия булав.

Навершие из кургана № 7 (табл. IX) литое. Оно имеет сферическую форму и отверстие для рукоятки, которое внизу четырехугольное, а сверху круглое. Поверхность навершия испещрена двумя поясками наклонных по отношению друг к другу линий. Между этими линиями на нижнем пояске имеются три треугольных окошечка. Мы не смогли обнаружить для этого навершия параллели. По своей форме оно явно похоже на каменные навершия булав эпохи средней бронзы (Дидисереби курган № 2, Триалети и др.), что еще раз подчеркивает близость этих комплексов к материалам эпохи средней бронзы, хотя навершия аналогичной формы обнаружены и в бешташенском погребении № 18, относящемуся к ранней ступени эпохи поздней бронзы [3, табл. II_2].

Навершие булавы из кургана № 4 имеет грушевидную форму (табл. VI). Оно украшено так же, как и навершие из кургана № 4, но здесь имеется лишь один поясок. Примечательно, что такой орнамент чаще всего встречается на плечиках глиняных сосудов этого времени и считается одним из характерных признаков керамики переходного периода. На корпусе этого навершия имеется семь шишечек. Навершия булав, опоясанные шишечками, встречаются на следующих могильниках Закавказья — Лчашен, погребения №№ 2 и 3 [258, с. 59], Артик, погребение 109 [258, рис. 8], Самтавро, погребение № 26 [50, табл. XVII, 87], Триалети, бешташенский могильник, погребения №№ 13 и 20[12, рис. 81; 26, табл. I_{228}]; Мингечаур [34, рис. 65], Макарашен [268, с. 62—65], Степанаван [269, с. 106, 108—109]. В отличие от земободбийского навершия, все навершия, найденные в погребениях эпохи поздней бронзы, имеют четыре или пять шишечек и датируются ранней ступенью этой эпохи. Правда, были некоторые попытки относить их к более позднему времени, однако это предположение уже давно опровергнуто [3, с. 317].

В курганах №№ 4 и 5 обнаружены обсидиановые и кремневые наконечники стрел с выемчатым основанием (табл. VI, VII). Весьма значителен тот факт, что в Восточной Грузии наконечники стрел из обсидиана и кремня известны с эпохи ранней бронзы (например, триалетские курганы XXVII и XL — 27, табл. II(10), 13(6). Искусство их изготовления достигает наивысшего уровня в конце III тысячелетия до н. э. Мы имеем в виду наконечники стрел, найденные в курганах Бедени, Алазанской долины и Иори, которые представляют собой блестящие образцы ремесла [68, 18]. Наконечники стрел эпохи средней бронзы меньшего размера [211, табл. XI, рис. 50, 54, 60; 247, табл. 22, 28 и др.] и изготовлены менее аккуратно.

Еще более меньших размеров наконечники Земо Бодбе и качество их изготовления более низкое. В Восточной Грузии в эпоху поздней бронзы несколько таких наконечников стрел встречено лишь на могильнике Гадрекили (погребение № 6), а впоследствии они вообще прекращают существование.

Бронзовый наконечник копья найден в погребении № 74 трелибского могильника. Открытая его втулка переходит в срединное ребро и заканчивается у острия. Края втулки подходят друг к другу, что хорошо прослеживается и по ребру. Перья очень узкие. По своему облику он больше напоминает наконечники копий эпохи средней бронзы. Их сближают и отверстия для крепления древка, будто прорезанные напильником.

В 1977 г. на шилдском святилище в одном сосуде найдено 71 бронзовых наконечников копья, два центральнозакавказских топора, два кинжала — один характерный для Кахети, а другой — листовидный с разветвленной бронзовой рукояткой, три серпа, бляхи и др. Очень интересно, что здесь среди наконечников копий почти два десятка таких же, как и в погребении № 74 трелиебского могильника. Но в этом сосуде имеются и более поздние экземпляры. Это единственный случай обнаружения в Кахети наконечника копья такого типа, но более всего заставляет задуматься то, что здесь они найдены совместно со сравнительно поздним оружием. Остается такое впечатление, что здесь имеется оружие нескольких ступеней развития т. н. кахетских цельнолитых наконечников копий, среди которых наиболее поздним является синхронным кинжальным клинкам с составной рукояткой, широкоперый цельнолитый наконечник копья с двумя рельефными кольцами на втулке. Ниже мы еще раз коснемся этого комплекса во время суждения о материалах эпохи поздней бронзы.

Бронзовые налокотники (?) найдены в кургане № 4 Земо Бодбе (табл. $VI_{3.7}$) и трелиебском погребении № 74. Они практически одинаковы и представляют собой пластинки с резным орнаментом на обоих концах. Такие предметы нам неизвестны и их назначение неясно.

Пастовые и сердоликовые бусы, обнаружены в нескольких погребениях переходного периода. В кургане № 4 Земо Бодбе найдено несколько сердоликовых бусин сферической формы. Такие бусы известны у нас в конце эпохи средней бронзы, примерно с середины II тысячелетия до н. э. [247, с. 46, 47]. Они встречаются и на ранних ступенях эпохи поздней бронзы, а затем характерными становятся круглоплоские рубленные бусы, хотя в ахеменидскую эпоху опять появляются прекрасно обработанные сердоликовые бусы сферической формы [274, с. 47].

В верхнем байбуртском погребении в каменном круге [12, рис. 87; 37, табл. VI] и погребении № 3 Цхинвальского лесокомбината [37, табл. IV_2] обнаружены пастовые цилиндрические бусы, поверхность которых была покрыта глубокими желобками, образовывавшими ряды колец или рельефными поясками. Бусы аналогичного вида, но — золотые найдены З. Г. Шатберашвили в одном из метехских среднебронзовых курганов. В эпохе поздней бронзы такие бусы нам неизвестны, что еще раз сближает погребения переходного периода с эпохой средней бронзы.

В кургане № 7 Земо Бодбе найдена также пастовая бусина биконической формы с желобчатой поверхностью (табл. IX_3). Такие бусы известны как в комплексах эпохи средней бронзы, так и погребальном материале эпохи поздней бронзы Цители гореби (Новая Ульяновка) курган № 1 ранней ступени эпохи поздней бронзы — Государственный музей Грузии № 25 — 61/65 и др.

Бронзовые килиты найдены в земободбийских курганах № 4 и № 7. Они точно такие же, как широко распространенные в эпоху поздней бронзы и железа имеют полусферическую форму и изнутри перегородку для крепления (табл. VI_{10}). Такие предметы в эпоху средней бронзы нам неизвестны.

Некоторые данные святилища нижнего слоя чалиахевского поселения А позволит нам составить общее представление о домашнем ремесле и типах построек этого времени.

Для исследования памятников Восточной Грузии середины II ты-

сячелетия до н. э. большое значение имеет чалиантхевское поселение А, т. к. здесь стратиграфически располагаются слои переходного периода и поселения последующего за ним этапа. Поэтому мы считаем необходимым подробно ознакомить читателя с этим положением.

До настоящего времени на основании подъемного материала существовало лишь предположение, что на жилых холмах Алазанской долины существуют стратиграфически последовательные культурные слои эпохи средней бронзы, переходного периода и выделенной нами ранней ступени (Наомаригора и др.).

Разведочные работы последних двух лет в Иорском ущелье на поселениях и могильниках Чалиантхеви (Сигнахский район, земли колхоза с. Нукриани) создали этому предположению прочную фактическую базу.

В Чалиантхеви обнаружено три поселения второй половины II тысячелетия до н. э. первое, древнейшее (поселение А) расположено у подножья горы на равнине. Как было установлено, его жители в период бытования бронзовых кинжальных клинков с составной рукояткой переходят на вершины двух гор, расположенных к югу, где поселения уже укрепляются террасами, рвами и валами (поселения В и С)[58].

Материал этих поселений дает явную картину последовательного и непрерывного развития их материальной культуры.

Как было сказано, поселение А раскинулось у подножья вершины Чаталимта, входящей в систему невысокого хребта, тянущегося с востока на запад и расположенного к югу от Гомборского хребта.

Поселение это остается в низине и хорошо защищено от постоянного западного ветра отходящими от горной системы низкими холмами.

Смежная с поселением территория в настоящее время является основными пахотными землями для жителей южного склона Гомборского хребта.

Рельеф этой территории слегка волнистый и поднимается к северу в сторону Гомборского хребта и к югу в сторону названного нами небольшого хребта, где расположены поселения В и С.

В некоторых местах означаемая низина создает ровную, в настоящее время солончаковую долину, которая с севера непосредственно примыкает к р. Иори. Такова, например, «Садугская равнина», расположенная на противоположном от с. Иормуганло берегу. Существенно, что и здесь и на других подобных долинах всегда находятся один или несколько мощных поселений эпохи поздней бронзы и железа и античного периода, что абсолютно бесспорно указывает, что во всех аналогичных конкретных условиях мы имеем дело с оседлыми земледельцами, которые селились непосредственно у арены своей хозяйственной деятельности.

Таким образом, поселение А расположено на склоне горы и не защищено, чем оно похоже на поселения эпох ранней и средней бронзы этого региона.

Примечательно, что культурные слои этого поселения непосредственно связаны с эпохой средней бронзы — здесь следует отметить

---

[58] При полевых работах 1978 года установлено, что в этом регионе некоторые поселения эпохи поздней бронзы («Натахтари» в Цителцкаройском районе) имели глинобитные крепостные стены на каменном фундаменте, толщиной до двух метров.

и то, что в 1976 г. во время полевых работ в центральной части поселения (поселение А занимает почти 8 гектаров) под культурными слоями обнаружен погребенный гумусный слой, на котором собран не один черепок идентичный грубым сосудам эпохи средней бронзы этого края (Швиндиани и др.). Это же указывает на то, что нижний слой какого-нибудь участка поселения относился к эпохе средней бронзы[59].

На указанном погребенном гумусном слое друг на друге располагаются два культурных пласта — нижний переходного периода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы и верхний — выделенной нами ранней ступени эпохи поздней бронзы.

В настоящее время, уже на основании стратиграфически расположенных культурных слоев, можно судить о последовательном развитии материальной культуры двух этих периодов, что полностью исключает чужеродное происхождение материальной культуры ранней ступени эпохи поздней бронзы, по крайней мере, пока в этом регионе.

Это подтверждает и исследование памятников последующего периода, т. к. с этими материалами верхнего слоя генетически связана материальная культура последующего поселения на вершине горы.

Таким образом, в результате раскопок на поселениях А, В, С и могильниках, на основании стратиграфического расположения слоев поселений, а также многоярусных могильников и материалов, обнаруженных на этих памятниках, полностью подтверждается непрерывное развитие материальной культуры, начиная с эпохи, опережающей время бытования бронзовых кинжальных клинков с составной рукояткой и кончая последующей, т. е. временем указанных кинжалов и цельнолитых кинжалов или мечей. Это является на наш взгляд наиболее важным и главным выводом.

На основании этих данных памятники Кахети, выделенной нами ранней ступени эпохи поздней бронзы, справедливо заняли свое законное место между т. н. переходным периодом и временем бытования бронзовых кинжалов с составной рукояткой. Полученные нами ранее выводы по этому вопросу уточнили новые находки, однако насчет этого речь пойдет ниже.

Культурный слой переходного периода представлен в нижнем слое поселения А зданием святилища. Это овальное помещение с глинобитным полом, стены которого представляли собой обмазанную глиной плетенку. В центре помещения расположено продолговатое четырехугольное возвышение, внутренняя часть которого заполнена камнем, а снаружи обмазана толстым слоем глины.

С верхней ладьевидной части возвышения (алтаря) спускаются желоба. Один в полукруг, стоящий на полу у северной части алтаря очерченный небольшими полукруглыми глиняными бортиками. Внутренняя его часть заполнена чистой золой, покрытая сверху тонким слоем глиняной обмазки. У южного подножья алтаря вдоль всей его стенки расположена полукруглая яма, так же заполненная чистой золой и фрагментами керамики. На дне ямы был обнаружен большой отщеп обсидиана. Весь пол помещения покрыт маленькими ямками, которые тоже заполнены чистой золой. На дне некоторых из них ле-

[59] При полевых работах 1978 года, на левом берегу р. Иори обнаружено несколько поселении эпохи средней бронзы с мощным культурным слоем до трех метров. Все они расположены на террасах рек или же на склонах гор и всегда в паре с укрепленными поселениями эпохи поздней бронзы на естественных холмах.

жали фрагменты каменных зернотерок. На полу алтаря и малых ямах были разбросаны в большом количестве потрескавшиеся от огня камни зернотерок, кремневые ладьевидные (трапециевидные) вкладыши составных серпов и деформированные глиняные сосуды.

Весьма значительно, что все вкладыши широкие и ладьевидные повторяют древнейшую форму этих предметов. Черепок, формы и декор глиняных сосудов типичные для переходного периода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы. Комплекс глиняной посуды помещения содержит все те детали, которые, к примеру, характеризуют керамический инвентарь курганов Земо Бодбе. Здесь они также имеют мелкозернистый черепок с подкладкой и лощенную поверхность (у некоторых утрачен первоначальный цвет в результате вторичного пребывания в огне). Редко встречаются сосуды с грубым черепком, вокруг донышек которых имеются насечки, а плечики покрыты резными концентрическими линиями и рельефным шнуровым поясом, что придает этому комплексу оттенок, характерный для эпохи поздней бронзы.

Плечики сосудов с лощенной поверхностью украшены группами косых наклоненных друг к другу линий, большей частью расположенных фризами. Довольно часто встречается орнамент в виде ниспадающих треугольников, выполненных техникой тиснения зубцами гребенчатого штампа. Здесь же имеются меандры, выполненные тисненными точками и др. И формы этих сосудов идентичны сосудам Земо Бодбе и связываются с переходным периодом от эпохи средней к эпохе поздней бронзы.

Верхний слой поселения А, перекрывающий святилище переходного периода, к сожалению, над святилищем, в основном поврежден пахотными работами. Лишь в восточной части сохранился один фрагмент стены из булыжника и связанный с ним культурный слой. Последний, так же как и весь подъемный материал поселения, содержит керамику, отнесенную нами к ранней ступени эпохи поздней бронзы. Эти глиняные сосуды имеют мелкозернистый черепок, часто с подкладкой, лощенную черную поверхность, покрытую сетчатым и др. видами лощенного орнамента, штампованным клиновидным орнаментом, штампованными вписанными кругами и др. Значительно меньше сосудов с грубым черепком, с насечками вокруг донышек и концентрическими резными линиями по всему корпусу.

Очень существенно, что, как и святилище переходного периода, так и расположенный над ним культурный слой ранней ступени эпохи поздней бронзы, в восточной части святилища прорезаны поздними грунтовыми погребениями, которые должны принадлежать уже жителям поселения В.

Также очень значительно, что северная часть святилища повреждена двумя хозяйственными ямами, которые должны быть отнесены к верхнему слою — ранней ступени эпохи поздней бронзы. На это указывают обнаруженные в них материалы, но здесь не обнаружено несколько черепков более ранней эпохи, попавшие сюда, очевидно, при прорезании слоя святилища. На плечиках фрагментов этих сосудов имеются ниспадающие треугольники, выполненные зубцами гребенчатого штампа.

Таким образом, на основании вышеприведенного материала почти бесспорно устанавливается звено, связующее между собой эпохи средней и поздней бронзы. Датировки этого отрезка развития материальной культуры, мы коснемся несколько позже.

Как-будто в настоящее время на основании всех приведенных выше данных, должен был почти полностью снят вопрос о существовании разрыва между материальными культурами эпох средней и поздней бронзы. Однако, Д. Л. Мусхелишвили считает, что «даже если эта проблема будет решена положительно, нужно будет выяснить другой, не менее значительный вопрос о, так сказать, социальном генезисе населения эпохи поздней бронзы.

Действительно, основной процесс в V—III тысячелетиях, с точки зрения социального развития, как-будто установлен, во всяком случае в виде рабочей гипотезы. К первой половине II тысячелетия этот процесс создал условия для четкой имущественной, а также социальной дифференциации, хотя бы с той точки зрения, что из общества явно выделяются родовая аристократия (Триалетские, Зуртакетские, Ашурианские и др. синхронные курганы) и рядовые общинники (коллективные погребения Нули и Квасатали и ахчийские курганы малых размеров)» [254, с. 35].

Ничего подобного ни в долинах, ни в горах Восточной Грузии на раннем этапе эпохи поздней бронзы не видно, и на основании погребений того времени, исследованных на самтаврском могильнике Д. Л. Мусхелишвили делает вывод, что между ними не бросается в глаза не только социальная, но даже какая-нибудь имущественная дифференциация. По его мнению, такое же положение наблюдается и в горах (Триалети) [254, с. 35]. Далее он пишет, что впоследствии в XIII—X вв. до н. э. замечается процесс имущественной дифференциации, но все это очень далеко от контрастов богатых и бедных погребений эпохи средней бронзы, тем более, что в поздне-бронзовом периоде этот процесс выглядит имманентным [254, с. 36].

Д. Л. Мусхелишвили считает, если будет бесспорно доказана генетическая связь культуры поздне-бронзового периода с предыдущим, в таком случае можно было допустить, что эта была культура, которая и в эпоху средней бронзы, занималась земледелием.

Экономическая дифференциация среди этих земледельческих племен должна была быть намного слабей, чем у родственных им скотоводов. Основание этому дают погребения Нули и Квасатали [254, с. 36]. Далее, по словам Д. Л. Мусхелишвили, «вместе с дальнейшей интенсификацией земледелия усиливается влияние земледельческих племен на скотоводов, многие из которых оседали и занимались земледелием. Подтверждением этого должно быть, на наш взгляд, те курганы Кахети и Шида Картли, инвентарь которых выявляет контакты с земледельческим населением более поздней культуры поздне-бронзового периода (курганы Ашурианской долины, Земо Бодбе I и II), а также те поздние курганы, которые содержат керамический материал, характерный для раннего периода поздней бронзы, а типом погребения приближаются к курганам с кольцевой каменной насыпью эпохи средней бронзы, обнаруженные поблизости от них (курганы Салокихеви около Гракали). Вместе со вторичным мощным возрождением земледелия в долине, горные области теряют свое преимущество и вместе с этим, возможно, выродилась и старая родовая аристократия скотоводов» [254, с. 37].

Несколько иных взглядов придерживается Я. А. Киквидзе. Он пишет: «...культура больших триалетских курганов является финальной стадией ранне земледельческих культур Восточного Закавказья. Развитие этих культур достигает наивысшей точки в эпоху средней бронзы. В эту же эпоху начинается ее падение, что, как-будто, выяв-

ляется в падении культуры. Однако, это падение, кажущееся, в действительности же в истории кавказских племен начинается новый этап, хозяйственная база которого намного более развитая, чем раннеземледельческих культур» [234, с. 65—66].

Кризис в конце эпохи средней бронзы имеет культурный характер, а поздняя бронза своим общим историко-культурным уровнем, безусловно, стоит выше. По его мнению, исчезновение изделий из драгоценных металлов и падение уровня художественной керамики нельзя объяснять только прекращением связей с Передней Азией и концом мирного времени, главной причиной должен быть хозяйственный кризис, несоответствие между примитивным земледелием и растущим скотоводством. Поверхностное земледелие и поселения племен эпохи средней бронзы на территории с благоприятными природными условиями для скотоводства создают конъюнктуру для мощного развития последнего.

Пастушеская природа скотовода одолевает тягу земледельца к оседлой жизни и в конце эпохи средней бронзы племена, живущие в Восточной Грузии и Закавказье вновь оставляют жилые места.

Горы не могут остановить и те племена, которые более оседлы. Достаточный практический опыт и эмпирические знания дают им возможность освоить благоприятные для земледелия районы и они спускаются вниз. Как видно, сократились внутри и межплеменные связи. Кочующие пастухи уже не могут возводить курганы, подобные Зуртакетским. У них для этого уже нет времени. И организация строительства среди разбросанных на большей территории скотоводов было довольно сложно. Очевидно, не было уже и потребителей златосеребряных изделий. Земледельцы в это время должны были быть экономически еще слабы для того, чтобы осилить строительство крупного масштаба, или употреблять украшения из драгоценных металлов [234, с. 82—83].

Бесспорно интересное предположение, хотя не исключена иная интерпретация изменений, свершившихся в середине II тысячелетия до н. э. Однако, так или иначе, мы полностью согласны с тем взглядом, что «во время исследования кардинальной проблемы взаимоотношения культур эпох средней и поздней бронзы необходимо, так сказать, «решение вопроса о социальной несовместимости» [254 ,с. 38], но существующие факты для получения такого вывода еще недостаточны.

§ 2. ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Высказанное позволяет добавить к трем этапам развития т. н. Триалетской-среднебронзовой культуры еще один, самый поздний этап. В дальнейшем комплексы выделенного нами переходного от эпохи средней к эпохе поздней бронзы периода, уже прочно занимают место в системе развития материальной культуры Восточной Грузии. Но кроме этих новшеств в схеме периодизации археологических материалов Центрального Закавказья, мы предлагаем отличную от принятой периодизацию и хронологию и для памятников эпохи поздней бронзы этого региона.

Прежде, чем изложить свою точку зрения, мы считаем целесообразным напомнить читателю основные соображения ранее высказанные по этой проблеме.

А. А. Иессен на основе изучения металлического инвентаря эпохи бронзы Кавказа, установил три стадии развития материальной культуры: I стадия (рубеж III—II тыс. до н. э.); II стадия (с начала II тыс. до н. э. до XII—XI вв. до н. э.); III стадия (охватывает конец II тыс. до н. э. и первые века I тыс. до н. э.) [83; 272]. Б. А. Куфтин выделяет следующие периоды развития материальной культуры Восточной Грузии — ранней бронзы, средней бронзы, поздней бронзы раннего железа, а также ванскую и ахеменидскую эпохи (12). А. Н. Каландадзе на основании изучения материалов Самтаврского могильника, разделил погребения эпохи поздней бронзы и раннего железа на две большие Хронологические группы: **первая** — погребения раннего этапа эпохи поздней бронзы и вторая — все остальные грунтовые погребения [273, с. 105—107]. Погребения первой группы он датирует XIII—XII вв. до н. э., а верхним рубежом погребений второй группы считает V в. до н. э. [274, с. 5].

Г. А. Ломтатидзе дал более дробную периодизацию материалов Самтаврского могильника, впервые выделив ярусы, для которых характерны «кинжалы с бронзовой рукояткой» и «плоские мечи с бронзовой рукояткой». Эти вновь выделенные этапы развития Г. А Ломтатидзе поместил между погребениями с листовидным кинжальным клинком и погребениями со «скифским» инвентарем.

Дальнейшие исследования привели Г. А. Ломтатидзе к необходимости обособления в отдельную ступень развития погребений с кинжалами с составной рукояткой; они были помещены между погребениями с листовидным кинжальным клинком и погребениями, содержащими оружие с бронзовой рукояткой — остальных видов [275, с. 160—168, 336; 276].

По Р. М. Абрамишвили, погребения Самтаврского могильника, бытующие после периода, для которого характерны листовидные кинжальные клинки, делятся на три хронологические группы — а) эпоха поздней — бронзы (XIII—XII вв. до н. э.),
(б) переходный период от бронзы к железу (XI—X вв. до н. э.) и в) период широкого освоения железа (IX—VI вв. до н. э.).

Эта последняя группа в свою очередь делится еще на три хронологические ступени [26]. Более позднее исследование Р. М. Абрамишвили охватывает материалы и предыдущего периода, которые датированы им, также, как Т. Н. Чубинишвили [50, с. 103], ранним этапом эпохи поздней бронзы—второй половиной XV в. XIV в. до н. э. Следовательно, по его мнению, хронологически они непосредственно следуют за памятниками эпохи средней бронзы, «кахетские» же кинжалы с составной рукояткой, по его мнению, принадлежат к более позднему времени. Датировка следующих периодов несколько изменена в сравнении с его же предыдущим исследованием [3].

Схему периодизации археологических памятников Восточной Грузии эпохи поздней бронзы раннего железа дает и М. Б. Барамидзе в своей работе, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук [252, с. 59—60; 52].

Он выделяет четыре этапа развития материальной культуры: а) **ранний этап эпохи** поздней бронзы — здесь объединены комплексы с листовидным кинжальным клинком, булавками с закрученной головкой и т. д. Эту ступень развития автор считает переходной от эпохи средней к эпохе развитой бронзы и датирует XIV—XIII вв. до н. э., б) **эпоха развитой бронзы** — которая по мнению автора характеризуется наличием листовидных кинжальных клинков с суживаю-

щейся средней частью, т. н. «кахетские» кинжалы и т. д., в) **переходная ступень, от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа.** М. Б. Барамидзе полагает, что на этой ступени развития бытуют бронзовые мечи и впервые появляются малые железные предметы. Эту ступень он датирует XI—X вв. до н. э., г) **эпоха раннего железа,** специфику, которой, по указанию автора, составляет в основном железное оружие и которая датируется IX—VIII вв. до н. э.

Как было отмечено, на основании новейших археологических материалов, добытых на памятниках Центрального Закавказья нами предложена несколько иная схема периодизации памятников этого региона: вслед за периодом переходным, от средней к эпохе поздней бронзы, для всего Центрального Закавказья нами выделен еще один — первый этап эпохи поздней бронзы; он в Шида Картли предшествует бронзовым листовидным кинжальным клинкам и их сопутствующему инвентарю, а в Кахети — комплексам бронзовых кинжалов с составной рукояткой. Поскольку эти материалы генетически связаны между собой, а их характерные черты почти никогда не смешаны в комплексах их хронологическое разделение представляется необходимым[96].

Таким образом, более архаичную группу мы ниже выделяем в первую ступень эпохи поздней бронзы, а часть более поздних комплексов, ранее объединенных с материалами первой ступени, в настоящее время отделяем от них и считаем независимым, вторым этапом развития материальной культуры эпохи поздней бронзы (комплексы с листовидными кинжальными клинками в Шида Картли и с т. н. кахетскими мечами и кинжалами с составной рукояткой в Иоро-Алазанском бассейне).

В следующую, третью ступень развития материальной культуры эпохи поздней бронзы Восточной Грузии нами объединяются те комплексы, в которых впервые появляются железные изделия.

Таким образом, ранним этапом эпохи поздней бронзы для Восточной Грузии мы считаем период наличия материалов, одинаково характерных для всей этой территории. Более того, сходные материалы находим и в северных районах современной Армении, но в сосуществовании с материалами более южных культур, в северо-западной же части отличаются некоторым своеобразием. А что касается Восточной Грузии — Кахети и Шида Картли, здесь они одинаково распространены и совершенно идентичны. В Шида Картли материалы этого облика найдены в тридцати трех пунктах: это могильник сел. Плависмани [277, с. 231—232,]; Нацаргора около Цхинвали [141, с. 60 рис. 26; 79, с. 251—270, табл. X, XVI_1]; поселение **Катналихеви**

---

[60] Как известно, еще Б. А. Куфтин, изучая керамический инвентарь поселения «Нацаргора», заметил разницу в материалах раннего этапа эпохи поздней бронзы, но часть выделенную нами в раннюю группу (см. ниже), он посчитал привнесенным в Шида Картли из Куро-аракского междуречья [141, с. 60]. В ранней нашей монографии мы поддержали это соображение, но с той разницей, что исследуемый материал на территорию Шида Картли приняли за привнесенный не через Триалетский хребет, а через Кахети [271, с. 184]

Как увидим ниже, оба предложения в настоящее время следует исключить полностью. Эти материалы одинаково характерны как для Шида Картли, так и для Куро-аракского междуречья, вернее для северной и северо-западной — Армении и Кахети, и на всей этой территории итог развития местной культуры, т. к. представляет срединное звено между предшествующими и последующими материалами.

[146, с. 16—49, табл. XVIII—XXVI]; курганы в **Грмагеле** [279, с. 127—165; 280, с. 79—152]; Могильник **Самтавро** (1938 год, южный участок, погребение № 62; 1939 год, южный участок, погребения № 139, 153, 160) нужно отметить, что весь этот материал сконцентрирован на южном участке Самтаврского могильника, где именно и встречаются все ранние погребения; нижний слой № 2 поселения на холме около **Мчадиджвари** [281, с. 48; 282, с. 41—44 и табл.; 283, с. 62—65, табл. XXVII]; около сел. **Одзиси** (302, табл. I) материалы, обнаруженные при строительстве **Булачаурского** водопровода [284, с. 141, рис. I]; материалы из **Борджоми** [279, с. 148]; около **Цхинвали,** на поселении **«Згудрис хеви»** (ГМГ, инв. № 40—61/45); почти на всех поселениях, обнаруженных на холмах в ущельях Проне, Лиахви и Двани [14, с. 189, 190, табл. XXII 4]; могильник около села Рвели, погребение № 8; в ущелье Дзама, целая серия курганов, обнаруженных Ю. М. Гагошидзе; Сасиретский клад [135]; могильники Церовани северо-западнее г. Мцхета и т. д.

Среди названных имеются такие значительные объекты, как поселение Нацаргора, Катналихеви, Мчадиджвари, где материалы этого времени обнаружены в большом количестве, очень разнообразны и представлены мощным культурным слоем. Но к сожалению, могильники этого времени в Шида Картли очень плохо изучены, поэтому металлический инвентарь раннего этапа эпохи поздней бронзы здесь очень беден. Только в последнее время недалеко от Мцхета, в Церовани, в радиусе нескольких километров начаты раскопки могильников с идентичным инвентарем раннего этапа эпохи поздней бронзы.

В Кахети и в северной Армении наоборот изучены главным образом могильники этого времени, а поселения не исследованы. В Кахети они найдены в двадцати шести пунктах: святилище Мели-геле I [278, с. 299—302]; могильники Насадгомари и Пирдапири мицеби около сел. Гадрекили (ныне Махарадзе — Гурджаанский район); могильник Певреби около сел. Мелаани; поселение «А» около местечка Ванецкали, сел. Нукриани; курганы Цителигореби (ГМГ, инв. № 25—61/I—79; 248—290). Глиняные сосуды этого периода случайно найдены в Сигнахском районе (СКМ, инв. 150); около сел. Ульяновка в Гаре Кахети; в Лагодехи; около сел. Какабети на поселении «Сабадурис гора» [146, табл. XXV_{17}]; почти на всех многослойных поселениях Алазанской равнины (Сигнахский район); могильник «Сатвалисцкали» около сел Гулгула и т. д.

В Квемо Картли и Триалети материалы такого характера еще не обнаружены. В северной и северо-западной Армении известно только шесть пунктов находок идентичного материала. Особо нужно отметить артикский и лорибердский могильники, где вследствие археологических раскопок накоплен огромный, первоклассный материал [258; 162; 270].

Сходный материал найден С. А. Есаяном в 1963 г. около сел. Грги в северо-восточной Армении; Лалаяном на берегу оз. Севан в Нор-Баязете [280, с. 136]; случайно найденный около сел. Хором глиняный сосуд украшен клинообразным штампом; Л. Петросян в 1973 г. около сел. Кети на территории циклопической крепости обнаружил фрагменты глиняной посуды, украшенной штампом вписанных друг в друга кружочков. Несколько сходных сосудов найдено и около Кировобада (Ханлар), курган № 14 [285, с. 50—58, рис. 22—23].

Самый южный пункт обнаружения глиняной посуды с клиновид-

ным штампом и типичного Закавказского абриса-Баш Пурагел около Карса [141, табл. LII][61].

Таким образом, эти материалы, одинаково характерны для всей территории Центрального Закавказья. В Шида Картли(на территории распространения комплексов с листовидным кинжальным клинком), где указанный период изучен хуже остальных, обнаружено больше пунктов с этим материалом, чем в других регионах, в их числе поселения с мощными культурными слоями, что безусловно исключает возможность воспринимать этот материал как привнесенный в Шида Картли, а синхронным им местным, считать комплексы с листовидным кинжальным клинком, как это видим в работах последнего времени некоторых исследователей.

Как уже было сказано, мы придерживаемся противоположной точки зрения — эти комплексы считаем древнее комплексов с листовидным кинжальным клинком, находим их характерными для всего Центрального Закавказья, включая Шида Картли и исходя из этого, местными, а не привнесенными в этот регион. Именно это допущение и поддерживается фактами.

Остается решить вопрос правы ли мы считая материалы выделенного нами первого этапа эпохи поздней бронзы древнее комплексов с листовидным кинжальным клинком и на каком основании они нами датируются. С этой точки зрения очень существенны данные раскопок около села Ламовани, в Шида Картли, где на поселении Мчадиджвари № 2 было обнаружено два культурных слоя эпохи поздней бронзы, расположенных один за другим [281, с. 48; 282; 283]. Верхний, первый слой выделяется сосудами с загнутым во внутрь венчиком, которые по материалам Самтаврского могильника не должны датироваться молодеж XII века до н. э. [3, с. 320], а нижний, второй слой представлен чернолощенными сосудами, украшенными лощенным орнаментом, клиновидным штампом и т. д., что мы считаем характерным для раннего этапа эпохи поздней бронзы.

На ранний характер материалов выделенного нами первого этапа эпохи поздней бронзы, в сравнении с комплексами с листовидным кинжальным клинком, должно указывать и то, что на Самтаврском могильнике в погребении № 228 (табл. XXXI$_5$) и № 80 (табл. XXXI$_6$) листовидные кинжальные клинки, считающиеся архаичными, встречаются с цельнолитыми бронзовыми наконечниками копий с двумя рельефными поясками на втулке. Копья такого типа характерны для материальной культуры Иоро-Алазанского бассейна, где они впервые встречаются с бронзовыми кинжалами и мечами с составной рукояткой. Ясно, что оружие, характерное для Иоро-Алазанского бассейна, никак не могло появиться, скажем в Шида Картли раньше, чем в этом регионе, и следовательно, комплексы в которых оно встречается в Шида Картли, никак не могут быть древнее комплексов, содержащих оружие с составной рукояткой на Иоро-Алазанской долине. Таким образом, эти факты должны указывать на синхронность комплексов, содержащих листовидные кинжальные клинки в Шида Карт-

---

[61] Таким образом границы распространения материалов, выделенных нами в первую группу эпохи поздней бронзы, совпадают с границами 'распространения материальной культуры эпохи средней бронзы, именуемой «Триалетской». Тем более важно констатировать факт, что крайне южная граница распространения т. н. триалетских материалов в настоящее время также очерчивается окрестностями г. Карса [286, с. 46].

ли и кинжалы или мечи с составной рукояткой в Кахети. Для доказательства этого факта нами привлечены и другие материалы (см. ниже), важнейшими из которых мы считаем то, что на ряде многоярусных могильников Кахети—Гулгула, Певреби, Гадрекили, Чалиантхеви «А» погребения содержащие оружие с составной рукояткой перекрывают погребения с инвентарем, выделенным нами как ранний этап эпохи поздней бронзы.

После всего сказанного, мы просто не имеем никакого права не считать комплексы, содержащие листовидные кинжальные клинки и кинжалы или мечи с составной рукояткой одновременными, а выделенные нами материалы в раннюю группу эпохи поздней бронзы более древними. Ранний характер комплексов, выделенных нами в первую группу эпохи поздней бронзы, подтверждается также целым рядом доказательств: конструкция погребений еще часто представлена ямными курганами, этот тип погребения характерен для памятников эпохи средней бронзы и переходного периода, а с конца II тыс. до н. э. в Восточной Грузии почти не встречается; на поселениях материалы первого этапа эпохи поздней бронзы почти всегда в купе с культурными слоями эпохи средней бронзы и переходного периода и т. д. Наиболее ценными в этом отношении являются данные глиняных изделий здесь, как и в эпоху средней бронзы и в переходный период, черепок рыхлый из мелкозернистой глины с белыми вкраплениями кварца, обжиг двухслойный с подкладкой, поверхность черная, хорошо залощенная, блестящая. Эти детали для керамики комплексов с листовидным кинжальным клинком и кинжалом с составной рукояткой уже не характерны.

На раннем этапе эпохи поздней бронзы еще встречаются формы сосудов, характерные для керамических изделий ранней и средней бронзы, на более поздних памятниках их уже нет. Например, на могильнике Певреби два случая нахождения глиняных сосудов, венчик которых копирует абрис сосудов типа «грецкого ореха» [табл. XV, XV]. Этот факт многозначен, т. к. сосуды с таким горлышком характерны для памятников Армении в эпоху ранней [322, с. 18, табл. 4 (7—9); 227, с. 97] и средней бронзы [47, табл. XXXIV (IV_3); 227, рис. 84, 85, табл. IV], а на памятниках эпохи поздней бронзы встречаются только в ранних комплексах [47, табл. V_2, XXXIV (XI_3); 227, с. 94; 323, табл. I_6; 324, с. 112] и после этого прекращают свое существование. Поэтому те комплексы Кахети, в которых обнаружены такие сосуды, хронологически сближаются с ранними памятниками эпохи поздней бронзы Армении с богатыми погребениями Лчашена, Лорибердa и т. д. С Лчашенскими комплексами сближаются материалы раннего этапа эпохи поздней бронзы и по высокогорлым сосудам для питья, формы которых на памятниках обеих культур идентичны. Комплексы, выделенные нами в первую группу эпохи поздней бронзы, хронологически тяготеют к памятникам эпохи средней бронзы, и по одному узкодонному сосуду, обнаруженному в погребении № 53 могильника Певреби (табл. XIV), который точно повторяет очень редкую форму среднебронзового сосуда из южной Грузии [321, рис. 8, табл. IV]. Архаична и форма некоторых сосудов, представляющих собой горшки с конусообразной шейкой и яйцевидным корпусом, чаши на высокой полой ножке с вогнутым вовнутрь венчиком и т. д.

Основной схемой орнаментации глиняной посуды раннего этапа эпохи поздней бронзы является фриз, что еще раз подчеркивает связь керамики указанного времени с памятниками эпохи средней бронзы.

В орнаментации глиняной посуды раннего этапа эпохи поздней бронзы преобладают оттиснутые штампом, небольшие, вписанные друг в круга кружки, соединенные спирали, четырехугольные узоры с сетчатой штриховкой —они впервые встречаются на сосудах эпохи средней бронзы, но вслед за первой ступенью эпохи поздней бронзы бесследно исчезают.

С начала эпохи поздней бронзы становится характерным и орнамент, который впервые появился в комплексах переходного периода и наносился клинообразным штампом. На следующих ступенях развития материальной культуры этот орнамент в таком исполнении уже не встречается.

Ранее мы считали возможным, что этот орнамент появился как подражание треугольникам, распространенным в эпохи ранней и средней бронзы [37, с. 143]. В настоящее время мы располагаем рядом фактического материала, на основании чего, можно найти этому явлению иное объяснение.

Мы имеем в виду часть сосудов, обнаруженных Леонардом Вулли в 1937—1949 гг. во время раскопок Телл-Ачана (Алалах) близ Антиохии, на берегу р. Иордан, которые автор называет черными изделиями, украшенными штампом [260, с. 342—347, табл. C, CI] Л. Вулли считает, что эти сосуды подражают металлическим и иногда инкрустированы белой пастой. На них представлены штампованные кружки, треугольники и прямые линии. Эта керамика обнаружена лишь в отбросах V слоя, который довольно точно датируется 1594—1483 или 1550—1535 гг. до н. э. [260, с. 384, 389]. Ни в IV, ни в VI слоях ничего подобного нет, что вынуждает автора предполагать, что это не местная керамика. Он считает ее импортной, но не может указать место ее происхождения [260, с. 345].

По С. Смити и Малловану, подобная керамика обнаружена в Нузи, однако, здесь аналогичный орнамент имеется на сосудах других форм и наряду с этим между ними хронологическая разница в один век. Потэому Л. Вулли трудно говорить об их связи (260, с. 346, 347), но он соглашается со Старом, который считает подобную керамику заимствованной с чужого оригинала, хотя и он не указывает на источник происхождения (260, с. 346).

Стар попытался сравнить эту керамику с материалами VII слоя Трои, которые имеют сходный орнамент, однако по мнению Л. Вулли, троянские материалы, более поздние, чем алалахские и поэтому данное сравнение лишено значения. Хотя все же интересно, что и в Трое они настолько спорадичны, что также считаются инородным изделием [260, с. 346]. Далее Л. Вулли отмечает, что черные штампованные изделия появляются в Тарсусе в позднем периоде древней и раннем периоде новой империи, т. е. почти в то же время, что и в Аллалахе, и идентичны по технике исполнения, хотя удивительно отличаются по форме. И в Тарсусе они появляются внезапно, без всяких прототипов и центр их производства не известен [260, с. 346].

Таким образом, как в Передней, так и в Малой Азии сосуды, украшенные штампованными вписанными кругами, треугольниками и спиралями внезапно появляются примерно в одном периоде с середины II тысячелетия до н. э. и источник их происхождения не известен. Затем они так же внезапно, примерно в середине II тыс. до н. э., исчезают. В этой связи сам по себе привлекает внимание тот факт, что сходный орнаментальный мотив и техника исполнения появляются в Центральном Закавказье примерно в то же время и так же бес-

следно исчезают в начальные века второй половины II тысячелетия до н. э. Однако, безусловно следует отметить, что здесь этот орнамент нанесен на местные сосуды, полностью отличающиеся по форме от передне- и малоазиатских. В связи с вышесказанным, можно в порядке рабочей гипотезы высказать предположение, что не исключена возможностьт, что как Передняя и Малая Азия, так и Центральное Закавказье в этот период попадают под общее влияние, происхождение которого еще не известно. Несмотря на это, естественно, что значение данного факта безмерно велико как при исследовании генезиса материальной культуры, так и при изучении вопросов хронологии.

Существенно, что как было сказано выше, впервые на сосудах переходного периода появляется орнамент, нанесенный после обжига белой краской, украшения такого типа особенно часто встречаются на сосудах раннего этапа эпохи поздней бронзы (погребения нижнего яруса могильников Насадгомари и Певреби табл. XIV—XVII), а в последующее время совершенно исчезают. Для керамики раннего этапа эпохи поздней бронзы так же как и для изделий эпохи средней бронзы и переходного периода характерен лощенный орнамент.

Итак, на памятниках раннего этапа эпохи поздней бронзы все еще прочно удерживаются традиции эпохи средней бронзы. Но наряду с этим, здесь уже широко распространяются характерные признаки эпохи поздней бронзы, зародившиеся в самом конце эпохи средней бронзы и в переходном периоде. В комплексах первого-раннего этапа эпохи поздней бронзы чаще встречаются грубые, одноцветные, хорошо обожженные сосуды, плечики которых, а также края днищ украшены косыми короткими насечками, а весь корпус — желобчатыми концентрическими линиями.

Как было отмечено, идентичный материал в большом количестве обнаружен в северной и северо-западной Армении.

Центральном Закавказье на раннем этапе эпохи поздней бронзы, в окрестностях озера Севан выделяется отдельная культура, которую очень часто именуют Лчашенской. Она в основном представлена материалами богатых курганов. Материалы эти характеризуются черно-лощенной керамикой, шевронным орнаментом, который выполнен горизонтально расположенными короткими, тисненными насечками. Характерны так же лощенные вертикальные линии, сетчатые мотивы и т. д. Из этих изделий сосуды с высоким конусообразным горлышком и сферообразным корпусом, а так же миски с круглым корпусом и вогнутым вовнутрь венчиком по абрису очень сближаются с материалами эпохи средней бронзы. Для лачашенских глиняных изделий очень характерны культовые курильницы и четырехугольные, ящикообразные предметы, может быть, такого же назначения.

Обязательно нужно отметить, что если металлический инвентарь погребения № 1: топоры, кинжалы, удила с дисковидными псалиями, скульптуры на якореобразных подставках (штандарты), бусы, трезубцы, зеркала с ручками и т. д. идентичны изделиям остальных курганов (№ 2, 8, 10), то глиняные сосуды первого кургана отличаются тем, что здесь они вместо тисненных, бихромно расписанных шевронов украшены лощенным и гравированным орнаментом вроде восточногрузинских сосудов.

Особо нужно отметить, что в третьем лчашенском кургане вместе с типично лчашенскими глиняными сосудами и металлическим инвентарем, обнаружен глиняный сосуд украшенный оттиснутым клинообразным орнаментом, который характерен для переходного периода от

эпохи средней к эпохе поздней бронзы, а особенно для первого этапа эпохи поздней бронзы на памятниках Восточной Грузии. Этот факт особой важности, т. к. он наглядно указывает на синхронность материальных культур этих регионов.

Синхронность этих культур подчеркивает также нахождение на памятниках Восточной Грузии этого периода удил с дисковидными псалиями, штандартов на якореобразных подставках, глиняных сосудов с росписью после обжига и т. д.

Отличная картина в северной и северо-западной Армении. На этой территории стационарные раскопки произведены только в двух пунктах — в Арктике [258; 162] и в Лориберде [270; 323].

По материалам, найденным в Лорибердских курганах (близ Степанавана), становиться ясно, что в этом регионе происходит слияние двух культур — если глиняные сосуды этих погребений отличаются от восточно-грузинских только тем, что здесь роспись двухцветная — нанесена белой и красной краской[62], то металлический инвентарь совершенно идентичен лчашенскому. Таким образом, здесь сосуществуют материалы двух культур, что еще раз подчеркивает их синхронность.

В катакомбных погребениях артикского могильника обнаружено огромное количество керамического материала, который почти в точности повторяет формы и орнаментацию сосудов, распространенных на раннем этапе эпохи поздней бронзы, на территории Восточной Грузии. Безусловно, есть и своеобразные черты, в особенности в украшении, но это подчеркивает только локальные своеобразия — например, лощенный орнамент и т. д. Металлический материал же артикского могильника, вместе с характерным только для него инвентарем, находит много общего как с лчашенским, так же лорибердским и восточногрузинским материалами раннего этапа эпохи поздней бронзы. Например, якореобразный предмет, найденный в третьем погребении артикского могильника[63] [258, табл. 30_4] идентичен такому же предмету из погребения № 8 на лчашенском курганном поле. Это многозначительный факт для синхронизации этих культур, т. к. в восьмом кургане Лчашена он найден с типичной для местной культуры керамикой с шевронным орнаментом, расписанным в два цвета, здесь же найдены удила с дисковидными псалиями, кинжал с бронзовой рукояткой, скульптура птицы на якореобразной подставке, обсидиановые наконечники стрел с выемчатым основанием, сердоликовые шестигранные бусы, зеркало(?) с бронзовой рукояткой и т. д. С другой стороны, в третьем погребении артикского могильника, вместе с такими предметами найдена керамика с лощенным орнаментом, ха-

[62] При определении хронологии археологических материалов Центрального Закавказья очень важно подчеркнуть тот факт, что только на памятниках первого этапа эпохи поздней бронзы наблюдается одна и та же манера украшения глиняных сосудов—роспись (погребения нижнего яруса могильников Певбери и Гадрекили в Кахети, артикское погребение № 516, лчашенские и лорибердские курганы). В Артике, Лориберде и на памятниках Восточной Грузии даже схема орнамента одна и та же, только в Лориберде роспись бихромная, чем она походит на материалы лчашенских курганов. По нашему мнению, наличие такого общего признака на памятниках Центрального Закавказья должно указывать на их синхронность.

[63] Мы хотим выразить благодарность профессору Т. С. Хачатряну, который положил много труда, чтобы познакомить нас с материалами артикского могильника до их полной публикации.

рактерная для всего Центрального Закавказья, а также бронзовая полусферическая бляха, украшенная крестообразно выпуклым клинообразным орнаментом, которая так же характерна для материалов Восточной Грузии.

На могильнике Церовани в одном из погребений с местной керамикой, характерной для раннего этапа эпохи поздней бронзы обнаружен бронзовый кинжал, типичный для ранних артикских погребений.

Таким образом, по нашему мнению в Центральном Закавказье синхронными нужно считать курганные материалы Лчашена, Артикского могильника(за исключением тех нескольких погребений, в которых были найдены железные предметы) и инвентарь Лорибердских курганов. К этому времени нужно приобщить и часть курганного материала в северо-западном Азербайджане (курганы Ханлара), где вместе с типично местной керамикой с белой инкрустацией встречаются сосуды с клиновидным штампом, тисненным орнаментом — вписанных друг в друга кружочков и т. д. [285, рис. 22, 23]. Очевидно, как и в северной Армении и здесь происходил симбиоз двух отличных, соседних, синхронных культур. Естественно, к этому времени относим и все выше перечисленные комплексы из Восточной Грузии.

О хронологии и периодизации этих материалов из Армении в научной литературе высказаны иные предположения. Профессор Арутюн Арташесович Мартиросян в своей фундаментальной работе о материалах эпохи бронзы и железа Армении, по нашему мнению, неверно разделяет материалы лчашенских курганов на две хронологические части. Здесь керамика, найденная в этих курганах датируется XIV в. до н. э., а металлический инвентарь — XIII—XII вв. до н. э. [47, табл. XXXIV (XI); XXXV (I)].

Это разделение кажется искусственным т. к. та керамика и металлический инвентарь, которые в этой работе хронологически разделены, в целом ряде комплексов лчашенских курганов встречаются вместе.

Неверное хронологическое разделение синхронных материалов и выделение еще одной хронологической группы вызвало неверное омоложение части лчашенских материалов, а так же омоложение комплексов, хронологически следовавших за ними. Таким образом, одна неточность повлекла за собой другие.

Обоснованную датировку раннего этапа эпохи поздней бронзы Армении по материалам Артикского могильника дает профессор Телемак Суренович Хачатрян. Однако думаем разделение им материалов артикского могильника на три группы не совсем оправдано. Во всяком случае деление материалов его первой и второй группы выглядит несколько искусственно.

Первую группу он датирует XIV—XIII вв. до н. э., вторую — XII—XI веками [162; 258]. Выдвигая в качестве главного аргумента то, что в первой группе с хурри-митаннийскими цилиндрическими печатями керамика лучше залощена и богаче орнаментирована. А во второй — больше сосудов с клиновидным штампом, или бронзовых однотипных выпуклых блях с рельефным орнаментом, височных колец, подвесок в виде птичек, чем в первой группе.

Автор прав: в его первой группе одна часть керамики безусловно лучше залощена, а во второй — чаще встречаются некоторые предметы. Но они не могут стать определяющими для выделения какой либо группы, т. к. характерны для всего материала целиком. Это

разделение невозможно и по той причине, что кроме указанных различий, эти комплексы по остальным предметам почти полностью идентичны, это касается, в первую очередь, ведущих предметов, напр. бронзовых кинжалов и т. д.

В связи с вышесказанным трудно согласиться с автором, когда он для второй группы предлагает довольно позднюю дату XII—XI вв. до н. э. Подтверждением этому должно служить и то, что в 516 погребений второй группы автора найден сосуд без горлышка, с вогнутым вовнутрь венчиком, орнаментированный штампом, вписанными друг в друга малыми кружками, на тулове которого белой краской нанесен меандр. Как по форме, так и по штампованному орнаменту и рисунку белой краской, этот сосуд идентичен сосудам из могильника Левреби, где они радиокарбонным методом датируются концом XIV в., XIII в до н. э. и, как было сказано, в более поздних комплексах уже не встречаются. Идентично орнаментированные сосуды найдены в лорибердских курганах с металлическим инвентарем лчашенского типа и, следовательно, должны датироваться таким же ранним возрастом.

В некоторых погребениях второй группы автора встречается ряд бронзовых предметов, идентичных с инвентарем ранних лчашенских курганов, что опять таки не дает возможности датировать их позднее XIII века до н. э.

Поэтому, материалы первой и второй групп артикского могильника, по нашему мнению, следует объединить и датировать так же как и первую, которую автор датирует с помощью цилиндрических печатей хурри — митанийского типа.

По указанию Т. С. Хачатряна хурри-митанийские цилиндрические печати этого типа в Передней Азии датируются XV—XIV вв. до н. э., однако т. к. на артикском могильнике они найдены вместе с соединителями бус определенной формы, комплексы, где найдены эти печати, на Кавказе нельзя считать более ранними, чем XIV—XIII вв. до н. э. [162, с. 158]. Но для нас неясно, на каком основании автор выносит такое заключение, т. к. по его же словам, точно такие соединители там же поблизости на Аричском могильнике встречаются в погребениях эпохи средней бронзы [162, с. 158]. Помимо того, Т. С. Хачатрян пишет, что в ареале распространения хурритских памятников такие разделители характерны для XVII—XII вв. до н. э. [162, с. 158].

Датирующими Т. С. Хачатрян считает и шестигранные сердоликовые бусы, хотя по его же словам такие бусы на артикском могильнике встречаются в погребениях XIV—IX вв. до н. э. [162, с. 158]. Неясно, в таком случае, как же они могут быть датирующими?

В то же время, автор правомерно связывает комплексы первой группы артикского могильника с богатыми погребениями лчашенских курганов для определения хронологических рамок первых, по бронзовым кинжалам, удилам с дисковидными псалиями, скульптурами на якореобразных подставках и т. д.

Таким образом, по нашему мнению, нет большого отличия между первыми двумя группами погребального инвентаря артикского могильника и считаем более целесообразным их объединение и синхронизацию с богатыми погребениями лчашенских курганов XIV—XIII вв. до н. э.

В последнее время вопросов хронологии и периодизации памятников северной Армении коснулась Седа Грантовна Деведжян [270].

В ее исследовании памятники эпохи поздней бронзы Ташир Дзорагета разделены на три стадии — раннюю, среднюю и позднюю.

В ранней стадии она объединяет погребения № 2 и № 7 Лорибердa, где обнаружены идентичные материалы Лчашена и Артика (бронзовые секиры, разъединители бус, глиняная посуда украшенная штампованным орнаментом, и расписанная белой и красной краской (меандры, треугольники, свастика и т. д.) и вслед за Т. С. Хачатряном, совершенно правильно датирует их XIV—XIII вв. до н. э.

К средней стадии С. Г. Деведжян относит комплексы, в которых впервые встречается железо, и также правильно датирует их концом II тыс. до н. э.

Но для нас непонятны основания выделения, третьей стадии, в которой она объединяет целый ряд комплексов (погребения № 8, 9) и датирует XI—X вв. до н. э.

С. Г. Деведжян пишет, что все металлические предметы, найденные в этих погребениях, носят характер материала ранней стадии, однако она находит, что комплексы омолаживает глиняная посуда, которая несмотря на наличие признаков эпохи средней бронзы (лощение, способы украшения и т. д.) по качеству и художественным признакам к ней не относятся. Следовательно, для омолаживания этих комплексов, по нашему мнению аргументы автора недостаточны. Более того, глиняные изделия третьей группы автора находят параллели в материалах Восточной Грузии и Артикского могильника, которые датируются ранней ступенью эпохи поздней бронзы, а в поздних комплексах совершенно не встречаются. Исходя из этого, по нашему мнению, материалы третьей стадии лорибердских погребений нужно объединить в первую стадию и также датировать XIV—XIII вв. до н. э.

В последнее время для определения хронологических рамок комплексов раннего этапа эпохи поздней бронзы Центрального Закавказья значительные материалы были найдены в Востчоной Грузии. 1) На поселении «А» Чалиантхевского комплекса (Сигнахский район, угодья села Нукриани) материалы выделенного нами раннего этапа эпохи поздней бронзы без стерильного слоя лежат на мощном культурном слое переходного этапа от эпохи средней к эпохе поздней бронзы.

В связи с этим, сейчас уже на стратиграфической основе можно рассуждать о непрерывном развитии этих двух этапов материальной культуры и на многообразном материале утверждать их генетическую связь. Таким образом, в общих чертах безусловно можно говорить о хронологических рамках их развития, сейчас уже бесспорно, что выделенный нами ранний этап эпохи поздней бронзы — непосредственное развитие переходного периода и, безусловно, самая ранняя ступень в развитии позднебронзовой культуры.

Но этот памятник дает еще более важные сведения по вопросам хронологии, так как на могильнике этого поселения установлено существование нескольких ярусов погребений, среди которых погребения самого нижнего яруса с типичным материалом раннего этапа эпохи поздней бронзы сверху перекрываются погребениями с характерным материалом бронзовых мечей и кинжалов с составной рукояткой, которые, как мы доказывали не раз, синхронны комплексам с листовидным кинжальным клинком в Шида Картли.

Таким образом, устанавливается непрерывная цепь развития материальной культуры второй половины второго тысячелетия и выде-

ленная нами ранняя ступень эпохи поздней бронзы прочно занимает свое место между переходным периодом и этапом развития, для которого характерны кинжалы с составной рукояткой — в Кахети и листовидные кинжальные клинки в Шида Картли.

В настоящее время, может быть, самой надежной основой для установления абсолютной даты материалов второй половины II тыс. до н. э. Центрального Закавказья является предложенная Т. С. Хачатряном датировка с помощью переднеазиатских цилиндрических печатей, найденных в погребениях раннего этапа эпохи поздней бронзы артикского могильника.

Материалы, найденные в Восточной Грузии, способствуют большей обоснованности этого важнейшего вывода.

Наше внимание привлекли бронзовые панцирные пластинки, обнаруженные во многих погребениях раннего этапа эпохи поздней бронзы в Кахети. Эти погребения №№ 1, 10, 26 и 105 на могильнике Гадрекили, курган № 1 Цителигореби; погребения, раскопанные Н. З. Бердзенишвили в селении Магаро (табл. XXXII). Большинству из них мы не смогли найти параллельный материал. Но одной панцирной пластинке из погребения № 10 могильника Гадрекили (Насадгомари), которая найдена вместе с чернолощеной керамикой, с бронзовыми — четырехушным котлом, выпуклыми круглыми бляхами с рельефным орнаментом, конусообразными пуговицами, сердоликовыми бусами, концом клинка бронзового меча и бронзовым копьем раннего облика (табл. XX), нашли точные параллели в стратифицированных и прекрасно датированных культурных слоях переднеазиатских памятников: в Богазкое [309], Телл-Атхане (Алалах) [260, табл. LXXI], Нузи [310], Рас Шамра [311], Мегидо [313, табл. 177], Телл Риф Ате (Сирия) [307, рис. 73(2)], Чога Зенбиле [314, табл. XCIII], Трое [315, табл. 297], Телл-Фахаре [316, табл. 24], Нимруде [317] и Хаме [168].

Хронологические рамки этих слоев XV—XIII вв. до н. э. Они никогда не встречаются в слоях, более поздних, чем XIII в. до н. э. Например, в Рас Шамра они найдены под огромными глыбами камней, на полу разрушенного в XIII в. до н. э. дворца. В Нузи они обнаружены в самом верхнем слое Хурритского города, который прекращает свое существование в середине XIV в. до н. э. и т. д.

Кроме того, как наглядно видно на нашей сводной таблице панцирных пластинок Передней Азии, поздние экземпляры сильно отличаются от наших и по форме (табл. XXXII).

Безусловно, в связи с этим верхнюю дату тех комплексов, в которых найдены такие же пластинки, мы не можем относить к более позднему времени, чем XIII в. до н. э. Таким образом, эта дата точно совпадает с хронологическими рамками, определенными Т. С. Хачатряном для раннего этапа эпохи поздней бронзы по переднеазиатским цилиндрическим печатям, найденным на артикском могильнике.

Эту дату подтверждают и радиокарбонные анализы, выполненные в лаборатории Тбилисского государственного университета, которой в 1977 году с могильника Певреби из погребений нижнего слоя с типичным инвентарем раннего этапа эпохи поздней бронзы была передана нами для анализа целая серия (10 образцов) древесного материала. Их древность определена XIV—XIII вв. до н. э.

Таким образом, по нашему мнению, для установления хронологических рамок материалов Центрального Закавказья второй половины II тыс. до н. э. мы теперь имеем многосторонне проверенную, надеж-

ную основу, которую можно считать исходной точкой и для определения хронологии смежных периодов.

Само собой разумеется, что последующие этапы развития могут быть датированы только позднее XIII в. до н. э. Как было доказано на стратифицированных памятниках и на том же могильнике Певреби, таковыми в Кахети нужно считать комплексы с бронзовыми кинжалами с составной рукояткой. Как известно, по целому ряду фактического материала одновременными им мы считаем в Шида Картли комплексы с листовидными кинжальными клинками и, пока наша позиция обоснованно не отвергнута, после всего вышеизложенного как памятники Кахети с бронзовыми кинжалами с составной рукояткой, так и одновременные им в Шида Картли комплексы с бронзовыми листовидными кинжалами мы никак не можем считать древнее, может быть, самого конца XIII в. до н. э.

Таким образом, в местных материалах Центрального Закавказья второй половины II тыс. до н. э. появились надежные стандарты, на основании которых можно более обстоятельно рассуждать о хронологии археологических памятников всей второй половины II тыс. до н. э.

Верхняя дата эпохи средней бронзы, которая определена серединой XV в. до н. э. [250, с. 511—512; 204; 247; 3, с. 314 и др.], по нашему мнению (и не только по нашему), не очень надежна, но так как пока не имеем возможности заменить этот рубеж более точной датой, поневоле считаем его исходной при определении нижней даты памятников переходного периода.

Верхней же границей для материалов этого периода нужно считать нижнюю границу вновь выделенной нами первой ступени эпохи поздней бронзы, хронологические рамки которой ограничиваются XIV—XIII вв. до н. э., что, как было показано выше, является пока самой надежной основой для датировки материалов всего Центрального Закавказья второй половины II тыс. до н. э.

В связи с этим необходимо внести некоторые изменения в принятую хронологическую схему. В частности, комплексы с бронзовым листовидным кинжальным клинком, относившиеся прежде ко второй половине XV—XIV вв. до н. э., в настоящее время должны быть признаны памятниками средней (второй) ступени эпохи поздней бронзы и датированы, может быть, самым концом XIII—XII вв. до н. э. По существу, в эти хронологические рамки следует поместить все памятники эпохи поздней бронзы, которые считались более древними, чем комплексы, содержащие бронзовые цельнолитые кинжалы.

В процессе исследования мы подробно ознакомились с теми данными, на основании которых была установлена абсолютная дата комплексов с листовидными кинжальными клинками.

Впервые столь раннюю дату для подобных кинжалов предложил Т. Н. Чубинишвили. Он уловил генетическую связь между этими комплексами и материалами последнего этапа эпохи средней бронзы и на этом основании датировал их хронологически последовательным временем. По его мнению, для конкретной датировки самтаврских погребений этого периода нет никаких прочных данных. Поэтому он использует весьма отдаленные крито-микенские и малоазиатские аналогии, хотя абсолютного сходства между ними нет.

Тем не менее, опираясь на указанные параллели, Т. Н. Чубинишвили приходит к выводу, что «XVI—XV вв. до н. э. можно условно считать рубежом, разделяющим эпохи средней и поздней бронзы» [50, с. 99]. Ранняя ступень эпохи поздней бронзы в Шида Картли свя-

зывается, по его мнению, как с материалами эпохи средней бронзы, так и с памятниками последующего времени, и рамки развития ее культуры должны быть ограничены XV—XIV вв. до н. э.

Таким образом, основываясь на единственной более или менее прочной, дате конца эпохи средней бронзы и считая, что памятники эпохи поздней бронзы генетически связаны с предыдущей и следуют непосредственно за ней, он датировал их XV—XIV вв. до н. э.

На наш взгляд, как глиняная посуда (судя по ее формам, орнаментации и составу глины), так и металлические изделия из комплексов с листовидным кинжальным клинком, весьма далеки от материалов эпохи средней бронзы. Прослеживающееся отдаленное сходство между ними свидетельствует лишь о том, что обе группы памятников относятся к разным (но не последовательным) ступеням развития одной материальной культуры в эпоху бронзы, и поэтому было бы неправильно устанавливать раннюю дату на основе их сходства и генетической близости.

Совсем недавно Р. М. Абрамишвили попытался установить дату существования листовидного кинжального клинка. По его мнению, поскольку «...нижней датой памятников Шида Картли периода, следующего за т. н. ранней ступенью эпохи поздней бронзы, считается начало XIII в. до н. э., постольку естественно верхний рубеж ранней ступени датировать концом XIV в. до н. э. Что же касается нижней границы последней, то Т. Н. Чубинишвили считает таковой XV в. до н. э. Возможно, нижняя дата этих памятников не уходит глубже конца XV в. до н. э., но, по нашему мнению, бесспорно, что памятники т. н. ранней ступени эпохи поздней бронзы бытуют на определенном отрезке этого века» [3, с. 313]. Однако, Р. М. Абрамишвили, подобно Т. Н. Чубинишвили, не располагает, на наш взгляд, прочными конкретными данными для датировки и поэтому исходит из предложенной К. Шефером даты верхнего рубежа триалетских курганов — 1450 г. до н. э. Комплексы с листовидным кинжальным клинком он считает самыми ранними среди памятников эпохи поздней бронзы и поэтому сближает их с последним этапом эпохи средней бронзы. По его мнению, «можно предположить, что памятники т. н. ранней ступени эпохи поздней бронзы Шида Картли не могут быть более ранними, чем предложенная К. Шефером дата, и они должны быть датированы второй половиной XV в. и XIV в. до н. э.» [3, с. 314].

Совершенно верно, что эти комплексы не могут быть более ранними, чем предложенная К. Шефером верхняя дата памятников средней бронзы, но почему они датируются Р. М. Абрамишвили именно последующим временем вслед за памятником эпохи средней бронзы, не ясно.

Как уже отмечалось, Р. М. Абрамишвили считает верхней границей комплексов с бронзовым листовидным кинжальным клинком конец XIV в. до н. э.), так как, по его словам, нижний рубеж следующего за ним этапа определяется XIII в. до н. э., к этому же этапу он относит комплексы, которые наряду с большим количеством предметов, характерных для памятников с листовидным кинжальным клинком, содержат явно поздние предметы. По его мнению, таковыми являются комплексы, содержащие т. н. восточногрузинские бронзовые кинжалы с составной рукояткой.

Это предположение, как мы увидим ниже, не подтверждается, так как листовидные кинжальные клинки не опережают, а бытуют одновременно с кинжалами с составной рукояткой.

Поэтому датировка листовидных кинжалов второй половины XV в. и XIV в. до н. э. оказывается неоправданной. Как будет показано ниже, они должны быть датированы так же, как кинжалы с составной рукояткой, рамки бытования которых тот же Р. М. Абрамишвили довольно правильно определил в своей ранней работе, но в связи с вышеотмеченными изменениями период их существования должен быть уменьшен и заключен в рамки конца XIII в. и XII в. до н. э.

Для получения абсолютной даты этих памятников Р. М. Абрамишвили использует тот факт, что обнаруженная в погребении № 13 Бешташенского могильника овальная шестигранная сердоликовая бусина имеет сходство с бусиной из погребения № 1 Лчашенского могильника, найденный вместе с трехпалыми вилами, совершенно идентичными вилам из комплекса Рас-Шамра, датированного XIII в. до н. э. (1251—1231 гг. до н. э.) [3, с. 319]. На наш взгляд, это предположение нельзя принять полностью, поскольку хотя шестигранные сердоликовые бусы в основном и встречаются на ранних памятниках эпохи поздней бронзы, но, по многочисленным данным, они бытуют вплоть до начала I тыс. до н. э., и поэтому, в некоторых случаях, ими можно пользоваться лишь для подтверждения раннего характера памятников, но не для установления конкретной даты.

Таким образом, в эпоху средней бронзы, в переходный период и на раннем этапе эпохи поздней бронзы на всей территории Центрального Закавказья существует одна материальная культура, в которой тем не менее иногда (хотя и не очень четко) проявляются определенные варианты. Выделение же ярко выраженных локальных вариантов становится возможным лишь начиная со второй половины эпохи поздней бронзы.

Существенно, что зародыши вариантов археологических культур эпохи поздней бронзы прослеживаются в некоторых частях Центрального Закавказья уже в предшествующей культуре (К. Х. Кушнарева, А. А. Мартиросян и др.).

Если допустить преемственную связь между ранними культурами Центрального Закавказья (что фактически заметно пока лишь в отдельных деталях, но все же указывает на их родственное происхождение), станет очевидным, почему поздние, уже самостоятельные, отличные друг от друга и не поддающиеся отождествлению культуры генетически связаны между собой и в то же время в целом сильно отличаются от других, менее близких соседних культур.

Связанные такими узами археологические культуры позднебронзовой эпохи Центрального Закавказья занимают совершенно определенную территорию, которая фактически совпадает с границами распространения т. н. «триалетской культуры», — их южная и юго-восточная границы проходят чуть севернее течения р. Аракс. К югу и юго-востоку от этих границ распространены археологические культуры, более тяготеющие к южному, иранскому миру, чем к закавказскому; северная же граница центральнозакавказских культур достигает южных предгорий Большого Кавказского хребта, за пределами которых бытовали в корне отличные от них т. н. Кобанская и Каякенто-Хорочоевская северо-кавказские археологические культуры. На востоке граница центральнозакавказских культур не доходит до Каспийского моря, так как здесь лежит широкое пространство солончаковых земель, большая часть которых, по-видимому, не была заселена издревле. Прибрежная же полоса от Кавказского хребта до Ап-

шеронского полуострова, очевидно, входит в ареал северокавказской — Каякенто-Хорочоевской культуры. На западе граница культур Центрального Закавказья проходит почти у Сурамского хребта, по другую сторону которого была распространена мощная т. н. западногрузинская, или колхидская, археологическая культура.

Но несмотря на то, что существование генетической связи между археологическими культурами эпохи поздней бронзы — раннего железа Центрального Закавказья не подлежит сомнению, отождествление их на протяжении всей эпохи совершенно невозможно и недопустимо. На втором этапе эпохи поздней бронзы в Центральном Закавказье на базе предшествующих появляется значительное количество самостоятельных археологических культур, а на первой ступени освоения железа самые сильные (или передовые) из них начинают объединять более или менее сходные, родственные культуры. Формируются большие культурные области со своеобразным археологическим материалом (например, т. н. «Восточногрузинская», «Ганджа—Карабахская» и др. культуры).

Возникновение подобных объединений на рубеже II—I тысячелетий до н. э. соответствует развитию исторического процесса. Ввиду того, что на территории Закавказья этот период непосредственно предшествует эпохе создания государств (середина I тыс. до н. э.), именно в эту эпоху и должны были складываться прочные политические союзы, представлявшие собой зародыши будущих государственных образований.

Однако, в то же время в недрах этих объединений протекают и другие процессы. Все более определенный вид принимают отдельные варианты (локальные очаги) археологической культуры, чему способствовало, по-видимому, развитие малых культур, существовавших во второй период эпохи поздней бронзы (до создания больших объединений). Об этом свидетельствуют некоторые виды боевого оружия, отличавшиеся однородностью на втором этапе эпохи поздней бронзы и представлявшие собой уже несколько вариантов на следующем этапе. Теперь территория их распространения не совпадает целиком с границами, в рамках которых существовали их прототипы и очерчивается контурами новых вариантов культур.

Таким образом, в процессе развития в период раннего железа меняется не только общий внешний облик археологических культур, но и границы их распространения и даже количество вариантов. Поэтому недопустимо, на наш взгляд, рассматривать материалы Центрального Закавказья, относящиеся к эпохе поздней бронзы — раннего железа, без учета конкретного времени их бытования, несмотря на то, что они часто представляют собой разные этапы развития одной и той же культуры.

По нашему мнению, большие объединения с более или менее однородным археологическим материалом, появившиеся на территории Центрального Закавказья в эпоху раннего железа, располагались приблизительно следующим образом: первый район находился в пределах большей части территории Восточной Грузии, т. е. в рамках распространения т. н. «Восточногрузинской» археологической культуры, точнее, территории Шида Картли и Кахети; во второй район входил юго-западный Азербайджан и территория к северу от озера Севан до р. Куры, т. е. в пределах распространения Ганджа-Карабахской (Ходжалы-Кедабекской) археологической культуры; в центральной и северо-западной части Армении (третий район) параллельно с

местными начинают появляться материалы т. н. Ганджа-Карабахской культуры[64].

В эпоху раннего железа между крупными культурами, объединяющими несколько локальных групп или вариантов, существовали известные различия. Рассмотрим, например, т. н. «Восточногрузинскую» и «Ганджа-Карабахскую» культуры. Основные различия между ними можно четко проследить по погребальным памятникам — по конструкции погребений. Ганджа-Карабахскую культуру характеризуют захоронения покойников в каменных ящиках и курганах, тогда как на территории Восточной Грузии встречаются почти исключительно грунтовые погребения, изредка с небольшой каменной насыпью. В погребениях первой преобладают захоронения в сидячей позе, во второй — на боку в скорченном положении.

Вместе с тем, как для Восточногрузинской, так и для Ганджа-Карабахской культуры типичны предметы, которые встречаются лишь в пределах распространения каждой из них. Например, характерными только для Ганджа-Карабахской культуры можно считать: бронзовые вилы, наконечники копий, ножи с загнутыми вверх концами, массивные браслеты с гофрированной или нарезной поверхностью, круглые бронзовые пластинки-подвески разной величины, украшенные рельефным и процарапанным геометрическим орнаментом и изображениями животных, подвески в виде черепах, пуговицы, инкрустированные пастой и разными камнями, каменную посуду, глиняные сосуды, украшенные изображениями животных и людей, часто инкрустированные белой массой и пр. Эти предметы совершенно чужды для территории Восточной Грузии, хотя изредка некоторые из них встречаются в восточных или южных пограничных районах (Кахети, Триалети), реже — в центральных (на Самтаврском и Нарсквавском могильных полях).

Своеобразные находки характерны и для территории Восточной Грузии. Мы встречаем здесь такие предметы, которые совсем не известны на территории Ганджа-Карабахской культуры: бронзовые, круглые маленькие щиты; дугообразные большие фибулы («субмикенские»); бронзовые, тонкопластинчатые треугольные наконечники стрел с черенком или выемчатым основанием и с отверстием у острия, бронзовые наконечники копий с разным украшением, закрытой втулкой и листовидной режущей частью и т. д.

Достойно внимания и то, что даже предметы, характерные для обеих культур и имеющие одно и то же назначение (бронзовые — мечи, кинжалы, наконечники копий, наконечники стрел, пояса, различные украшения, керамика), отличаются друг от друга по многим признакам. Эти изделия, характеризующие одну культуру, как правило, не встречаются на территории распространения второй, а если и встречаются, то в исключительных случаях и только в пограничных районах.

На основании вышесказанного можно утверждать, что археологические культуры Центрального Закавказья как на втором, так и на поздаем (третьем) этапе поздней бронзы — раннего железа, не были

---

[64] Предлагаемые нами общие границы всех материальных культур эпохи поздней бронзы— раннего железа Центрального и Восточного Закавказья в процессе специальных исследований могут быть уточнены. Однако, на основании знакомства с литературой мы сочли возможным предположить и подобный вариант.

тождественными. Правда, они могли возникнуть на общей основе, но развивались совершенно независимо — в изучаемый период эти культуры настолько не похожи друг на друга, что между ними уже гораздо больше различий, чем сходства. Поэтому их объединение и представление одной культурой на этом этапе развития, на наш взгляд, совершенно недопустимо. Отождествление этих культур, так же как и имевшее место в прошлом отождествление Колхидской и Кобанской культур, представляется ошибочным (О. М. Джапаридзе, Е. И. Крупнов и др.), тем более, что в нашем конкретном случае отличительные черты гораздо заметны, чем сходство. Тем не менее, безусловно, существуют и общие признаки, которые следует считать пережитками раннего единства.

О близости между этими культурами свидетельствуют, например, некоторые орнаментальные мотивы, украшающие характерные для них бронзовые предметы или глиняную посуду. Это подтверждается и находками в Центральном Закавказье оружия одного и того же назначения (например, мечей), которое совершенно отсутствует в памятниках соседних культур[65]. Но единичные, пережиточные элементы не дают оснований для нивелировки культур Центрального Закавказья в эпоху поздней бронзы — раннего железа.

По нашему мнению, неправы и те исследователи, которые отождествляют эти культуры, ссылаясь на широкое распространение т. н. центральнозакавказской бронзовой секиры и на находки ее литейных форм во многих пунктах этой территории. Это обстоятельство привело некоторых исследователей к ошибочным заключениям: Б. А. Куфтин, например, считал бронзовый топор центральнозакавказского типа консолидирующим признаком археологической культуры на всей территории его существования [141, с. 4]. По нашему мнению, вряд ли возможно консолидировать всю центральнозакавказскую культуру на основании пусть даже многочисленных находок одного предмета (тем более, что отдельные районы, где встречаются эти топоры, отличаются друг от друга большинством остальных элементов материальной культуры) [см. 37, с. 166—169].

Возможно, тот факт, что исследуемые топоры представлены на всей этой обширной территории единым видом, служит показателем культурно-генетического единства древнейшего населения этих мест (Г. Ф. Гобеджишвили), но тем не менее, он может и не быть признаком тождества синхронных культур. При изучении данного вопроса весьма важно учитывать, что этот тип топора распространен на той же территории, где в эпоху средней бронзы существовала т. н. Триалетская культура и что прототипами этих топоров считаются характерные для Триалетской культуры топоры грмагеле-шамшадинского типа, бытовавшие фактически на той же территории, где встречаются центрально-закавказские топоры эпохи поздней бронзы и железа.

Таким образом, центральнозакавказские топоры, как и их прототипы, сохраняют единство на всей территории своего распространения, но если их предшественники характеризуют лишь одну материальную культуру — Триалетскую, то сами они в эпоху поздней бронзы и железа являются типичными для территории, где существует уже несколько независимых материальных культур. Исходя из этого, мож-

---

[65] В этом случае мы сознательно исключаем из поля нашего зрения талышские мечи, так как эта культура тесно связана с южными и западными культурами, чем с кавказским миром [250, с. 404].

но утверждать, что бытующий на территории различных культур центральнозакавказский топор указывает не на их единство, а на общность происхождения, поэтому его следует рассматривать как отражение пережитков древнего единства, существовавшего прежде на территории его распространения.

Предметом нашего специального исследования в настоящее время является материальная культура Восточной Грузии. Начиная со второй ступени эпохи поздней бронзы, в связи с расцветом бронзовой металлургии различные культуры выделяются в основном на основании определенных видов металлических предметов. Поэтому при выделении памятников этого времени мы опираемся главным образом на результаты изучения бронзовых изделий.

Весьма существенно, что на всем протяжении эпохи поздней бронзы—раннего железа границы отдельных культур и даже их количество не стабильны. На втором этапе эпохи поздней бронзы на территории Восточной Грузии существовали две синхронные археологические культуры. Одна из них занимала территорию Иоро-Алазанского бассейна, где наиболее характерными предметами являлись: бронзовые, т. н. кахетские кинжалы I—III подтипа, бронзовые наконечники копий с цельной (закрытой) втулкой и с двумя рельефными кольцами на ней; глиняные сосуды, корпус которых украшен резными концентрическими линиями, а плечики и края донышек — короткими косыми насечками и пр. [37, табл. LXIX, 152—211]. Вторая культура охватывала территорию Шида Картли, где были распространены бронзовые листовидные кинжальные клинки; бронзовые наконечники копий с раскрытой втулкой, бронзовые тонкопластинчатые наконечники стрел треугольной формы и пр. [37, табл. LXIX, 116—151].

Однако, по распространенному в археологической литературе мнению, кинжалы с листовидным клинком и кахетские кинжалы с составной рукояткой считаются разновременными. Таким образом, выдвигаемое нами положение о выделении двух синхронных культур, одним из главных компонентов которых являются именно эти кинжалы, в корне противоречит существующему мнению. В связи с этим мы хотели бы рассмотреть данный вопрос более подробно.

Как известно, Г. А. Ломтатидзе первым высказал мнение о том, что в хронологической схеме комплексов Самтаврского могильника между грунтовыми погребениями, содержащими бронзовые кинжалы с листовидным клинком, с одной, и т. н. скифские стрелы, с другой стороны, должны быть помещены грунтовые погребения, содержащие мечи и кинжалы с бронзовой рукояткой. В частности, обнаруженное в 1938 г. на южном участке погребение № 44 [271, табл. III], в котором был найден бронзовый кахетский кинжал с составной рукояткой, Г. А. Ломтатидзе датировал временем, следующим за периодом бытования кинжалов с листовидным клинком. Таким образом, этот тип кинжала он отнес к наиболее древнему типу оружия с бронзовой рукояткой. По мнению Г. А. Ломтатидзе, на переходный характер этого погребения указывают как смешанный характер его инвентаря, так и конструкция и химический состав обнаруженного в нем кинжала [275, с. 160—168].

Последующие исследователи, касавшиеся вопроса датировки этого оружия, фактически полностью поддержали точку зрения Г. А. Ломтатидзе и вслед за ним при датировке кахетских кинжалов с составной рукояткой стали опираться на дату погребения № 44 из

Самтавро, отмечая при этом смешанный характер комплекса. По их мнению в инвентаре погребения вместе с поздними предметами встречаются предметы, одновременные кинжалом с листовидным клинком: бронзовая булавка с закрученной головкой, бронзовый наконечник копья с раскрытой втулкой и т. д., благодаря чему погребение и найденный в нем кахетский кинжал стали датировать более поздним временем чем кинжал с листовидным клинком (Д. Л. Коридзе, Т. Н. Чубинишвили, Р. М. Абрамишвили).

Для доказательства позднего возраста кахетского кинжала Т. Н. Чубинишвили ссылается на то обстоятельство, что в Самтавро погребение № 101, содержащее кинжал с листовидным клинком, непосредственно перекрывалось погребением № 88 с кахетским кинжалом [50, с. 103].

Таким образом, для доказательства того, что период распространения кинжала кахетского типа следует за временем бытования кинжала с листовидным клинком, исследователи приводят следующие доводы:

1. Комплекс погребения № 44 из Самтавро носит смешанный характер, и, наряду с ранними, содержит явно поздние предметы.

2. Погребение № 101 с бронзовым листовидным кинжальным клинком перекрыто погребением № 88, содержащим т. н. кахетский бронзовый кинжал.

3. На сравнительную «молодость» т. н. кахетского бронзового кинжала указывает его конструкция.

4. О поздней дате этих кинжалов свидетельствует и их химический состав.

На наш взгляд, инвентарь погребения № 44 не носит смешанного характера и, если датировать т. н. кахетский кинжал с составной рукояткой на основании этого комплекса, то придется считать его одновременным листовидному кинжальному клинку. Думается, что в этом можно легко убедиться, если подробно рассмотреть все найденные предметы.

В погребении № 44 южного участка Самтаврского могильного поля вместе с кахетским кинжалом с составной рукояткой обнаружены: глиняные сосуды, бронзовый кованый наконечник копья с раскрытой втулкой, бронзовая булавка с закрученной головкой, бронзовая булавка с грибовидной головкой и круглым стержнем, костяные и сердоликовые бусы и бронзовая бляха.

а) Среди глиняных изделий обращает на себя внимание сосуд без горлышка с загнутым внутрь венчиком, типичный главным образом для периода бытования листовидных бронзовых кинжальных клинков.

б) Общеизвестно, что бронзовый кованый наконечник копья с раскрытой втулкой[66] и бронзовая булавка с закрученной головкой характерны только для второго этапа эпохи поздней бронзы, т. е. они одновременны с листовидным кинжальным клинком.

в) Массивные бронзовые булавки с грибовидной головкой и круглым стержнем встречаются как в комплексах с листовидными кин-

[66] Этот наконечник по форме несколько отличается от наконечников копий, обнаруженных вместе с листовидными кинжальными клинками, но ребра и втулки тех и других изготовлены путем ковки, что бесспорно указывает на их архаичность [287, с. 24—25; 329, с. 55—56, 87; 26, с. 138, табл. I], а не на молодость [275, с. 188].

жальными клинками, так и в последующих, более поздних погребальных комплексах[67]. Следовательно, этот тип булавки не может являться датирующим признаком, и ее присутствие в погребении № 44 ни в коей мере не доказывает смешанности комплекса. В данном же конкретном случае мы можем смело отнести этот предмет ко второму этапу эпохи поздней бронзы.

г) Архаичный характер имеют и рубленые сердоликовые темно-красные бусы с кратеровидными отверстиями, которые признаются самыми древними бусами, известными по материалам Самтаврского могильника [138, с. 185].

д) Обнаруженная в рассматриваемом погребении бронзовая пряжка не имеет параллелей и поэтому не может служить основой для датировки данного комплекса ранним или поздним временем (хотя ряд деталей сближает ее с пряжкой, обнаруженной на Самтаврском могильнике в погребении № 261 [271, табл. II] вместе с бронзовым листовидным кинжальным клинком).

Таким образом, инвентарь погребения № 44 следует отнести ко второму этапу эпохи поздней бронзы.

Говорить о смешанном характере комплекса погребения № 44 с кахетским кинжалом с составной рукояткой, как видим, не приходится. Вряд ли можно вслед за Т. Н. Чубинишвили рассматривать кахетский кинжал вне комплекса, a priori, считая его более поздним, чем листовидный, ибо для подобного утверждения нет никаких оснований.

При датировке кахетского кинжала Т. Н. Чубинишвили ссылается на зафиксированное в Самтаврском могильнике стратиграфическое расположение погребений, отмечая, что погребение № 88 с кахетским кинжалом перекрывает погребение № 101 с листовидным кинжалом. Такое расположение погребений, по его мнению, «...явно указывает нам на то, что погребения с кинжалами «кахетского» типа более поздние, чем погребения, содержащие листовидные кинжалы» [50, с. 103].

Подобное стратиграфическое расположение погребения № 88, безусловно, подтверждает относительную молодость данного кахетского кинжала. Однако это не дает нам права распространять полученный вывод на другие кинжалы кахетского типа, ибо обнаруженный в погребении № 88 кинжал — цельнолитой (III подтип нашей схемы [38, с. 64—72, табл. $IX_{1,2}$], т. е. более поздний, чем кинжалы с составной рукояткой (I подтип). Следовательно, цельнолитой кинжал из погребения № 88 не может служить основой для датировки кинжалов с составной рукояткой. Вряд ли можно говорить и о том, что на молодость кахетских кинжалов указывает их конструкция.

Во-первых, листовидные кинжальные клинки и кахетские кинжалы распространены на разных территориях и характерны для двух разных культур. Вместе с этим, они абсолютно разнотипны, и никак нельзя предположить, что один из них предшествовал другому или появился в результате его развития.

---

[67] Хотя Г. А. Ломтатидзе считал эти булавки типичными поздними предметами [275, с. 168], в результате последующих раскопок грунтовых погребений № 221; 232 северного участка Самтаврского могильника, грунтовых погребений, обнаруженных на дороге Бешташени-Сафархараба [42, табл. XLIX], грунтовых погребений № 87, 240 северного участка Самтаврского могильника, было установлено, что булавки с грибовидной головкой характерны как для комплексов с листовидными кинжальными клинками, так и для последующих, более поздних [26, с. 137—138].

Во-вторых, нет ничего удивительного в том, что во время распространения на территории Шида Картли листовидного кинжального клинка на территории Кахети бытовал кинжал с бронзовой рукояткой. Как мы уже отметили, они не представляют собой оружие одной культуры и вполне возможно предположить, что у носителей одной из них в одну и ту же эпоху существовала более развитая металлообработка.

На территории Закавказья кинжалы с бронзовой рукояткой встречаются уже в эпоху ранней бронзы (Царцис гора, Корети-Пасиетский курган). Этот факт также не дает нам права считать поздним любое оружие лишь потому, что у него бронзовая рукоятка. Кинжалы с бронзовой рукояткой широко распространены и на ранних памятниках эпохи поздней бронзы Армении (Тазакент, Артик, Лчашен и др.).

Для утверждения позднего возраста кахетских кинжалов с составной рукояткой нельзя опираться и на их химический состав, так как в последнее время стало известно, что бронзовые изделия эпохи поздней бронзы—раннего железа из Самтаврского могильника по химическому составу не отличаются друг от друга [92, с. 69]. Отсутствие олова в химическом составе кинжала из погребения № 44 и наличие небольшого количества сурьмы, на что указывал Г. А. Ломтатидзе, не позволяет делать выводы о позднем возрасте рассматриваемого кинжала (как известно, в случае необходимости олово в Восточной Грузии могли заменять сурьмой [104, с. 230—232].

Таким образом, анализ тех данных, которыми пользовались предыдущие исследователи для датировки кинжалов с составной рукояткой, приводит к совершенно противоположным выводам. Как видим, нет никаких оснований относить кахетский кинжал с составной рукояткой к более позднему времени, чем листовидный кинжальный клинок. На основании этих данных оба типа указанного оружия следует признать синхронными.

Для подтверждения этого вывода мы использовали инвентарь погребений из Квемо Гостибе, Навтлуги, Орхеви, Икалто и Гиоргицминда.

В случайно обнаруженном Гостибском погребении были найдены следующие предметы: 1) бронзовое копье с раскрытой втулкой, изготовленное путем ковки; 2) бронзовый колхидский топор, который, по классификации О. М. Джапаридзе, относится к I типу и рассматривается автором как наиболее раннее оружие [290, с. 56, 80]; 3) кахетский кинжал с составной рукояткой; 4) глиняное изделие цилиндрической формы, похожее на ножку сосуда.

Наконечник копья и колхидский топор более или менее убедительно датируют кахетский кинжал с составной рукояткой. Как уже отмечалось, наконечники копий, схожие с гостибским, втулка и ребро которых изготовлены путем ковки, относятся к ранним периодам эпохи поздней бронзы. Колхидский топор I типа также должен указывать на сравнительно ранний возраст данного комплекса. Нижней границей колхидской культуры считается XIII в. до н. э., однако в последнее время высказываются и другие мнения на этот счет. В частности, Р. М. Абрамишвили считает синхронными Саспиретский клад (где имеется такой же топор) и погребение № 13 Бешташенского могильника, которые он датирует временем, близким к рубежу XIV—XIII вв. до н. э. [3, с. 318—319]. Т. К. Микеладзе видит основы древнеколхидской культуры в материалах XV в. до н. э. (330). Глиняные че-

репки, обнаруженные в Гостибском погребении также явно тяготеют к ранним ступеням эпохи поздней бронзы.

Таким образом, есть все основания полагать, что комплекс из Гостибе на каком-то отрезке времени сосуществовал с памятниками, содержавшими листовидные кинжальные клинки. Во всяком случае, вряд ли можно признать правильной датировку, предлагаемую Т. Н. Чубинишвили, который считает, что «...этот комплекс относится к той ступени эпохи поздней бронзы, когда на грани II и I тысячелетий до н. э. в комплексах «развитой бронзовой эпохи» уже появляются начальные элементы железной индустрии» [287, с. 13].

В погребении № 1 Навтлугского могильника обнаружены следующие бронзовые предметы: листовидный кинжальный клинок с бронзовой рукояткой; кахетский кинжал с составной рукояткой; центральнозакавказская секира, наконечник копья с раскрытой втулкой, крюк с раскрытой втулкой, булавка с закрученной головкой, а также медный котел и фрагменты четырех глиняных сосудов.

Рассмотрим время бытования каждого предмета в отдельности.

1) Бронзовая булавка с закрученной головкой считается синхронной с листовидным кинжальным клинком.

2) Бронзовый наконечник копья с раскрытой втулкой, втулка и ребро которого изготовлены путем ковки, относится к наиболее ранним типам оружия эпохи поздней бронзы.

3) Центральнозакавказская секира также не дает возможности датировать этот комплекс, по примеру Д. Л. Коридзе, XII—XI вв. до н. э.[68], так как оружие подобного типа обнаружено в Сасиретском кладе, нижняя дата которого не ранее рубежа XIV—XIII вв. до н. э. [3, с. 318].

4) Датировка листовидных кинжалов с бронзовой рукояткой не раз была предметом дискуссий. Д. Л. Коридзе разделяет мнение Г. А. Ломтатидзе, считавшего, что листовидные кинжалы с бронзовой рукояткой и без нее сосуществуют на территории Шида Картли на раннем этапе эпохи поздней бронзы и в следующий за ним период [275, с. 226; 279, с. 146—147; 291, с. 10]. В одной из своих ранних работ Д. Л. Коридзе датирует гргмагельский кинжал с листовидным клинком и бронзовой рукояткой XIV—XII вв. до н. э. [279, с. 154]. Впоследствии он уточняет эту дату, считая кинжал с рукояткой одновременным листовидному кинжальному клинку без рукоятки. Правда, исследователь полагает, что навтлугский кинжал по своей форме и химическому составу в сопоставлении с комплексом предметов из погребения выглядит более поздним, чем гргмагельский [291, с. 20], однако все же датирует оба кинжала XIV—XIII вв. до н. э. [291, с. 21].

Т. Н. Чубинишвили считает, что появление листовидного кинжала с бронзовой рукояткой является конечным результатом развития листовидного кинжального клинка [50, с. 76]. Р. М. Абрамишвили датирует эти кинжалы XIII—XII вв. до н. э. [26, табл. I], т. е. относит их к тому же времени, что и Сасиретский клад и Бешташенское погребение № 13. Правда, позднее он несколько углубил их дату и перенес ближе к рубежу XIV—XIII вв. до н. э. [3, с. 318].

Итак, мы видим, что большинство исследователей приближает дату листовидного кинжала с бронзовой рукояткой ко второй ступени

---

[68] В одном из своих поздних трудов Д. Л. Коридзе принял XIII в. до. н. э. за нижнюю хронологическую границу рассматриваемого комплекса [291, с. 18].

эпохи поздней бронзы и относит его к концу этого этапа или началу последующего. Другие же вполне справедливо считают, что на определенном отрезке времени эти кинжалы сосуществуют с листовидными кинжальными клинками.

Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что остальной инвентарь из Навтлугского погребения [329; 271, табл. V] № 1, ничего не дающий для датировки (медный котел, бронзовый крюк, глиняная посуда)[69], является одновременным рассмотренному выше, и весь комплекс, вместе с входящим в него кахетским кинжалом с составной рукояткой, должен относиться к периоду бытования листовидных кинжальных клинков.

Большое значение для датировки кахетских кинжалов с составной рукояткой имеет и комплекс из Орхеви (восточная окраина Тбилиси) [271, табл. IV]. Здесь в 1955 г. разведочной экспедицией Тбилисского государственного историко-этнографического музея было исследовано погребение, в котором обнаружены следующие предметы: 1) 17 глиняных сосудов; 2) бронзовый котел; 3) фрагмент кахетского бронзового кинжала с составной рукояткой[70], 4) бронзовый листовидный кинжальный клинок без рукоятки; 5) пять бронзовых тонкопластинчатых треугольных наконечников стрел с выемчатым основанием, 6) две пары бронзовых удил с трензелями, 7) бронзовая булавка с круглой головкой, украшенной пятью шишечками, 8) бронзовый пинцет, 9) восемь бронзовых трубчатых бусин и одна костяная. На наш взгляд, очень важным для датировки Орхевского погребения является найденный в нем листовидный кинжальный клинок (инв. № 71—55), указывающий на место погребения в рамках второй ступени эпохи поздней бронзы. Орхевское погребение замечательно и тем, что здесь впервые в одном комплексе встречены листовидный кинжальный клинок без рукоятки и кахетский кинжал с составной рукояткой, что имеет существенное значение для датировки последнего. Этим еще раз подтверждается, что кахетский кинжал с составной рукояткой сосуществует с листовидными бронзовыми кинжальными клинками Шида Картли, тем более, что и остальной инвентарь не противоречит такой ранней датировке Орхевского погребения. Например, бронзовые тонкопластинчатые треугольные наконечники стрел с выемчатым основанием, встречающиеся и в более поздних погребениях Самтаврского могильника, в то же время типичны и для второй ступени эпохи поздней бронзы[71]. Не противоречит такой датировке и бронзовый пинцет, обнаруженный в Орхевском погребении, так как он также характерен как для ранних, так и для поздних ком-

---

[69] Нельзя не обратить внимания на тот факт, что бронзовые котлы и крюки не характерны для погребений эпохи поздней бронзы, исследованных в большом количестве на территории Восточной Грузии. Возможно, они являются показателем архаичности, так как большая часть всех известных находок относятся ко времени, предшествующему эпохе поздней бронзы.

[70] Несмотря на то, что сохранился лишь фрагмент клинка, нет никакого сомнения в том что он действительно принадлежит древнейшему экземпляру кинжалов кахетского типа, т. к. на нем сохранился нанесенный в процессе литья веерообразный орнамент, характерный только для кахетских кинжалов I подтипа.

[71] Самтаврское могильное поле: 1939 г. грунтовое погребение № 16, 54, 75, 129; 1940 г. грунт. погребение № 175, 180; 1946 г., грунт. погребение № 228, 261, 263; 1947 г., грунт. погребение № 280, 283 и т. д.

плексов (например, в погребении № 263 Самтаврского могильника пинцет и листовидный кинжальный клинок без рукоятки обнаружены вместе).

Ранее мы указали аналогию орхевской булавки с пятью шишечками в погребении № 96 Самтаврского могильника, датированном XI—X вв. до н. э. Однако этого, на наш взгляд, недостаточно, так как в северных районах Шида Картли такие булавки встречаются как в ранних, так и в поздних комплексах [54, с. 91—93, табл. I, II]. В настоящее время это предположение подкрепляется новыми данными. Так, в 1967 г. в Сачхерском районе около крепости «Моди нахе» в коллективном погребении была найдена бронзовая булавка с круглой головкой, украшенной пятью шишечками, вместе с бронзовой булавкой с закрученной головкой. Идентичные булавки известны и в материалах более ранних памятников. В частности, в 1969 году Ш. Ш. Дедабришвили в одном из погребений могильника «Швиндиани» (Кахети) обнаружил подобные булавки вместе с типичной керамикой эпохи средней бронзы и бронзовыми булавками с пирамидальной головкой и т. п. В связи с этим, как было отмечено, становится очевидным, что рассматриваемые булавки не пригодны для датировки комплексов. Однако указанный факт все же свидетельствует о распространении в Восточной Грузии таких булавок, которые бытуют уже с эпохи средней бронзы, что, естественно, исключает возможность датировки содержащих их комплексов только поздними ступенями развития материальной культуры. На раннюю дату Орхевского погребения указывают и бронзовые удила с крючковидными трензелями, которые находят параллель в Сасиретском кладе и погребении № 13 Бешташенского могильника. Керамика Орхевского погребения сближается с ранними образцами, отличающимися мелкозернистой рыхлой структурой и лощеным сетчатым орнаментом.

На территории Кахети известны лишь две находки указанных кинжалов в комплексах. Один из них был обнаружен в 1951 г. Н. З. Бердзенишвили в разрушенном погребении № 4 могильника с. Гиоргицминда (ГМГ, инв. № 8—54/27—33). Здесь, наряду с упомянутым кинжалом, были найдены: цельнолитой наконечник копья с закрытой втулкой и двумя рельефными поясками на ней, фрагменты нескольких сосудов темносерого обжига с примесью крупнозернистого песка в тесте. Корпус некоторых из них был украшен резными концентрическими линиями, а донышко — спиралью.

Бронзовый цельнолитой наконечник копья листовидной формы с двумя рельефными поясками на закрытой втулке характерен в основном для материальной культуры, распространенной на территории Иоро-Алазанского бассейна, и датируется в большинстве случаев XIII—XII вв. до н. э. [38, с. 74—75]. Теперь, как мы уже видели, нижний рубеж этих копий хорошо устанавливается их находками в погребениях №№ 80 и 228 северного участка Самтаврского могильника, где они обнаружены с бронзовыми листовидными кинжальными клинками наиболее ранних типов. Поэтому не исключено, что кинжал с составной рукояткой из погребения № 4 могильника Гиоргицминда, найденный с таким копьем, может быть отнесен к периоду бытования листовидных кинжальных клинков.

Второй комплекс с кинжалом с составной рукояткой был обнаружен в погребении из с. Икалто. Здесь были также найдены два небольших бронзовых кольца с круглым сечением, спираль из бронзовой проволоки и восемь глиняных сосудов. На первый взгляд, и этот

материал не дает возможности точно датировать Икалтойское погребение. Однако на основании изучения керамики можно получить хотя бы приблизительную дату. Прежде всего следует отметить, что часть глиняной посуды из этого комплекса изготовлена из мелкозернистой глины и имеет черную лощеную поверхность. Иногда на внутренней стороне сосуда четко видна подкладка. Плечики сосудов украшены волнистыми линиями, заключенными между двумя параллельными полосами. По этому признаку данная керамика сближается с глиняной посудой ранней ступени эпохи поздней бронзы. Однако большая часть сосудов из этого комплекса имеет грубую структуру и украшена орнаментом, более характерным для развитой ступени эпохи поздней бронзы.

Таким образом, можно заметить, что часть керамики из этого погребения сохраняет пережиточные черты более ранних этапов развития материальной культуры, а другая, большая — характеризуется признаками развитой ступени эпохи поздней бронзы. Поэтому комплекс, содержащий эти предметы, должен быть заключен в рамки того отрезка времени, который непосредственно следует за первой ступенью эпохи поздней бронзы. С этой точки зрения интересно и то, что обнаруженные в Икалтойском погребении глиняные сосуды находят свои ближайшие параллели в погребениях нижнего (4) яруса могильника Гулгула I, причем дата верхнего яруса этого могильника древнее эпохи раннего железа, и поэтому погребения нижнего яруса, например, № 16 и лежащее под ним № 24 (четвертый ярус), должны быть древнее погребений верхнего яруса, по крайней мере, на сто лет, и, следовательно, должны датироваться примерно серединой второй половины II тысячелетия до н. э. Исходя из этого, Икалтойское погребение следует отнести к тому же времени. Для большей убедительности датировки этого погребения и могильника Гулгула I важное значение имеют материалы целого ряда комплексов могильника Мадиисчала, где глиняные сосуды, украшенные концентрическими и волнистыми резными линиями, обнаружены вместе с бронзовыми булавками с закрученной головкой. Но особенно важен для датировки исследуемых памятников инвентарь погребения № 8 могильника Гулгула II (Сатвалисцкали), где наряду с бронзовыми украшениями первого этапа эпохи поздней бронзы (подвески в виде птиц, ступенчатые конусообразные пуговицы, круглые, с рельефным спиральным орнаментом и т. д.) и шестигранной сердоликовой бусиной, обнаружена глиняная посуда, идентичная описанной выше [37, табл. LXV_2, LXVI_1]. На древность комплексов с листовидными кинжалами и ее хронологическую близость с материалами первого этапа эпохи поздней бронзы должен указывать и комплекс погребения № 6 могильника Певреби. Здесь вместе с кинжалом с составной рукояткой обнаружена круглая выпуклая бляха с рельефным спиральным орнаментом, и булавка артикского типа (табл. XXX). На это же должен указывать комплекс из сел. Кедели. Здесь вместе с мечом с составной рукояткой найдена архаичная керамика, в разрезе четырехугольное шило, бронзовый щит, наконечник копья с двумя рельефными поясками на втулке и т. д. (табл. XXIX).

Итак, синхронное существование культур, содержащих, с одной стороны, листовидные бронзовые кинжальные клинки, а с другой — кахетские кинжалы с составной рукояткой, подтверждается многочисленными данными. Необходимо выяснить и их конкретные даты.

Как уже отмечалось, комплексы с листовидными кинжальными

клинками прежде относили к ранней ступени эпохи поздней бронзы и датировали временем, непосредственно следующим за эпохой средней бронзы, т. е. второй половиной XV и XIV вв. до н. э. [3, с. 314]. Ранее мы частично распространяли эту дату и на кинжалы с составной рукояткой, хотя считали, что основной период их бытования относится к XIV в. и рубежу XIV—XIII вв. до н. э. [271, с. 182]. Однако в настоящее время, когда в хронологической схеме развития материальной культуры существование переходного периода, на наш взгляд, уже не может вызывать сомнений. А вслед за ним еще выделяем материалы первого этапа эпохи поздней бронзы, которые явно опережают комплексы с листовидными кинжальными клинками. В связи с этим датировка последних, так же как и кинжалов с составной рукояткой, соответственно изменяется, и комплексы с указанными кинжальными клинками оказываются в пределах выделенной нами второй ступени эпохи поздней бронзы (конец XIII и XII вв. до н. э.)

Итак, на второй, средней ступени развития эпохи поздней бронзы на территории Восточной Грузии выделяются две синхронные материальные культуры, одна из которых существует на территории Шида Картли, а другая — в Иоро-Алазанском бассейне. Границы культуры, распространенной в Шида Картли, очерчиваются на основании находок характерных для нее предметов следующим образом. На севере ее границей является предгорная полоса Большого Кавказского хребта, на западе — восточная часть Сурамского хребта, на востоке — р. Арагви и на юге — линия Бешташени-Мадниспала. Типичными для этой культуры на втором этапе эпохи поздней бронзы являлись: бронзовый листовидный кинжальный клинок, бронзовый наконечник копья с кованой открытой втулкой, тонкопластинчатые бронзовые наконечники стрел с выемкой в основании, бронзовые булавки с закрученной головкой, навершия булав или посохов из основания рога оленя, глиняные сосуды с чернолощеной поверхностью, изготовленные из хорошо отмученной глины и орнаментированные радиальными лощеными полосами, и др. Черепок в изломе у этих сосудов одноцветный и однослойный, что является явным признаком позднего возраста и отличает их от керамики ранней ступени эпохи поздней бронзы. Появившиеся на раннем этапе эпохи поздней бронзы сосуды без горлышка с загнутым вовнутрь венчиком широко распространяются на втором этапе, но исчезают в последующее время. В некоторых погребальных комплексах этого времени, характерных для Шида Картли, все еще попадаются (всего два случая) сосуды, украшенные клиновидным штампом [37, табл. $LXIX_{130,139}$], который широко бытовал в переходный период и на ранней ступени рассматриваемой эпохи. Затем он также полностью исчезает.

Орнамент из заштрихованных треугольников на плечиках сосудов, обнаруженных в комплексе с листовидными кинжалами, имеет сходство с орнаментом, характерным для сосудов ранней ступени эпохи поздней бронзы. Довольно часто встречается орнамент из лощеных сеток, что также позволяет связывать эти сосуды с ранними, хотя в это время уже преобладает резная техника нанесения орнамента. Среди этой керамики имеются и грубые глиняные сосуды с концентрическими резными линиями на корпусе и косыми насечками вокруг плечиков и по краю дна.

Характерным для комплексов этого времени является т. н. «паркетный» орнамент [50, рис. 9, табл. XV (1169, 4996)]. Как известно, подобный орнамент в эпоху поздней бронзы был широко распростра-

нен в Западной Грузии, откуда, вероятно, и проник в Шида Картли. Культура Шида Картли в это время вообще испытывает мощное влияние западногрузинской культуры. Если для всего Центрального Закавказья на этом этапе характерны кинжальные клинки с бронзовой рукояткой, то из всей общности материальной культуры Центрального Закавказья полностью выпадают характерные для Шида Картли в период поздней бронзы т. н. листовидные кинжальные клинки. Они по форме совершенно отличны от боевого оружия такого назначения Центрального Закавказья. Стоят на более низком уровне развития и никак не вяжутся с оружием предшествующего и, тем более, последующего времени Шида Картли, где в конце II тыс. до н. э. боевые кинжалы и мечи с бронзовой рукояткой продолжают старые центральнозакавказские традиции. Поэтому идею т. н. листовидных кинжальных клинков эпохи поздней бронзы в Центральном Закавказье мы считаем привнесенной. По клинку они похожи на западнокавказские образцы, но по остаткам основания рукоятки они очень походят на оружие этого типа юго-восточной Европы и более поздние образцы с Северного Кавказа.

В этом периоде весьма заметно сходство с западногрузинскими образцами и по конструкции характерных для Шида Картли наконечников копий с открытой втулкой.

Однако несмотря на влияние Западной Грузии, материальная культура Шида Картли все же имеет ярко выраженный своеобразный характер, что придает ей вид независимой археологической культуры и подчеркивает ее генетическую связь с предшествующей, Центральнозакавказской культурой ранней ступени эпохи поздней бронзы.

Однако наряду с указанными западногрузинскими элементами, в этот период прослеживаются и черты, характерные для областей, расположенных к востоку от Шида Картли. Вначале в Шида Картли проникает готовая продукция. В дальнейшем влияние восточных материалов становится настолько заметным, что даже изменяет облик этой культуры.

Материальная культура Иоро-Алазанского бассейна, возникшая на базе предшествующей, на втором этапе эпохи поздней бронзы уже полностью оформилась в самостоятельную археологическую культуру. Наиболее характерными для нее предметами являются: т. н. кахетский бронзовый кинжальный клинок с составной рукояткой; наконечник бронзового копья с закрытой втулкой и двумя рельефными поясками на ней; глиняные сосуды с примесью песка в тесте, украшенные концентрическими резными линиями на корпусе и косыми насечками вокруг плечика и дна; небольшие сосуды (малый процент) из чистой глины с черной лощеной поверхностью, часто орнаментированные волнистой линией, заключенной между двумя параллельными полосками, а также резными треугольниками, заполненными разнообразными узорами, нанесенными гребенчатым штампом и др. (керамика обычно хорошо обожжена и отличается коричневатой, серой или черноватой поверхностью).

Грубые глиняные сосуды повторяют форму и орнаментацию посуды, появившейся в переходный период, но, в отличие от нее, на поздних сосудах уже не встречаются жгутообразные рельефные валики, широко распространенные как в переходный период, так и на первой ступени эпохи поздней бронзы. Их сменяют глубокие косые насечки, окаймляющие плечики сосудов. Концентрические полосы, оставшиеся на корпусе ранних сосудов в результате вращения гончарного

круга, на второй ступени развития эпохи поздней бронзы превращаются уже в самостоятельный тип орнамента, который начинает преобладать и становится наиболее характерным видом украшения сосудов. На этой ступени подобные сосуды сосуществуют с сосудами, изготовленными из мелкозернистой глины, но на последующей полностью господствуют. Такая керамика редко встречается в Шида Картли, для которой характерны иные глиняные сосуды.

На территории Иоро-Алазанского бассейна на второй ступени эпохи поздней бронзы сосуды, изготовленные из мелкозернистой глины, встречаются сравнительно редко. Они украшены характерными для раннего этапа эпохи поздней бронзы фризами из резных концентрических линий. Этот мотив встречается на данной ступени в виде пережитка и полностью исчезает на следующей хронологической ступени. То же самое можно сказать и об орнаменте в форме резных треугольников, нанесенном на плечики (правда, последние встречаются и на сосудах эпохи широкого освоения железа в Шида Картли, что является явным свидетельством непрерывного развития материальной культуры).

Материальная культура Иоро-Алазанского бассейна фактически была распространена только по среднему течению этих рек. С севера она ограничена Большим Кавказским хребтом, на востоке простирается до линии Лагодехи-Цнори, на западе ее границей является р. Арагви, а на юге она не распространяется за пределы р. Куры. Однако на территории Шида Картли часто встречается оружие, характерное для этой культуры (вначале вверх по течению р. Куры, а затем по р. Лиахви), и этому факту следует найти соответствующее объяснение.

О появлении в Шида Картли кахетских материалов в первую очередь свидетельствует распространение т. н. кахетских кинжалов I—III подтипов. На это же должно указывать и появление в Шида Картли характерных для Кахети наконечников копий с закрытой втулкой и двумя рельефными поясками на ней. Трудно утверждать, что под влиянием Кахети в Шида Картли (Ховле, Самтавро, с. Тли и другие пункты Лиахвского ущелья) появляется грубая глиняная посуда с концентрическими резными линиями на корпусе и косыми насечками вокруг плечиков и края дна. Правда, эти изделия резко отличаются от местных как структурой, так и орнаментом, и выглядят инородными. Однако если учесть, что такая керамика появляется здесь уже в переходный период и вскоре становится характерной для всего Центрального Закавказья, правильнее будет рассматривать эти изделия как отражение сохранившихся местных древних традиций, не получивших здесь дальнейшего развития.

К концу II и началу I тыс. до н. э., точнее, к XI—X вв. до н. э. археологическая культура Шида Картли уже представляет собой ярко выраженный локальный вариант общей Восточногрузинской археологической культуры, так как наиболее характерные для нее типы распространены уже на всей этой территории. В то же время в Шида Картли появляются кинжалы и мечи своеобразной формы, прототипом которых является кахетское, а не местное оружие (листовидные кинжальные клинки)[72].

[72] Прототипом кинжала и меча «самтаврского» типа XI—X вв. до н. э. является не кахетский кинжал с составной рукояткой, а его развитая форма— цельнолитой кинжал, который по форме повторяет кинжал с составной рукояткой (по нашей классификации — III подтип).

Из местных древних листовидных кинжальных клинков развились, по-видимому, только кинжалы с бронзовой разветвленной рукояткой и листовидным клинком, которые, кстати сказать, как было установлено выше, бытовали одновременно с листовидными клинками и в последующее за ними время. Но так как их найдено всего несколько экземпляров, а более поздних кинжалов с листовидным клинком не обнаружено вовсе, следует предположить, что они не развились и довольно быстро прекратили свое существование.

Наряду с этим на территории Шида Картли продолжали развиваться и местные элементы. Некоторые предметы сохраняли свой облик на протяжении многих столетий (бронзовые тонкопластинчатые наконечники стрел, глиняная посуда и пр.). Местная культура восприняла от внесенной (Иоро-Алазанская)[73] лишь лучшее и прогрессивное (в данном случае, конструкцию и формы ведущего оружия — меча и кинжала).

С рубежа II—I тыс. до н. э. сфера распространения Иоро-Алазанских археологичеких материалов, очевидно, частично расширяется к востоку. А в Шида Картли все чаще встречаются материалы т. н. «Западногрузинской» археологической культуры, что становится особенно заметным в эпоху широкого освоения железа. На это указывают многочисленные находки западных материалов в Шида Картли (материал могильника Самтавро, инвентарь отдельных погребений, состав найденных здесь кладов и пр.). Если на второй ступени эпохи поздней бронзы на территории Шида Картли найдены единичные экземпляры предметов Колхидской культуры, то с начала освоения железа они встречаются уже в значительно большем количестве. Важно и то, что с этого же времени западнозакавказские предметы (топоры, пряжки и пр.) начинают появляться и на территории Армении и Азербайджана, т. е. именно с этого периода во всем Центральном Закавказье заметна особенная активность колхидских элементов.

Западный элемент в Центральном Закавказье особенно усиливается в более позднюю пору. Об этом может свидетельствовать и тот факт, что центральнозакавказские бронзовые секиры прекращают свое существование вместе с эпохой поздней бронзы и, начиная с эпохи широкого освоения железа, их сменяют железные топоры, имеющие, как правило, форму западных (колхидских) топоров.

Границу распространения характерных для Шида Картли археологических материалов XI—X вв. до н. э. (бронзовые — кинжалы, мечи, копья, плоские наконечники стрел и пр. [37, табл. LXIX, 212—244] можно очертить следующим образом: на западе она не доходит до Сурамского хребта, на севере проходит по предгорной полосе Большого Кавказского хребта, на востоке границей является р. Арагви, а на юге — северное предгорье Триалетского хребта[74]. На второй

[73] Существование самостоятельной археологической культуры на территории Иоро-Алазанского бассейна, как и в Шида Картли, мы предполагаем только на второй ступени эпохи поздней бронзы, а позже, приблизительно с рубежа II—I тыс. до н. э., они объединились в т. н. «Восточногрузинскую» археологическую культуру и существуют в более раздробленном виде как ее локальные варианты.

[74] Некоторые авторы на основании изучения керамики предполагают существование в это время в Шида Картли, южнее р. Куры, локального района (Д. Л. Мусхелишвили). Мы не можем признать правильным данное предположение, т. к. не видим значительной разницы между керамическими изделиями, например, из Ховле, Трелигорееби и пунктов, расположенных севернее р. Куры.

ступени эпохи поздней бронзы (период бытования бронзовых листовидных кинжальных клинков) граница распространения характерных для Шида Картли памятников шла южнее Триалетского хребта (на это указывают материалы могильников Бешташени, Маднис чала и др.). Примерно на рубеже II—I тыс. до н. э., когда к югу от Триалетского хребта предполагается существование местной культуры, здесь уже нет никаких признаков шидакартлийской культуры, но все чаще появляются ганджа-карабахские материалы, которые, по-видимому, через Гуджаретское ущелье проникают и в Шида Картли. Это ущелье, очевидно, и ранее использовалось, на что должны указывать, например, находки бронзовых кинжалов своеобразной формы у места впадения Гуджаретского ущелья в р. Куру (Гомна, Сасирети, Квибиси, Цеми, Згудери и др.). Кинжалы эти имеют целый ряд общих признаков с оружием, распространенным в северо-западной части озера Севан.

Не менее интересно положение, создавшееся на территории Иоро-Алазанского бассейна в конце II и начале I тыс. до н. э.

Цельнолитые мечи и кинжалы с украшенной рукояткой являются продуктом высшей ступени развития бронзовой металлургии и не отличаются друг от друга ни конструктивно, ни техникой изготовления. Однако на основании форм, характера украшения и территории распространения можно разделить их на группы и варианты, что было невозможно для их прототипов. Как правило, это оружие отлито в одной форме и относится к последнему, четвертому подтипу выработанной нами классификации [38, с. 61—76, табл. IX], который мы подразделяем на три группы (IV_1, IV_2, IV_3.

Бронзовые мечи IV_1 группы [37, табл. LXIX (278)] имеют большие размеры и короткую рукоять. Навершие рукоятки высокое, конусовидное, с треугольными вырезками. Цилиндрическая шейка рукоятки по вертикали в четыре ряда украшена рельефными точечками. Плечики высокие и покатые, у некоторых низкие, горизонтальные, украшенные крестовидно пересекающимися гравированными линиями; клинок заканчивается закругленным, реже обрубленным концом. Обе стороны клинка украшены четырьмя попарно параллельными гравированными линиями. Часто на конце клинка имеются гравированные елочные геометрические украшения.

Кинжалов этой группы известно всего несколько. Украшены они наподобие мечей и внешне (рукоять) повторяют их формы.

Мы не можем принять для мечей IV_1 группы даты других групп, так как эти мечи отличаются не только своеобразием форм и орнаментации, но и территорией распространения. Для точной датировки мечей этой группы еще не обнаружено достаточного количества комплексов. В комплексе № 1 и № 3 из святилища Мелаани вместе с типичными мечами IV_1 группы обнаружено множество предметов из бронзы (пояса, наконечники стрел, браслеты, наконечники копий и пр.) и железа (большие выгнутые ножи, серпы, браслеты, кинжальные клинки, наконечники копий, мечи и пр.), которые позволяют довести верхнюю хронологическую границу бронзовых мечей IV_1 группы до VIII—VII вв. до н. э. Однако несмотря на это, для мечей рассматриваемой группы эту дату нельзя считать твердой, так как, во-первых, находки бронзовых мечей в комплексе с поздними предметами могут быть объяснены спецификой памятника (святилища), а во-вторых, тем, что мы не обнаружили ни одного предмета in situ.

В связи с этим установить хронологические рамки бытования ме-

чей IV_1 группы можно будет лишь после проведения контрольных раскопок погребальных комплексов. А пока наиболее приемлемой для этих мечей следует считать датировку, выработанную Р. М. Абрамишвили. На основе изучения материалов погребения № 5, найденного в сел. Бакурцихе, он относит мечи IV_1 группы к рубежу II—I тыс. до н. э. [3, с. 348—349, 375].

Принять эту дату нам позволяет и меч, обнаруженный в погребении № 1 могильника поселения «Тинис сери». Он датируется (хотя и приблизительно) глиняными сосудами, аналогичными керамике из поселения «Мочрили гора». Здесь верхний слой, непосредственно перекрывающий нижний, фактически датирует его, так как в нем найдены т. н. «скифские» стрелы конца VII в. до н. э. Изучение сосудов из упомянутых слоев «Мочрили гора» показало, что они отличаются друг от друга по технике изготовления и некоторым другим признакам. Все это позволяет выделить их в особую хронологическую группу.

Вообще заслуживает особого внимания изменение структуры черепка и техники его обработки на протяжении последовательных этапов эпохи поздней бронзы и железа Иоро-Алазанского бассейна.

Глиняная посуда **переходного периода от эпохи средней к эпохе поздней бронзы** в основном идентична керамике эпохи средней бронзы: мелкозернистый, рыхлый черепок с примесью мельчайших блестящих частиц кварца, двуслойного (на светлой подкладке) обжига. Поверхность чернолощеная. Изредка встречаются сосуды с примесью песка и шероховатой поверхностью. В некоторых случаях и они имеют подкладку (двуслойный обжиг). В большинстве же случаев такие сосуды имеют одноцветный обжиг с каштановым оттенком. Как мы увидим ниже, на следующем этапе процент одноцветной, хорошо обожженной керамики увеличивается, и она становится самой характерной для памятников Иоро-Алазанского бассейна эпохи поздней бронзы.

На ранней первой ступени эпохи поздней бронзы характерной продолжает оставаться глиняная посуда с мелкозернистым черепком двуслойного обжига, с примесью мельчайших блестящих частиц. Но в это время уже начинают преобладать сосуды однослойного обжига черного или каштанового цвета. Поверхность большинства этих сосудов чернолощеная. Керамика с примесью песка в тесте окончательно формируется на раннем этапе эпохи поздней бронзы и встречается в большом количестве. С этого времени хорошо спекшийся черепок этих сосудов имеет однослойный обжиг темно-коричневого цвета и шероховатую поверхность.

Начиная со второй ступени эпохи поздней бронзы, особенно увеличивается количество описанных выше грубых сосудов с шероховатой поверхностью. Хорошо спекшийся черепок имеет по-прежнему одноцветный обжиг темно-коричневого цвета. Сравнительно редко встречаются глиняные сосуды с мелкозернистым двуслойным черепком. Поверхность этих сосудов по-прежнему чернолощеная, однако, в отличие от ранних, они имеют сероватый оттенок и отличаются менее блестящим лощением. На втором этапе эпохи поздней бронзы встречаются и такие изделия, черепок которых имеет темно-коричневый цвет с тонким задымленным слоем на поверхности. Однако они встречаются в единичных случаях.

Третьей ступени эпохи поздней бронзы, которую мы именуем и эпохой раннего железа, соответствует керамика нижнего слоя посе-

ления «Мочрили гора». Она обычно имеет грубый черепок, т. е. изготовлена из глины с примесью песка. Керамика этого слоя явно отличается от остальной и по технике обработки. Наиболее характерной в эпоху раннего железа становится появившаяся на предыдущем этапе темно-коричневая глиняная посуда с примесью песка в черепке темно-коричневого обжига и с тонким слоем закопченной поверхности. По-видимому, традиция изготовления сосудов черного цвета продолжается наряду с использованием новой технологии. В этих случаях черный цвет придавался сосудам при вторичной обработке. Однако в этот же период появляются сосуды с мелкозернистым черепком, совершенно не похожие на сосуды предыдущих хронологических ступеней и отличающиеся от них прежде всего темно-серым цветом, свойственным посуде последующих хронологических ступеней. Примечательно и то, что подобная керамика становится характерной для верхнего слоя «Мочрили гора», относящегося к эпохе широкого освоения железа, когда грубая посуда каштанового цвета с закопченной поверхностью становится весьма редкой.

Как мы увидим ниже, для Кахети середины I тыс. до н. э. типичны глиняные сосуды, идентичные посуде эпохи широкого освоения железа; однако с этого времени традиционным становится красный обжиг.

Таким образом, при помощи процентного соотношения обжига и обработки, а также структуры черепка глиняной посуды, характерной для Иоро-Алазанского бассейна, можно отличить друг от друга памятники материальной культуры того или иного этапа развития и установить их относительную дату. Так, например, в погребении № 1 могильника «Тинис сери» наряду с бронзовым мечом IV_1 группы и одним сосудом с хорошо запекшимся мелкозернистым черепком серого цвета было найдено множество грубых сосудов с закопченной поверхностью, имеющих примесь песка в тесте. Такое явление, характерное для керамики третьего этапа эпохи поздней бронзы в сопоставлении с типом присутствовавшего здесь меча позволило отнести данное погребение к указанному времени. В пользу нашего предположения свидетельствует и инвентарь множества погребений могильников «Чалиани-схеви» и «Гочис цкаро», расположенных в с. Мелани и др.

Мечи IV_1 группы обнаружены в большом количестве, и ареал их распространения строго ограничен. В основном они встречаются на территории нижнего и среднего течения р. Алазани и в Гаре Кахети, к северо-востоку от среднего течения р. Иори. Северо-восточной границей распространения этих мечей являются южные склоны Кавказского хребта. Приблизительно можно установить и юго-восточную границу. Самым крайним восточным пунктом, где обнаружен рассматриваемый меч, является с. Квемо-Кеди. Крайним северо-западным пунктом распространения памятников с инвентарем, типичным для Ганджа-Карабахской культуры, является Мингечаур, расположенный на границе с Кахети. Следовательно, остается еще не изученной довольно большая территория между с. Квемо-Кеди и Мингечауром, где пока не обнаружено ни одного характерного предмета смежных культур. Поэтому следует считать, что юго-западная граница распространения мечей рассматриваемой группы должна проходить где-то между с. Квемо-Кеди и Мингечауром. Не совсем ясен вопрос о восточной границе на левом берегу р. Алазани.

Существенно, что на рубеже II—I тыс. до н. э. мечи IV_1 группы,

распространенные, главным образом, на территории среднего и нижнего течения р. Алазани и Иори,, встречаются и дальше к востоку (Белоканы, Закаталы). Все это наводит на мысль, что граница между Ганджа-Карабахской и Восточногрузинской культурами на рубеже II—I тыс. до н. э. проходила, вероятно, восточнее Закаталы, приблизительно по линии Закаталы—Квемо-Кеди.

Как известно, проф. Г. К. Ниорадзе не отличал друг от друга бронзовые мечи, характерные для территории Восточной Грузии, а тем более для Иоро-Алазанского бассейна, и считал южной границей их распространения р. Куру. Однако до последнего времени мечи IV_1 группы не обнаружены в междуречье Иори и Куры. Основная же масса встречается к северу от р. Иори, и поэтому юго-западным рубежом ареала их распространения следует считать р. Иори. В Иорском бассейне мечи и кинжалы IV_1 группы не известны западнее сел. Ниноцминда. Западной их границей является линия, проходящая через Греми-Энисели-Ванта, за пределами которой бытует другое оружие, объединенное нами в IV_3 группу [37, табл. LXIX(245)].

Мечи и кинжалы этой группы отличаются небольшими размерами, своеобразными формами и орнаментацией и встречаются на определенной территории. Навершие рукоятей мечей и кинжалов этой группы может быть высоким, заостренным и низким, полукруглым. Все они украшены треугольниками. Суженная в средней части рукоятка, как правило, богато орнаментирована (рельефные спирали, плетеные линии, линии из точек, изображения пряжек с закрученными концами). Орнамент всегда наносится по одной схеме в процессе отливки меча. Плечики украшены выгравированными спиралями. Клинки у мечей обычно короткие и заканчиваются утолщением. Поверхность клинка обильно украшена гравировкой в виде взаимосвязанных спиралей, параллельных и волнистых линий, стилизованных изображений оленей. На конце клинка, как правило, имеется елочный орнамент.

До последнего времени мечи этой группы не были известны в комплексах, поэтому приходилось довольствоваться весьма условной датировкой. В частности, учитывая некоторые соображения, мы полагали, что они бытуют примерно в XI—VIII вв. до н. э. В настоящее время мы можем датировать их более точно. Такую возможность дают комплексы четырех погребений, раскопанных в 1966 г. в с. Тетрицклеби (60), и комплексы двух погребений, раскопанных в 1967 г. в Кварелцкали. Здесь были обнаружены мечи и кинжалы IV_3 группы.

В погребениях Кварелцкали обнаружены только бронзовые предметы. В Тетрицклеби, наряду с ними, в погребении № 1 оказалось три фрагмента железных изделий (нож, наконечник копья), а в погребении № 4 на рукояти бронзового меча сохранились следы ржавчины. Все это означает, что рассматриваемые комплексы относятся к периоду, когда железо еще не имело широкого распространения, т. е. к периоду раннего железа. Как указывает Р. М. Абрамишвили, железо на Самтаврском могильнике уже довольно часто встречается в XI—X вв. до н. э., но широкое его освоение началось не ранее IX в. до н. э. В это время появляется оружие с железным клинком и бронзовой рукояткой, а в погребениях железные предметы уже преобладают. Позднее Р. М. Абрамишвили несколько уточнил свою датировку и первую ступень широкого освоения железа отнес ко второй половине X—IX вв. до н. э. Однако он не распространил эту дату на другие территории и продолжает считать, что в северных и восточных

районах Восточной Грузии широкое освоение железа началось позднее. Причину этого он видит в недостаточном количестве железорудных месторождений в этих местах.

На наш взгляд, подобная аргументация несостоятельна, ведь железнорудные месторождения не обнаружены до сих пор и в окрестностях Мцхета[75], однако автор предлагает сравнительно раннюю дату именно для этой территории. Во всяком случае, такой аргумент не объясняет причин позднего освоения железа на территории распространения мечей IV_3 группы, так как именно здесь имеется месторождение железа (Панкисское ущелье).

При исследовании данного вопроса необходимо учитывать и то, что западная часть территории распространения мечей IV_3 группы непосредственно граничит с территорией распространения материалов Шида Картли, а это также ставит под сомнение большой хронологический перерыв в процессе освоения железа. В Самтаврском могильнике, например, обнаружен железный меч с бронзовой, дублированной рукояткой (погребение № 70), орнаментированный точно так же, как и рукоятки мечей IV_3 группы, обнаруженных в погребениях Тетрицклеби и Кварелцкали. Р. М. Абрамишвили датирует меч из погребения № 70 IX—VIII вв. до н. э. Естественно предположить, что и меч того же типа, изготовленный из бронзы (IV_3 группа), должен опережать мечи с железным клинком, и дата его должна соответствовать дате бронзовых мечей Самтаврского могильника, т. е. XI—X вв. до н. э. Примечательно, что и количественное соотношение железных и бронзовых предметов в погребениях Самтавро и Тетрицклеби, содержащих бронзовые мечи, одинаково. Таким образом, у нас нет никаких оснований считать мечи IV_3 группы более поздними, чем самтаврские бронзовые мечи.

Мечи и кинжалы IV_3 группы распространены преимущественно на территории верхнего течения р. Иори и Алазани, а также в ущ. р. Пшавис (Пшавская) Арагви (Телавский, Ахметский и Душетский районы). Ареал распространения оружия этой группы очерчивается следующим образом: в Шида Кахети — к западу от линии Греми-Энисели-Ванта до Кахетского хребта, а в его северной части — до р. Арагви (или до Гудамакарского хребта). Для территории к западу от Кахетского хребта и частично к югу от верхнего течения р. Иори характерно оружие других форм и орнаментации, которые мы объединяем в IV_2 группу.

Бронзовые мечи IV_2 группы [37, табл. LXIX(264)] обычно отличаются большими размерами. Очертаниями и пропорциями они в основном повторяют мечи первой группы. Навершие рукоятки обычно низкое, полукруглое в профиле и украшено резными треугольниками. Шейка рукоятки сужена к середине, но расширяется к навершию и украшена так же, как и шейка мечей IV_1 группы с добавлением рельефных пунктирных полукруглых линий, соединяющих верхнюю и нижнюю часть вертикальных линий. Такой орнамент на шейке рукоятки обязательно сопровождается орнаментом определенной системы на клинке (гравированные взаимосвязанные спирали, взаимопересекающиеся линии, изображения стилизованных зверей и т. д.).

---

[75] Хотя в окрестностях г. Каспи известно незначительное месторождение бурого железняка, этот факт, на наш взгляд, не может служить основанием для утверждения об особенном развитии в этой области железной металлургии.

венно изменяется в конце II тыс. до н. э., когда в Шида Картли исчезает кинжал с листовидным клинком и распространяются кинжалы и мечи, развившиеся на базе ранних типов кахетского оружия.

В это же время на территории Шида Картли особенно заметны элементы Западногрузинской археологической культуры, число которых со временем постепенно увеличивается.

Примечательно, что характерные для Шида Картли материалы рубежа II—I тыс. до н. э. распространяются на той же территории и в тех же границах, что и предшествующие им более ранние материалы. Этим еще раз подчеркивается, что памятники Шида Картли в течение длительного времени сохраняют свою индивидуальность сначала как независимой культуры, а впоследствии как локальный вариант т. н. Восточногрузинской культуры.

Локальными вариантами этой культуры рубежа II—I тыс. до н. э. нужно считать очаг Шида Картли и три отдельных очага материальной культуры в пределах Иоро-Алазанского бассейна. Об этом свидетельствует боевое оружие (кинжал, меч), созданное на базе «кахетской» культуры (I—III подтип кахетских кинжалов), характерное для всех локальных вариантов, а также ряд своеобразных элементов (керамика, оружие, украшения) этой культуры, свойственных каждому из них.

Итак, на основании изучения материальной культуры Восточной Грузии, на территории которой на второй ступени эпохи поздней бронзы выделяются две родственные археологические культуры (в Шида Картли и Иоро-Алазанском бассейне), на рубеже II—I тыс. до н. э. можно предполагать существование уже одной археологической культуры с четырьмя локальными вариантами. Таким образом, в процессе создания одной культуры происходит, как мы видим, и обратный процесс — выделяются локальные варианты, распространенные на определенной территории и характеризующиеся своеобразными формами оружия.

С точки зрения социального развития общества, процесс консолидации и выделения локальных вариантов материальной культуры следует связывать с созданием единого политического объединения родственных племен, в недрах которого происходит стабилизация отдельных этнических групп. Для этого, естественно, необходимо установить этническую принадлежность данных племен, что, однако, было бы весьма затруднительным без использования письменных источников[76].

Известно, что существующие древневосточные письменные источники не содержат сведений о племенах Восточной Грузии этого времени. Источники же греко-римского происхождения содержат описание событий более позднего времени. Одним из источников по древней истории Грузии является «История царей» Леонти Мровели (XI в.), в первой и второй частях которой («Повесть о восьми бра-

---

[76] Мы прекрасно понимаем, что при определении этнической принадлежности той или иной общественной группы необходимо оперировать комплексом материалов (языковых, антропологических и археологических). Однако несмотря на то, что мы не располагаем всеми перечисленными данными, более или менее правильные выводы по этому вопросу сделать все же можно, т. к. правильное сочетание данных материальной культуры с письменными источниками позволит приблизиться к верному решению вопроса.

тьях») сделана попытка выяснить происхождение и территорию первоначального расселения грузинского народа.

Автор начинает повествование с библейского персонажа — Таргамоса, который якобы разделил принадлежавшую ему страну между восемью своими сыновьями: Хаосом (ჰაოსი), Картлосом, Бардосом, Моваканом, Леком, Эросом (ჰეროსი), Кавкасосом и Эгросом.

Для нас имеют значение только те сообщения Леонти Мровели, в которых речь идет о распределении территории Восточной Грузии и ее границах, поэтому в дальнейшем будем приводить лишь имеющие отношение к этим вопросам выдержки. О территории полученной Картлосом страны Леонти Мровели сообщает следующее: «Дал **Картлосу** и определил границы: с востока Эрети и река Бердуджи, с запада море Понтийское, с юга гора, которая тянется вдоль истоков реки Бердуджи, и гора, которая тянется на запад и воды которой, стекая на север, вливаются в Куру, гора, которая тянется между Кларджети и Тао до моря, с севера же Гадо (ლადო), малая гора, которая выдается ветвью Кавказа (Кавказского хребта — К. П.) и конец которой ныне именуется Лихи, и все лежащее в этих границах дал Картлосу» [292, с. 4—5].

Территория, полученная Эросом, примыкает с востока к стране Картлоса и очерчивается следующим образом: «**Эросу** же дал страну к северу от Куры, от места слияния с ней Малого Алазани (Иори — К. П.) до Ткетба, которая ныне именуется — Гулгула» [292, с. 5].

Далее Леонти Мровели повествует, что после смерти Картлоса его страна была поделена между пятью его сыновьями: Мцхетосом, Кахосом, Гардабосом, Кухосом и Гачиосом — «Дал Гардабосу Хунани и определил границы: с востока река Бердуджи, с запада — город Гачиани, и с юга гора, ранее упомянутая, и с севера Кура.

А Гачиосу дал Орбисцихе и от реки Сквирети (Машавера — К. П.), включая Абоци, и Гачиос построил город Гачиани, который тогда назывался Санадиро калаки.

Кухосу же дал Бостанкалаки, который сейчас называется Рустави, дал от Арагви до Эрети до (.....) слияния, между Кахетской горой (хребтом — К. П.) и Курой.

А **Кахосу** же дал между Кавказом и Кахетской горой (хребтом — К. П.) от Арагви до Ткетба, которая является границей Эрети...

А Мцхетос, который был величайшим героем (უგმირე) среди своих братьев, остался там, где жил их отец Картлос, которое сейчас называется Армази. И он же построил на месте слияния Куры и Арагви город, который назвал именем своим — Мцхета и покорил страну к западу от Тбилиси и Арагви до моря Спери» [292, с. 8—9].

Затем Мцхетос тоже разделил свою страну между сыновьями: «Среди сыновей Мцхетоса появилось три выдающихся героя, имена которых: Уплос, Одзрхос и Джавахос. Разделил он им всю страну и народ.

Одзрхосу отдал (страну) от Тасискари до Сперского моря, страну скалистую. И этот Одзрхос выстроил два города — крепости Одзрхе и Тухариси.

А **Джавахосу** отдал (страну) от Панавры до истоков Куры. И этот Джавахос выстроил два города-крепости Цунда и Артани, который назывался в то время Каджта калаки, а ныне называется Хури.

Уплос остался во владении своего отца Мцхетоса в Мцхета. И имел он страну от Арагви и Тбилиси до Тасискари и Панаври. И этот Уплос выстроил Уплисцихе, Урбниси, Каспи и (страну) эту от

Арагви и Армази до Тасискари называл верхней страной, которая сейчас называется Шида Картли» [292, с. 9—10].

Далее описывается нашествие хазар, которые прошли по проходам Дарубанди (Дербенд) и Дариали; установление гегемонии персов; поход Александра Македонского, а затем перечислено 24 царя до христианизации Картли (IV в.) [292, с. 11—71].

Вахушти почти без изменения переносит в свою Географию эти сведения [293, с. 86]. Но уже в прошлом веке специалисты по-разному проявляли свое отношение к труду Леонти Мровели [151, с. 32, 33 и др.]. Например, М. Броссе, Сен-Мартен и др. придавали ему большое значение, грузинские историки М. Джанашвили и Д. Бакрадзе также широко использовали эту работу в своих исследованиях, тогда как К. Патканов считал всю первую часть «Картлис Цховреба» преднамеренным вымыслом одного человека (за такое отношение к историческому источнику К. Патканова критиковал Д. Бакрадзе). Часть исследователей последующего времени также весьма скептически относилась к интересующей нас части труда Леонти Мровели.

По мнению И. А. Джавахишвили, источники, которыми пользовался Леонти Мровели, не имеют никакой исторической ценности, поэтому их невозможно использовать для воссоздания истории грузинского народа [294, с. 183]. Правда, здесь же он отмечает, что «сочинение Леонти Мровели имеет большое значение для изучения исторической географии Грузии. Для изучения этого вопроса в нем находятся драгоценные сведения, и нет сомнений в том, что Леонти Мровели при определении границ разных грузинских общин (теми) и княжеств (самтавро) использовал какой-то древнегрузинский источник» [294, с. 183].

Недоверчиво относится к первой части сочинения Леонти Мровели и К. С. Кекелидзе. По его мнению, «Леонти — это поэт-историк. Историческое значение его сочинения весьма незначительно, оно больше заслуживает внимания как литературное произведение, сохранившее для нас древнейшие образцы народного эпоса» [295, с. 56]. Однако в той же работе К. С. Кекелидзе отмечает, что, безусловно, при написании первой части своего сочинения Леонти Мровели пользовался каким-то древним историческим произведением, содержащим сведения о языческом периоде Грузии [295, с. 54].

На основании новых эпиграфических материалов Г. В. Церетели полагает, что следует пересмотреть скептические высказывания некоторых авторов по адресу тех источников Леонти Мровели, которые отображают эпоху до похода Александра Македонского [296, с. 69—70].

Г. А. Меликишвили уверен, что та часть сочинения Леонти Мровели, в которой говорится о происхождении грузин, не имеет никакого исторического значения. Однако исследователь придает большое значение другим отрывкам, где речь идет о границах владений упомянутых родоначальников, так как, по его мнению, «они (границы — К. П.), несомненно, отражают историческую обстановку определенной эпохи (другой вопрос — какой именно) и заслуживают пристального внимания» [151, с. 34]. Предметом отдельного исследования, как полагает Г. А. Меликишвили, должны стать и историко-географические сведения, сообщаемые источником при описании земель непосредственных потомков Картлоса [151, с. 34].

Л. А. Чилашвили также считает убедительными историко-географические сведения Леонти Мровели и, после уточнения некоторых

мест, проводит пограничную полосу Кухети и Кухети-Эрети. Он считает, что появление такого деления, объединение в «хеви», произошло на территории Восточной Грузии еще в условиях родового строя, и поэтому датирует его временем, предшествующим IV в. до н. э. По его мнению, деление в условиях классового общества произошло на основании ранних традиций, в связи с чем сохранились древние этнородовые имена: Кахос — Ках-ети, Кухос — Кух-ети и т. д. [303, с. 5—14, 19 и карта].

В последнее время вопроса о значении сочинения Леонти Мровели как исторического источника коснулась М. Д. Лордкипанидзе. Подобно другим авторам, она усматривает в этом сочинении «слой более ранних произведений». По ее мнению, «...уже не может вызывать споров факт существования грузинской дохристианской исторической литературы. Повесть о древней Грузии, данная в «Мокцеваи Картлисаи» («Обращение Картли» (в христианство — К. П.) или в сочинении Леонти Мровели, должна свидетельствовать о том, что во времена деятельности этих авторов еще сохранялись сведения о той древней эпохе». Она же предполагает, что на ранней ступени христианства еще существовала хотя бы часть этих древних источников [297, с. 8, 10, 11].

По мнению Н. А. Бердзенишвили, «Иберия еще в дохристианскую пору располагала знанием последовательного изложения своего политического прошлого» [298, с. 161].

Использование Леонти Мровели древних сведений о географических границах убедительно доказал Д. Л. Мусхелишвили. По его предположению, границы Кахети, Кухети и Эрети ко времени написания сочинения уже существенно изменились. Кухети существует до VIII в., после этого входит в состав Кахети и перестает быть политической единицей. Следовательно, в сочинении Леонти Мровели описаны не современные ему, а древние границы этих областей.

В XI веке продолжает существовать Кахет-Эрети, однако его территория существенно отличается от описываемой Леонти Мровели. Уже в IX веке граница между Картли и Кахети проходила по р. Ксани. По крайней мере, с VI—VII вв., если не ранее, северо-западная часть древнего Эрети уже называется Кахети [299, с. 57, 70, 71, 111, 114, карта № 1, № 2]. Таким образом, Д. Л. Мусхелишвили пришел к выводу, что у Леонти Мровели даны границы Кахети и Эрети IV—III вв. до н. э. [300, с. 5—38 и карта].

Итак, большинством исследователей признается, что часть сообщений Леонти Мровели о прошлом грузинского народа безусловно опирается на более древние, дохристианские источники и поэтому может считаться достоверной. Такого отношения заслуживают, в частности, сведения историко-географического характера. В нашу задачу не входит выяснение вопроса о времени тех источников, которыми пользовался Леонти Мровели при описании древнейшего периода истории Грузии, однако отметим, что с хронологической точки зрения, данная им начальная история Грузии выглядит достоверно. В частности, после описания раздела территории сначала говорится о нашествии хазар, потом об установлении гегемонии персов, о походах Александра Македонского и в заключение перечисляются имена 24-х царей, правивших до принятия Грузией христианства. Следовательно, Леонти Мровели считает, что членение Грузии и, в частности, земель, принадлежащих Картлосу, произошло раньше, чем перечисленные им события. Действительно, если допустить, что Леонти Мрове-

ли ошибается, когда вместо скифов называет хазар[77], можно увидеть точную хронологическую последовательность описываемых им событий: после повествования о членении Грузии речь идет о нашествии скифов (VII—VI вв. до н. э.); затем об ахеменидской Персии (558—330 гг. до н. э.), далее об Александре Македонском (336—328 гг. царствования) и в конце дается перечисление 24-х царей, правивших Иберией до принятия ею христианства (IV в.). Таким образом, в повествовании Леонти Мровели все становится на свои места.

Если все так, как мы предполагаем, то деление территории, принадлежавшей Картлосу, должно относиться если не к концу II тысячелетия, то не позднее начала первого тысячелетия до н. э. Правильность такого предположения подтверждается выводами, полученными на основании абсолютно конкретных археологических материалов и их сопоставления с сообщениями Леонти Мровели. Прежде всего, необходимо обратить внимание на тот факт, что указанные Леонтием Мровели границы Кахети, Кухети и Эрети, которые он считает древнейшими, а Д. Л. Мусхелишвили относит к IV—III вв. до н. э., а также границы страны, доставшейся Уплосу, полностью совпали с границами локальных вариантов археологической культуры Восточной Грузии рубежа II—I тыс. до н. э.

В данном случае, естественно, не имеет существенного значения, что иногда нет абсолютного совпадения границ и имеются незначительные отклонения. Самым важным является то, что на территории Иоро-Алазанского бассейна как в античную и раннефеодальную эпоху, так и на рубеже II—I тыс. до н. э. существовало одинаковое разделение племенных территорий[78], а это, в свою очередь, должно помочь в выяснении вопроса о сущности этнического деления, происшедшего на рубеже II—I тыс. до н. э. Установлено, что со второй половины II тыс. до н. э. на территории Восточной Грузии не наблюдается сильного влияния какой-либо другой культуры, способного приостановить ход мирного развития местной культуры. Очевидно, никакие нашествия не смогли уничтожить местную древнюю культуру и изменить установившиеся древние границы. Даже значительно позже, в раннефеодальное время (во всяком случае, до VIII в.) они остаются такими же, какими были в конце II и в I тыс. до н. э.

Все сказанное выше позволяет предполагать, что на этой территории с конца II тыс. до н. э. не произошло существенных изменений

---

[77] Ошибку Леонти Мровели при описании этого события (он определенно должен был говорить о нашествии скифов) отмечали еще Клапрот и Патканов. Эту мысль разделяет и Г. А. Меликишвили [151, с. 35, 37]. Так же думает и О. Д. Лордкипанидзе, который полагает, что в первой части сочинения Леонти Мровели повествуется о событиях, во всяком случае, предшествующих VII в. до н. э. [301, с. 804—805].

[78] Факты совпадения границ распространения археологических культур или их вариантов и расселения довольно поздних этнических групп, по материалам Северного Кавказа, давно были замечены А. А. Иессеном и Б. А. Крупновым. Они этому факту придавали решающее значение при решении проблемы этнической сути археологических культур [325, с. 124; 18, с. 85].

Такие же выводы получены А. А. Спицыным, т. к. границы распространения выделенных им материальных культур совпали со сведениями летописи о расселении славянских племен — вятичей, радимичей и т. д. [326].

в границах расселения местных земледельческих племен и их этнического состава. Таким образом, у нас есть все основания связать отдельные этнические группировки Восточной Грузии с локальными группами материальной культуры эпохи поздней бронзы.

Итак, мы можем рассматривать историю Восточной Грузии в непрерывном развитии, начиная со второй половины II тыс. до н. э. и, наряду с этим, выделять выявленные здесь археологические культуры не в рамках географических границ, а в связи с определенными этническими группами, имеющими уже соответствующие конкретные названия.

На основании всего этого можно утверждать, что «...уже с середины II тыс. до н. э. население Кавказа, в частности Закавказья, имело в основном тот же этнический состав, что и впоследствии» [205, с. 103].

В настоящее время еще не до конца выяснен вопрос об этнической принадлежности эров, которых некоторые исследователи считают албанским племенем. Во всяком случае, нельзя не учитывать, что судя по материальной культуре рубежа II—I тыс. до н. э. распространенные на территории Эрети оружие и другие характерные предметы связаны общим происхождением с находками из Кахети, Кухети и Шида Картли и имеют уже гораздо больше сходства с ними, чем с материалами, встречающимися к югу от Эрети и развивающимися на совершенно иной основе.

Безусловно, единство или сходство материальных культур не всегда означает этнического единства, но все-таки оно указывает скорее на этническую общность, чем на различия. В настоящее время мы располагаем и другими материалами, позволяющими говорить о связи этнических групп с вариантами материальных культур Восточной Грузии эпохи поздней бронзы.

В частности, уже выявлены памятники второй половины I тыс. до н. э. и начала I тыс. н. э. (материальная культура которых принадлежит вполне определенным этническим группам), имеющие генетическую связь с материальной культурой Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа. А это подтверждает предположение о почти неизменном этническом составе населения края и непрерывности его исторического развития, начиная с эпохи поздней бронзы [205, с. 102]. При изучении этой неразработанной проблемы мы в первую очередь обращаем внимание на археологические материалы Восточной Грузии второй половины I тыс. до н. э. и начала I тыс. н. э., которые должны послужить основанием для установления генетической связи памятников этого времени с местной материальной культурой предшествующего периода [по этому вопросу см. 327]. Наибольшее значение в этом отношении имеют итоги изучения керамики, обнаруженной на поселении «Ховлегора», имевшем восемь различных горизонтов [348]. Как полагает Д. Л. Мусхелишвили, на этом поселении в течение целого тысячелетия проживало одно и то же население. Основанием для этого предположения явилась почти полная неизменяемость глиняных изделий в VIII—II горизонтах поселения, верхний рубеж которых доходит до IV в. до н. э. В течение всего этого периода здесь бытовали глиняные сосуды сходных форм с черной, серой и каштановой лощеной поверхностью, черепок которых в изломе обычно мелкозернистый, с примесью песка. Формы сосудов во всех горизонтах в основном отличаются последовательностью, а орнаментация — сходством. Во всех слоях встречаются сосуды, имеющие ушки с роговидными высту-

нами, украшенные лучевыми (радиальными) лощеными линиями, направленными книзу, или сетчатым лощеным орнаментом и т. д. [348].

Однако наряду с этим, Д. Л. Мусхелишвили отмечает, что в конце последнего периода IV горизонта, относящегося примерно к концу VII в. до н. э., появляется красноглиняная керамика. В III горизонте (VI в. до н. э.) красноглиняная керамика количественно выравнивается с темно-серыми сосудами, от которых она явно отличается, причем не только по технике изготовления (глина, как правило очищена, а обжиг равномерный и полный), но и формами (появляются кувшины с трехлепестковым венчиком воронки и др.) и обработкой поверхности. В противовес глиняной посуде черного цвета, красноглиняная посуда почти всегда лишена орнамента.

По наблюдениям автора, во втором слое (V в. до н. э.) черная керамика продолжает свое существование, но преобладает уже красноглиняная керамика [348].

Таким образом, на примере поселения «Ховлегора» Д. Л. Мусхелишвили подтверждает существование в Шида Картли непрерывного развития керамического производства вплоть до V в. до н. э.[79]. Однако параллельно с местной с конца VII в. и, главным образом, с VI в. до н. э. начинает появляться чужеродная красноглиняная керамика из чистой глины, покрытая красным ангобом и сильно отличающаяся от местных изделий.

Распространение в Восточной Грузии красноглиняных сосудов некоторые исследователи связывают с эллинизацией страны [331, с. 123]. Однако другие авторы справедливо отрицают это [332, с. 16—19; 333, с. 32; 334, с. 102], хотя и опираются на неверные данные, считая кувшины с трехлепестковым венчиком продолжением местной керамики. В действительности такие сосуды не имеют здесь прототипов. Неправильной представляется нам и позиция Р. М. Рамишвили, который ищет местные корни Алазано-Ялойлутенинской культуры [169, с. 39]. Наиболее приемлемыми мы считаем взгляды тех исследователей, которые полагают, что появление этих материалов следует связывать с влиянием южных стран. В частности, Д. Л. Мусхелишвили отмечает два этапа проникновения в Ховле новых культурных потоков урартийской (VI в. до н. э.) и ахеменидской (V в. до н. э.) [348].

Первый поток, по мнению Д. Л. Мусхелишвили, был привнесен волной племен из Урарту, ибо разгром в конце VII в. до н. э. Урартского государства вызвал мощное передвижение племен. Появившаяся в Ховле красноглиняная керамика абсолютно идентична урартской как по технике обработки, так и по форме (квеври с рельефными поясами, кувшины с трехлепестковым венчиком, чаши с вогнутыми краями, отделка сосудов красным ангобом и др.).

Проникновение второго культурного потока в Шида Картли в V в. до н. э., как полагает Д. Л. Мусхелишвили, произошло в результате развития оживленных торговых связей с ахеменидским миром. Об этом свидетельствуют многочисленные находки из Ховле и вообще из Восточной Грузии (чайникообразные сосуды, Казбекский, Ахалгорийский клады и др.).

В связи с тем, что некоторая часть красноглиняной керамики

[79] По мнению Д. Л. Мусхелишвили, на непрерывное развитие материальной культуры Шида Картли указывает и то, что в VI—III слоях «Ховлегора» распространены печи для выпечки хлеба абсолютно одинаковой конструкции.

проявляет общее сходство с черно-бурой как в формах, так и в орнаментации, исследователи Ховле считают, что перелом в керамическом производстве (подразумевается распространение красноглиняной керамики) произошел в результате местного технического прогресса, который совпал с появлением здесь новых этнических элементов [335; 109, с. 8]. Однако в данном случае мы присоединяемся к мнению Ю. М. Гагошидзе, который утверждает, что появление в это время единичных экземпляров красноглиняных сосудов, подражающих формам и орнаментации местной керамики, нельзя считать результатом технического прогресса [334, с. 98—100].

В Восточной Грузии красноглиняная посуда не изготовлялась не потому, что это было недоступно местным гончарам, а потому, что вкусам населения отвечали традиционные черно-серые сосуды. Как известно, в эпоху бронзы даже сосудам светлого обжига с помощью задымления часто придавали черный цвет и даже лощили. Красноглиняная керамика появилась в Восточной Грузии еще в эпоху средней бронзы, однако широкого применения здесь не нашла. В кургане № 2 урочища Садуга, например, были обнаружены сосуды, изготовленные путем различного режима обжига, в результате чего на одном и том же сосуде варьируются светлые и темные тона. В конце концов, нельзя исключить и то, что в раннеантичное время в Восточной Грузии стала изготовляться посуда, подражавшая чужеродным красноглиняным образцам.

Появление в Восточной Грузии красноглиняной керамики Ю. М. Гагошидзе также объясняет урартским и ахеменидским влиянием, но, в отличие от Д. Л. Мусхелишвили, оба эти явления связывает с передвижением людских масс [336, с. 62, 68; 334, с. 101—102].

Таким образом, на основании изучения керамики Шида Картли получено два главных вывода: 1) местные керамические изделия этого времени генетически связаны с керамикой эпохи поздней бронзы и железа и 2) в этот период прослеживается влияние урартской и ахеменидской культур, о чем свидетельствует появление красноглиняной керамики.

Примерно то же можно сказать и о крайних восточных районах Восточной Грузии. В этом отношении наиболее интересный материал дает квемокедская металлургическая мастерская [37, табл. XVI—XX]. Большая часть обнаруженных здесь глиняных сосудов продолжает местные традиции. Эта керамика изготовлена в основном из глины с примесью мелкозернистого песка и отличается серым и каштановым цветом. Изредка поверхность закопчена, а форма в большинстве случаев подражает старым. Орнаментация этих сосудов также связана с древними традициями. Часто по краю сосуда проходит желобок, а на плечиках — косые короткие насечки. Корпус сосудов часто покрыт резными концентрическими линиями, его нижняя часть иногда украшена сеткой взаимопересекающихся вертикальных и горизонтальных линий, порой лощеных, а некоторые края донышек сосудов орнаментированы косыми насечками. Все это генетически связывает данные материалы с памятниками Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа и подчеркивает непрерывность развития материальной культуры. Однако среди материалов Квемо Кеди имеется и красноглиняная посуда, не уступающая количественно вышеописанной.

В связи с тем, что для Восточной Грузии эпохи поздней бронзы и железа до VII в. до н. э. включительно особенно характерна кера-

мика черного и серого обжига, резкое изменение в технике изготовления керамики Квемо Кеди, проявившееся в количественном росте красноглиняной посуды, следует объяснить каким-то внешним влиянием. В красноглиняной керамике, обнаруженной в Квемо Кеди, органически слиты местные и чужеродные элементы. Например, края донышек сосудов украшены косыми насечками, нижняя часть корпуса покрыта резным шахматным орнаментом. В тесте красноглиняных сосудов заметна примесь песка, характерная для местной керамики, хотя в это же время появляются новые формы сосудов: широкодонные с широким корпусом сосуды типа лутериев; со сливным желобком, кувшины с трехлепестковым венчиком; квеври, украшенные рельефными поясками, и др. Распространяются и новые виды орнамента, например, лепные мелкие шишечки, крестообразно расположенные на ушках сосудов. На этой же посуде впервые в Восточной Грузии появляются различные клейма, которые, очевидно, представляли собой знаки ремесленников.

Один из красноглиняных сосудов, обнаруженных в Квемо Кеди, дает возможность установить примерную дату памятника и, наряду с этим, источник происхождения этого типа керамики. Мы имеем в виду изготовленную из чистой глины пиалу, покрытую красным ангобом и украшенную радиально расположенными выпуклыми валиками. Аналогичные пиалы встречаются в большом количестве в ахеменидском мире и датируются примерно VI—V вв. до н. э. [336, с. 71, 72—74]. Точно такой же сосуд хранится в Сигнахском краеведческом музее, однако место его находки неизвестно.

Разумеется, приведенных фактов еще недостаточно для получения окончательных выводов, однако появление в этой части Восточной Грузии в VI—V вв. до н. э. красноглиняной керамики следует объяснять, вероятнее всего, ахеменидским влиянием.

Из материала Восточной Грузии последующего периода мы выделяем определенную группу, генетически тесно связанную с предыдущими культурами.

Эллинистическая эпоха в Восточной Грузии и, в частности, керамика этого времени пока еще недостаточно изучены. На территории Кахети до последнего времени вообще не были обнаружены памятники второй половины I тыс. до н. э. Материалы рубежа первых тысячелетий в восточных районах этого края довольно многочисленны и известны в литературе под именем Ялойлутепинской культуры. В настоящее время предпринимаются попытки объявить эту культуру местной и дать ей новое наименование, что, на наш взгляд, совершенно неверно. Все эти материалы привнесены на территорию Восточной Грузии, и поэтому нельзя давать ей название, в котором заключается мысль о ее местном содержании. Это подтверждается и другими доказательствами.

1. Одним из главных свидетельств в пользу нашего предположения являются границы распространения Ялойлутепинской культуры, характерной для большей части современного Азербайджана и сравнительно компактно встречающейся лишь в крайне восточных районах нижнего течения Иори и Алазани [337; 338; 339; 340]. На территории среднего течения этих рек количество памятников этой культуры значительно меньше, а в восточной части Шида Картли встречаются лишь отдельные элементы данной культуры[80].

[80] В некоторых специальных исследованиях [340, 169] и опирающихся на них обоб-

Таким образом, на основании изучения территории распространения Ялойлутепинской культуры можно говорить о ее восточном происхождении, хотя это еще не утверждает ее неместное происхождение на территории Иоро-Алазанского бассейна.

2. Ялойлутепинская культура, по нашему мнению, генетически не связана с местной. В частности, в Иоро-Алазанском бассейне до настоящего времени не известен ни один памятник, который датировался бы временем, более ранним, чем I в. до н. э. и имел бы какие-нибудь признаки керамики Ялойлутепинской культуры. Сосуды с трехлепестковым венчиком появляются здесь лишь на рубеже первых тысячелетий вместе с другими материалами этой культуры и продолжают свое существование в последующие века, по-видимому, под влиянием ее традиций. Памятники собственно Ялойлутепинской культуры распространены на территории Восточной Грузии лишь в I в. до н. э. и в I в. н. э. Ни раньше, ни позже подобные материалы здесь не встречаются. Красноглиняная же посуда с трехлепестковым венчиком, распространенная в Шида Картли и Квемо Картли с середины I тыс. до н. э., появляется, как известно, под влиянием южных культур и не имеет ничего общего, с Ялойлутепинской культурой [109, с. 8; 336, с. 67—68; 334, с. 100—103].

В связи с этим мы не можем согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что Ялойлутепинская культура якобы была связана с местной древней культурой [12, с. 5] и, в частности, представляла собой последний этап существовавшей в Восточной Грузии культуры V—I вв. до н. э. Неправ, на наш взгляд, Р. М. Рамишвили, утверждающий, что в Восточной Грузии существуют сравнительно ранние слои Ялойлутепинской культуры [169, с. 39; 39, с. 272]. Прототипы Ялойлутепинской культуры, как указывал Г. К. Ниорадзе, следует искать в материалах северного Ирана, а не в недрах местных культур (340). Поэтому нельзя давать ей местные наименования, такие как, например, культура «Алазанской долины» или «Эретская» [340, с. 94; 341, с. 101; 169, с. 39—41], тем более, что на этой территории действительно существовала местная материальная культура, которой эти наименования больше подходят.

3. Одним из важнейших свидетельств против местного происхождения Ялойлутепинской культуры является все же то, что для территории Восточной Грузии как в эллинистическую эпоху, так и в первые века н. э. характерна абсолютно отличная от нее местная материальная культура, которая, судя по керамическим материалам, генетически связана с культурой предшествующего времени — эпохи поздней бронзы и железа [327]. Весьма существенно, что в местной глиняной посуде Восточной Грузии этого времени заметны традиции материалов эпохи бронзы и железа. Эта керамика подразделяется на две большие группы: 1) на территории Иоро-Алазанского бассейна, 2) в Шида Картли.

щающих работах [39, с. 272] границы Ялойлутепинской культуры перенесены далеко на запад и включают в себя восточные районы Шида Картли. В действительности же в верхнем течении Алазани встречаются единичные изделия, характерные для этой культуры: сосуды с носиком-цедилкой, тарелки на высоких ножках и др., а на указанной территории Шида Картли не встречаются вообще. Мы считаем неприемлемым передвижение границ этой культуры так далеко на запад, на основании находок в Шида Картли таких сосудов, которые лишь подражают ялойлутепинским.

Характерная для Иоро-Алазанского бассейна посуда изготовлена из хорошо отмученной глины, обычно хорошо обожжена и отличается красноватым, желтоватым или зеленоватым цветом. Встречаются узкогорлые сосуды с широким туловом, широким, плоским днищем. Венчик в большинстве случаев круглый. В поздних экземплярах (первые века н. э.) встречаются сосуды с трехлепестковым венчиком. Большая часть сосудов расписана, корпус покрыт параллельными концентрическими линиями, нанесенными белым ангобом. Вокруг плечиков или по нижней части горлышка расположены короткие косые насечки. В нескольких случаях донышки украшены резной спиралью (с. Шрома, бывш. Вачнадзнани). Форма и роспись эллинистических сосудов утончены и симметричны, тогда как сосуды первых веков н. э. изготовлены и расписаны довольно небрежно.

Итак, несмотря на то, что формы и черепок глиняных изделий этого времени значительно изменяются, их орнамент почти полностью повторяет характерные черты орнаментации глиняной посуды Иоро-Алазанского бассейна эпохи поздней бронзы и железа [215]. Лишь прием нанесения орнамента несколько иной, в частности, если в ранний период концентрические линии были резными, то теперь их наносят краской, хотя на поверхности последних также хорошо прослеживаются концентрические линии, являющиеся следами вращения гончарного круга. Неизменной остается техника нанесения и характер орнамента на плечиках и краях донышек сосудов.

Таким образом, сходство орнаментации глиняных сосудов позволяет предполагать на территории Иоро-Алазанского бассейна непрерывное развитие материальной культуры не только с эпохи поздней бронзы и железа до рубежа первых тысячелетий, но, как увидим ниже, до III—IV вв. н. э. Совершенно очевидно, что приведенная аргументация еще не достаточна для окончательного решения поставленной проблемы. Тем не менее, некоторые основания для подобных выводов у нас все же есть.

Установление даты и ареала распространения указанной керамики связано с еще одним значительным вопросом: какая археологическая культура Иоро-Алазанского бассейна может быть принята за культуру эров и должна быть названа именем этой этнической группы?

Упомянутые керамические изделия обнаружены пока что в нескольких пунктах, тем не менее, большая их часть, судя по местам находок и их количеству, концентрируется в Иоро-Алазанском бассейне [см. 37, с. 203—205]. (Коготос хеви, с. Карагаджи, с. Шрома (Вачнадзнани), с. Новая Ульяновка, Цинандали, Шираки, «Садуги гора», с. Сакобо (Лагодехский район), Миларская степь, Дидубе и др.). Аналогичные сосуды обнаружены и в Шида Картли. Здесь они встречаются вместе с расписной красной керамикой. Однако рассматриваемые сосуды с белым ангобом уступают местным, но несмотря на это, хорошо датируются и на них следует остановиться подробнее.

Этот тип керамики обнаружен Ю. М. Гагошидзе в Самадло (здесь он засвидетельствован лишь в эллинистических слоях). Автор считает [343, с. 46], что такая посуда поступала сюда из какого-то производственного центра Кахети[81]. По наблюдению Д. А. Хахутаншвили,

[81] Интересно, что указанная керамика встречается на территории Шида Картли лишь в эллинистическую эпоху, хотя в Кахети она до первых веков остается наиболее харак-

такая керамика, обнаруженная в стратифицированных слоях поселений Уплисцихе и Бамбеби, датируется III—II вв. до н. э. [110, с. 28—29] и в Урбниси ее также считают импортированной из Кахети [343, с. 46].

Итак, рассмотренные материалы позволяют заметить, что:

а) керамика с белым ангобом бытует, по-видимому, с IV в. до н. э. до IV в. н. э.;

б) схема орнаментации этих сосудов повторяет схему украшения местной посуды эпохи поздней бронзы и железа, различия заметны лишь в технике нанесения орнамента.

Таким образом, несмотря на то, что сосуды эллинистической и позднеантичной эпохи по форме и технике обработки черепка отличаются от сосудов эпохи поздней бронзы и железа, генетическая связь между ними отчетливо проявляется в орнаментации, что дает нам право сделать предварительный вывод о непрерывности развития материальной культуры на территории Иоро-Алазанского бассейна, начиная с XV в. до н. э. вплоть до IV в. н. э. Если же учесть и существование генетической связи между культурами эпох средней и поздней бронзы, а также связь между памятниками эпохи ранней и средней бронзы, то можно с полным основанием говорить о непрерывном развитии материальной культуры, начиная с эпохи ранней бронзы;

в) сосуды с белым ангобом распространены на строго ограниченной территории. Они ни разу не обнаружены восточнее слияния Алазани с Курой [344; 345; 346] (т. е. на классической территории т. н. Ялойлутепинской культуры), южнее р. Иори и севернее Кавказского хребта. Следовательно, подобные сосуды характерны лишь для центральной и восточной частей Иоро-Алазанского бассейна, культура которых генетически связывается с предшествующими местными культурами, распространенными в пределах указанного бассейна (согласно древнегрузинской письменной исторической традиции, этот район считался территорией Эрети). Поэтому сосуды с белым ангобом мы считаем местными и характерными для культуры Иоро-Алазанского бассейна. Именно с ней, а не с Ялойлутепинской культурой, по-видимому, следует связывать племя эров.

Древние традиции гончарного ремесла, очевидно, сохраняются и в Шида Картли. На основании изучения керамики Ховлегора Д. Л. Мусхелишвили бесспорно доказал ее постепенное развитие, начиная с эпохи поздней бронзы до IV в. до н. э. [288]. Об этом же свидетельствуют и материалы, обнаруженные Д. А. Хахутанишвили на поселении Бамбеби. По его мнению, материалы эллинистической эпохи, обнаруженные в Уплисцихе, как будто продолжают те основные традиции центрально-иберийских керамических изделий, которые так прекрасно представлены в IV в. до н. э. на поселении Ховлегора [110, с. 42]. Если в эллинистическую эпоху керамику Иоро-Алазанского бас-

---

терным элементов местной материальной культуры (Вачнадзиани-Шалуаант ахоэби, Когото) и продолжает бытовать после исчезновения последней. Таким образом, следует предполагать, что экспорт эретской керамики в Шида Картли осуществлялся в эллинистическую эпоху, когда у эров была развита самостоятельная торговля. С другой стороны, в Кахети в это время появляется характерная для Шида Картли керамика с красной росписью. После того же, как на территории Эрети начинает господствовать т. н. Ялойлутепинская культура, в Картли уже наблюдаются признаки ее влияния, а элементы чисто эретской культуры исчезают.

сейна характеризует роспись белым ангобом, то шидакартлийская керамика этого времени расписана красной краской, а орнамент носит общий для всей территории характер (радиальные или параллельные полосы с заключенными между ними точками или волнистой линией). Существенно, что лощеные радиальные линии характерны для керамики Шида Картли со второй половины II тыс. до н. э.

На непрерывное развитие материальной культуры Шида Картли указывает и существование ховлийских печей, начиная с эпохи поздней бронзы вплоть до эллинистической эпохи. В течение всего этого времени они не претерпевают конструктивных изменений и распространены по всей территории Шида Картли [79, табл. $IV_{1,2}$; 145, с. 9; 110, с. 26; 347; 335, с. 20].

Таким образом, керамика Шида Картли и Кахети в первые века до н. э. (иногда и в первые века н. э.) явно продолжает древние традиции, что дает основание предполагать непрерывное развитие материальной культуры по всей этой территории, начиная с эпохи ранней бронзы, и поставить вопрос о соотнесении отдельных мелких материальных культур с этническими группами.

Резюмировать наши соображения можно следующим образом.

I. Новейшие археологические открытия в Восточной Грузии позволили выделить переходный этап между эпохами средней и поздней бронзы (памятники типа Байбурт, Бодбэ, Оле, Лило и др.), а часть материалов, относимых прежде к раннему этапу эпохи поздней бронзы, приурочить к более позднему времени (комплексы с бронзовыми листовидными клинками и с бронзовыми кинжалами и мечами с составной рукояткой).

Выделенный нами первый этап эпохи поздней бронзы надежно датируется второй половиной XIV—XIII вв. до н. э., поэтому комплексы с листовидными кинжальными клинками и синхронные им в Кахети комплексы с кинжалами и мечами с составной рукояткой нужно датировать, может быть, самым концом XIII в. до н. э. и XII в. до н. э.

II. В переходный период на всей территории Центрального Закавказья распространена в основном однообразная культура, которая фактически занимает ту же территорию, что и т. н. Триалетская культура эпохи средней бронзы. На этой же территории расположены памятники раннего этапа эпохи поздней бронзы, и только на второй ступени эпохи поздней бронзы (период бытования листовидных кинжальных клинков) на территории Восточной Грузии выделяются две археологические культуры: в Шида Картли и в Кахети.

Первая распространена в основном в бассейне р. Куры, приблизительно от Сурамского хребта до р. Арагви и характеризуется бронзовым листовидным кинжальным клинком, бронзовыми наконечниками копий с раскрытой втулкой, тонкопластинчатыми бронзовыми наконечниками стрел треугольной формы и др.

Вторая культура занимает территорию Иоро-Алазанского бассейна и характеризуется бронзовым кахетским кинжалом (I—III подтип), бронзовыми копьями с закрытой втулкой, глиняной посудой, украшенной резными концентрическими линиями, и т. д.

III. Уже на втором этапе эпохи поздней бронзы между археологическими культурами Шида Картли и Иоро-Алазанского бассейна существуют тесные связи. Это выражается в том, что характерные для Иоро-Алазанского бассейна предметы встречаются в определенных районах Шида Картли (вверх по р. Куре и далее по ущелью

р. Лиахви) и существуют там параллельно с предметами местной культуры.

IV. В последующий период, в XI—X вв. до н. э. в Шида Картли прекращают свое существование листовидные кинжалы. Их полностью сменяют кинжалы и мечи, характерные только для этой территории, но развившиеся уже на базе кахетских кинжалов (I—III подтип).

V. На рубеже II—I тыс. до н. э. на территории Восточной Грузии вместо двух отдельных культур второй ступени эпохи поздней бронзы уже существует одна культура с четырьмя локальными вариантами.

VI. Локальными вариантами т. н. Восточногрузинской культуры рубежа II—I тыс. до н. э. нужно считать культуру Шида Картли и три отдельных очага материальной культуры на территории Иоро-Алазанского бассейна. Примерно с VI в. до н. э. происходит нивелировка материальных культур на территории Восточной Грузии, но как в эллинистическую, так и в позднеантичную эпохи керамический материал на территории Шида Картли и Иоро-Алазанского бассейна, сохраняя своеобразные черты, продолжает традиции глиняных изделий эпохи поздней бронзы и железа. Это дает нам возможность говорить о непрерывном развитии материальной культуры Восточной Грузии с эпохи средней бронзы вплоть до эпохи раннего феодализма.

VII. Сопоставление границ локальных вариантов материальной культуры рубежа II—I тыс. до н. э., выделенных на территории Восточной Грузии, со сведениями древнегрузинских письменных источников (Леонти Мровели) о расселении племен (по принятому мнению, античной и раннефеодальной эпох) показывает, что их географические границы в основном совпадают.

VIII. Исходя из того, что с XI—X вв. до н. э. границы отдельных единиц почти не изменились и что в античную и раннефеодальную эпохи на этой территории жили кахи, кухи и эры, мы можем предположить, что и выделенные варианты археологической культуры рубежа II—I тыс. до н. э. принадлежали указанным племенам.

Все это дает нам право с большим или меньшим основанием связать материальную культуру Восточной Грузии эпохи поздней бронзы—раннего железа и следующего за ней периода с грузинским этническим субстратом и считать их культурами прямых предков грузинских племен (народа).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. А. М. Апакидзе. Важнейшая проблема археологии Грузии (на грузинском языке), «Мацне», № 12 (3), Тбилиси, 1963.
2. О. М. Джапаридзе. Рецензия на труд Р. М. Абрамишвили— К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.) (на грузинском языке, резюме — на русском), ВГМГ, т. XXII-В, Тбилиси, 1961; ВГМГ, т. XXIII-В, Тбилиси, 1962.
3. Р. М. Абрамишвили. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, т. XXII-В, Тбилиси, 1961.
4. Н. А. Бердзенишвили. Одна страница из историко-географического дневника (на грузинском языке), СИГГ, т. I, Тбилиси, 1960.
5. Д. Л. Мусхелишвили. Вопросы исторической географии Грузии в трудах Н. А. Бердзенишвили (на грузинском языке), «Мацне», № 2, 1965.
6. А. А. Мартиросян. Поселения и могильники эпохи поздней бронзы, «Археологические памятники Армении», т. II, Памятники эпохи бронзы, вып. II, Ереван, 1969.
7. Г. А. Микаелян. Циклопические крепости севанского бассейна, «Археологические памятники Армении», т. I, Памятники эпохи бронзы, вып. I, Ереван, 1968.
8. Д. Л. Мусхелишвили. Результаты полевых работ историко-географической экспедиции Квемо Картли (1956—1958 гг.), (на грузинском языке, резюме— на русском), СИГГ, т. I, Тбилиси, 1960.
9. Г. К. Григолиа, Т. И. Татишвили. Древнейшие памятники Квемо Картли (на грузинском языке, резюме, — на русском), СИГГ, т. I, Тбилиси, 1960.
10. Г. Г. Цкитишвили. Цопи (историко-географический очерк), (на грузинском языке, резюме— на русском), СИГГ, т. I, Тбилиси, 1960.
11. Д. К. Бердзенишвили. Историко-географические вопросы Болниси (на грузинском языке), СИГГ, т. II, Тбилиси, 1964.
12. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941.
13. Т. Н. Чубинишвили. Итоги полевых работ Месхет-джавахетской археологической экспедиции за 1964 г. (на грузинском языке), ОСПАИ—XIV, Тбилиси, 1965.
14. Д. Л. Мусхелишвили, Г. Г. Цкитишвили. Итоги разведывательной экспедиции 1955 г. в Шида Картли (на грузинском языке), СИГГ, т. I, Тбилиси, 1960.
15. Я. А. Киквидзе. Орошение в древней Грузии (на грузинском языке), 1963.
16. Очерки истории Грузии (Грузия с древнейших времен до IV в. н. э.) (на грузинском языке), т. I, Тбилиси, 1970.
17. Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ, «Вопросы скифо-сарматской археологии» (по материалам конференции ИИМК АН СССР, 1952 г.), М., 1954.
18. Е. И. Крупнов. Древняя истории Северного Кавказа, М., 1960.

19. Я. А. Манандян. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья, Ереван, 1944.
20. P. Rau. Die gräber die frühen Eisenzeit im unten Wolgagebiet Studien zur chronologie der skythischen Pfeilspitze. Mitteilungen der Zentralmuseums, I, Pokrowsk, 1932.
21. А. А. Иессен. Моздокский могильник в ряду памятников Северного Кавказа, «Археологическая экспедиция Эрмитажа», вып. I, Моздокский могильник, Ленинград, 1940.
22. А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII — VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.
23. А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья, Ленинград, 1947.
24. А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII — VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.), СА, XVIII, М., 1953.
25. М. И. Максимова. Серебряное зеркало Келермеса, СА, XXI, 1954.
26. Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на самтаврском могильнике (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, т. XIX-A, XXI-B, Тбилиси, 1957.
27. Б. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, Ереван, 1944.
28. Б. Б. Пиотровский. Скифы и Закавказье, Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, Л., 1949.
29. Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I, Ереван, 1950.
30. Б. Б. Пиотровский. Скифы и Древний Восток, СА, XIX, 1954.
31. Г. А. Меликишвили. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту, ВДИ, 4, 1951.
32. И. М. Дьяконов. Последние годы урартского государства по ассиро-вавилонским источникам, ВДИ, 2, 1951.
33. Г. И. Ионе. Мингечаурская разновидность стрел «скифского типа», МКА, т. I, Баку, 1953.
34. Г. А. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы), Баку, 1959.
35. П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг., СК, т. I, 1936.
36. М. М. Трапш. Памятники колхидской и скифской культуры в Куланурхва, Абхазская АССР, Сухуми, 1962.
37. К. Н. Пицхелаури. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—VII вв. до н. э. (на грузинском языке, резюме — на русском и английском), Тбилиси, 1973.
38. К. Н. Пицхелаури. Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна (на грузинском языке, резюме— на русском), Тбилиси, 1965.
39. Археология Грузии (на грузинском языке), Тбилиси, 1959.
40. И. М. Дьяконов. История Мидии, М.—Л., 1956.
41. Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, СА, XXIII, М., 1955.
42. Ш. Ш. Дедабришвили. Культура эпохи ранней бронзы Иоро-Алазанского бассейна (Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук) Тбилиси, 1970.
43. К. Н. Пицхелаури. К истории изучения поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа на Алазанской долине (на грузинском языке), ОСИИАЭ и ГКМ, III, Тбилиси, 1971.

44. Т. Н. Чубинишвили. Итоги полевых работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции за 1966 г. (на грузинском языке), ОСПАИ-XVI, Тбилиси, 1967.
45. О. М. Джапаридзе, А. И. Джавахишвили. Итоги археологической экспедиции в Квемо Картли (1965—1966 гг.) (на грузинском языке), «Мацне», № 3, Тбилиси, 1967.
46. М. И. Артамонов. Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, № 3, 1957.
47. А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964.
48. Г. Б. Авалишвили, О. Санеблидзе. Археологические раскопки в Квемо Картли (на грузинском языке), «Мацне», № 4, Тбилиси, 1967.
49. З. Г. Шатберашвили. Краткий отчет полевых работ Каспского отряда за 1965 г. (на грузинском языке), ОСПАИ-XV, Тбилиси, 1966.
50. Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мцхета (на грузинском языке, резюме— на русском), Тбилиси, 1957.
51. А. М. Апакидзе. «Самтавро»— Спецкурс лекций факультета истории Тбилисского государственного университета (рукопись), Тбилиси, 1945.
52. М. Б. Барамидзе. Внутренний Картли в эпоху поздней бронзы и раннего железа (на грузинском языке, рукопись хранится в библиотеке ИИАЭ), Тбилиси, 1966.
53. Н. Н. Тушишвили. Памятники раннего этапа эпохи поздней бронзы из Квемо Картли (на грузинском языке, рукопись хранится в библиотеке ИИАЭ), Тбилиси, 1969.
54. Б. В. Техов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна, Сталинир, 1957.
55. В. И. Долбежов. Отчет о раскопках в Горийском уезде близ сел. Тли, Охудзна и Дыргин, ОАК за 1890, СПб., 1893.
56. П. С. Уварова Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, М., 1900.
57. А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., МИА, 68, М., 1958.
58. Б. В. Техов. Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли, СА, I, 1960.
59. Б. В. Техов. Раскопки Тлийского могильника в 1960 г., СА, № 1, 1963.
60. К. Н. Пицхелаури. Итоги исследования памятников эпохи поздней бронзы-раннего железа, ТКАЭ, I, Тбилиси, 1969.
61. М. Менабде, Ц. Давлианидзе. Могильники Триалети, Каталог, I (на грузинском языке, резюме,— на русском), Тбилиси, 1968.
62. Н. Н. Тушишвили. Основные итоги археологических раскопок маднисчальского могильника, Сообщения АН Гр. ССР, 58, № 3, 1970.
63. Б. А. Куфтин. Дневник археологических раскопок на Цалке в 1937 г. (хранится в архиве Государственного музея Грузии).
64. Р. М. Абрамишвили, А. В. Бохочадзе, К. Д. Квижинадзе, Г. И. Мирцхулава, В. В. Николаишвили, А. Т. Рамишвили. Исследования в Дигомском ущелье, «Археологические открытия 1970 г.», М., 1971.
65. Г. Ф. Гобеджишвили. Беденская гробница (на грузинском языке, резюме— на русском), «Дзеглис мегобари», № 12, 1967.
66. Р. М. Абрамишвили. Цопский могильник (раскопки 1958 г.) (на грузинском языке), ОСПАИ-VII, Тбилиси, 1959.
67. Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества (доисторический Эгейский мир), М., 1958.
68. Г. К. Ниорадзе. Погребение из Земо Авчала (на грузинском языке, резюме на немецком языке), ВГМГ, т. VI, Тбилиси, 1931.
69. К. Н. Пицхелаури, Ш. Ш. Дедабришвили. Новые археологически находки в Кахети (на грузинском яыке, резюме — на русском), «Дзеглис мегобари», № 39, Тбилиси, 1975.
70. К. Н. Пицхелаури. Археологические разведки 1961 г. в Сигнахском и Цителцкаройском районах (на грузинском языке), ОСПАИ, X, Тбилиси, 1962.

71. А. Н. Каландадзе. Устройство погребения и обряд захоронения на древнейшем могильнике Самтавро, Кандидатская диссертация (на грузинском языке), (хранится в библиотеке ИИАЭ), Тбилиси, 1947.
72. Р. М. Рамишвили, Б. Джорбенадзе. Отчет разведывательной археологической экспедиции в Эрцо (на грузинском языке), ОСПАИ, XII, Тбилиси, 1964.
73. М. Б. Барамидзе. Погребение «знатного воина» из сел. Агаиани (на грузинском языке, рукопись хранится в библиотеке ИИАЭ), Тбилиси, 1961.
74. А. В. Бохочадзе, А. Н. Каландадзе, К. Н. Пицхелаури. Отчет Мцхетской археологической экспедиции за 1961 г. (на грузинском языке), ОСПАИ, X, Тбилиси, 1962.
75. Е. Д. Фемицин. Западнокавказские дольмены, МАК, IX, 1904.
76. Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника, КСИИМК, вып. 46, М., 1952.
77. Р. М. Абрамишвили. Археологические раскопки в лагодехском районе (на грузинском языке), ОСИИАЭ и ГКМ, I, Тбилиси, 1965.
78. Н. Н. Тушишвили. Маднисчальский могильник (на грузинском языке, резюме— на русском и английском), Тбилиси, 1972.
79. Г. Ф. Гобеджишвили. Холм Нацаргора близ гор. Сталинири (на грузинском языке, резюме— на русском), «Мимомхилвели», т. II, Тбилиси, 1951.
80. Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Грузии (на грузинском языке), Тбилиси, 1952.
81. Г. Б. Авалишвили. Древний очаг металлургии в Квемо Картли (на грузинском и русском языках), САНГ-L№ 2, 1968.
82. Древности, Труды Москвоского археологического общества, XXIV, М., 1914.
83. А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, Известия ГАИМК, вып. 120, М.-Л., 1935.
84. Г. К. Ниорадзе. Археологические разведки в ущелье Куры (на грузинском языке), ВГМГ, т. XIII-B, Тбилиси, 1944.
85. Отчет Российского Исторического музея за 1915 г.
86. Прибавление к ИАК, вып. 42.
87. Г. Агрикола. О горном деле и металлургии, М., 1962.
88. М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов. Об источниках олова в Закавказье, Вопросы истории науки, Ереван, 1967.
89. А. А. Иессен. Олово Кавказа, Известия ГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935.
90. Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы Древней Грузии, Тбилиси, 1959.
91. Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949.
92. Ц. Н. Абесадзе, Р. А. Бахтадзе, Н. А. Двали, О. М. Джапаридзе. К истории медно-бронзовой металлургии Грузии (на грузинском языке, резюме—на русском), Тбилиси, 1958.
93. В. В. Данилевский. Историко-технологические исследования древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала, Изв. ГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935.
94. К. Габуния. Медь, «Минеральные ресурсы ССР Грузии», Тифлис, 1933.
95. В. И. Орбеладзе. Медь, «Природные ресурсы Грузинской ССР», т. I, М., 1958.
96. Г. А. Твалчрелидзе. Основные черты металлогении Грузии, «Природные ресурсы Грузинской ССР», т. I, М., 1958.
97. К. А. Мкртчян, С. М. Айвазян. Мецаморское древнейшее горнометаллургическое сооружение, «Вопросы истории науки» (Сборник статей Закавказской конференции по истории науки), Ереван, 1967.
98. Ф. Н. Тавадзе, Т. Н. Сакварелидзе, Н. А. Двали. Технология изготовления древних бронзовых изделий, найденных в окрестностях Тбилиси (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, т. XVII-A, Тбилиси, 1956.

В VII томе (1956 г.) трудов Института металла и горного дела АН Грузинской ССР напечатаны следующие статьи (99—103):

99. Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе. Древнегрузинские бронзовые топоры, их литье и обработка (на грузинском языке, резюме— на русском).
100. Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе. Технология изготовления древнегрузинских бронзовых копий (на грузинском языке, резюме— на русском).
101. Ф. Н. Тавадзеи Т. Н. Сакварелидзе. Литье и обработка древнегрузинских бронзовых кинжалов и мечей (на грузинском языке, резюме— на русском).
102. Ф. Н. Тавадзеи Т. Н. Сакварелидзе. Технология изготовления бронзовых колец и булавок, найденных при археологических раскопках на территории Грузии.
103. Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе. Древнебронзовые художественные изделия и домашняя утварь (на грузинском языке, резюме— на русском).
104. А. М. Апакидзе. К истории производства сурьмы в Грузии (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, т. XIII-B, Тбилиси, 1944.
105. Л. И. Бочоришвили. Грузинская керамика I (Кахетинская) (на грузинском языке), Тбилиси, 1949.
106. С. С. Горбунов. Глины кирпично-черепичные, «Природные ресурсы Грузинской ССР», т. II, 1959.
107. Д. А. Хахутаишвили. Ремесленное производство в Ховле (на грузинском языке), Тбилиси, 1960 (рукопись хранится в библиотеке ИИАЭ).
108. К. Н. Пицхелаури. Разведывательные археологические раскопки в сел. Хирса в 1962 году, ОСПАИ, XI, Тбилиси, 1960.
109. Д. Л. Мусхелишвили. Археологические материалы из Ховлегора (на грузинском языке), НСОИИГ, II, Тбилиси, 1964.
110. Д. А. Хахутаишвили, Уплисцихе (на грузинском языке, резюме — на русском), т. II, Тбилиси, 1970.
111. Г. Ф. Гобеджишвили. Отчет полевых работ тетрицкаройской археологической экспедиции (на грузинском языке, рукопись хранится в библиотеке ИИАЭ), Тбилиси, 1957.
112. Н. Н. Тушишвили. Отчет полевых работ археологической экспедиции в Алгетском ущелье (на грузинском языке), ОСПАИ-XIV, Тбилиси, 1965.
113. Н. Н. Тушишвили. Новый памятник эпохи ранней бронзы в Южной Грузии (Квемо Картли). Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (дополнительный выпуск), Тбилиси, 1971.
114. К. Д. Квижинадзе, З. Г. Шатберашвили. Отчет полевых работ 1964 г. на II и III участках Алгетской археологической экспедиции (на грузинском языке), ОСПАИ, XIV, Тбилиси, 1965.
115. А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси, I, выпуск первый, Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. в селище Квацхелеби (Твлепиа-кохи) (на грузинском языке, резюме— на русском), Тбилиси, 1962.
116. З. Маисурадзе. Технология чернолощеной керамики из погребений самтаврского могильника (на грузинском языке), Сообщения АН Грузинской ССР, т. XIII, № 4, Тбилиси, 1952.
117. З. Маисурадзе. О технических способах художественного украшения чернолощеной керамики из погребений самтаврского могильника (на грузинском языке), Сообщения АН Грузинской ССР, т. XVIII, № 1, Тбилиси, 1957.
118. А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958.
119. И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер. Очерки по истории техники Древнего Востока, М.-Л., 1940.
120. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе, Тбилиси, 1948.
121. Р. Абрамишвили, А. Бохочадзе, К. Квижинадзе, Г. Мир-

цхулава., В. Николаишвили, А. Рамишвили. Краткий отчет Дигомской археологической экспедиции (на грузинском языке), «Археологические изыскания в Грузии за 1969 г.», Тбилиси, 1971.
122. Н. Ф. Мамаиашвили. Фаянс в средневековой Грузии (на грузинском языке резюме— на русском), Тбилиси, 1976.
123. К. Х. Кушнарева. Археологические работы 1954 г. в окрестностях сел. Ходжалы, МИА, 67, М.-Л., 1959.
124. Э. Реслер. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Елизаветпольской губернии, ОАК за 1897 г., Спб., 1900.
125. E. Rösler Ausgrabungen bei Chodshali, 1895. ZE, Verhandlungen. BD XXVIII, Berlin, 1896.
126. Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Очерк доистории Северного Азербайджана, ИООИА, № 3, 1926.
127. А. А. Спицын. Археологические раскопки Э. Реслера в Елизаветпольской губернии в 1901 г., ИАК, вып. 16.
128. В. А. Скиндер. Опыт археологической разведки, Пятигорск, 1906.
129. Y. de Morgan Mission scientifique en Perse, IV, Paris, 1896.
130. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, М., 1960.
131. C. F. Lemann-Haupt Materialen zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens, Abh. d. k. Geselsch de Wiss zu göttinqen, Ph. Hist. kl. NE, Bd. IX³, Berlin, 1907.
132. Walter Andrae. Assur. Farbige Keramic, Berlin, 1923.
133. Т. Н. Чубинишвили. Погребение покойника на молотильной доске на Самтаврском могильнике (на грузинском языке), САНГ, т. XIII, № 1, Тбилиси, 1951.
134. О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети в 1957—1958 годах (на грузинском языке, резюме— на русском и немецком языках), Тбилиси, 1960.
135. G. Nioradze. Der verwahrfund von Kvemo Sasirethi (Georgien Rauon Kaspi). ESA, VII, Helsinki, 1932.
136. Д. Л. Коридзе. К вопросу классификации и генезиса плоских топоров из территории Грузии (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, т. XXVIII-B, Тбилиси, 1969.
137. Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит, ВГМГ т. XIII-B, Тбилиси, 1943.
138. Г. Г. Лемлейн. Каменные бусы Самтаврского некрополя, МИГК, раздел 29, Тбилиси, 1951.
139. Н. И. Вавилов. Селекция как наука. Теоретические основы селекций растений, т. I, М.-Л., 1935.
140. А. М. Апакидзе. Археологические памятники Бакурцихе (на грузинском языке) (работа представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук) (рукопись хранится в библиотеке ТГУ), Тбилиси, 1940.
141. Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию, Тбилиси, 1949.
142. Г. К. Ниорадзе. Могильник «Стекольного завода», ПИДО, № 3, М.-Л., 1934.
143. О. М. Джапаридзе. Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии (на грузинском языке, резюме— на русском), ТТГУ, т. 49, Тбилиси, 1953.
144. О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры (на грузинском языке, резюме-— на русском и английском), Тбилиси, 1961.
145. Г. Г. Цкитишвили. Домашний быт и хозяйство жителей Ховлегора (на грузинском языке), НСОИИГ-II, Тбилиси, 1964.

В VII томе (1956 г.) трудов Института металла и горного дела АН Грузинской ССР напечатаны следующие статьи (99—103):

99. Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе. Древнегрузинские бронзовые топоры, их литье и обработка (на грузинском языке, резюме— на русском).
100. Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе. Технология изготовления древнегрузинских бронзовых копий (на грузинском языке, резюме— на русском).
101. Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе. Литье и обработка древнегрузинских бронзовых кинжалов и мечей (на грузинском языке, резюме— на русском).
102. Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе. Технология изготовления бронзовых колец и булавок, найденных при археологических раскопках на территории Грузии.
103. Ф. Н. Тавадзе и Т. Н. Сакварелидзе. Древнебронзовые художественные изделия и домашняя утварь (на грузинском языке, резюме— на русском).
104. А. М. Апакидзе. К истории производства сурьмы в Грузии (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, т. XIII-B, Тбилиси, 1944.
105. Л. И. Бочоришвили. Грузинская керамика I (Кахетинская) (на грузинском языке), Тбилиси, 1949.
106. С. С. Горбунов. Глины кирпично-черепичные, «Природные ресурсы Грузинской ССР», т. II, 1959.
107. Д. А. Хахутаишвили. Ремесленное производство в Ховле (на грузинском языке), Тбилиси, 1960 (рукопись хранится в библиотеке ИИАЭ).
108. К. Н. Пицхелаури. Разведывательные археологические раскопки в сел. Хирса в 1962 году, ОСПАИ, XI, Тбилиси, 1960.
109. Д. Л. Мусхелишвили. Археологические материалы из Ховлегора (на грузинском языке), НСОИИГ, II, Тбилиси, 1964.
110. Д. А. Хахутаишвили, Уплисцихе (на грузинском языке, резюме — на русском), т. II, Тбилиси, 1970.
111. Г. Ф. Гобеджишвили. Отчет полевых работ тетрицкаройской археологической экспедиции (на грузинском языке, рукопись хранится в библиотеке ИИАЭ), Тбилиси, 1957.
112. Н. Н. Тушишвили. Отчет полевых работ археологической экспедиции в Алгетском ущелье (на грузинском языке), ОСПАИ-XIV, Тбилиси, 1965.
113. Н. Н. Тушишвили. Новый памятник эпохи ранней бронзы в Южной Грузии (Квемо Картли). Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (дополнительный выпуск), Тбилиси, 1971.
114. К. Д. Квижинадзе, З. Г. Шатберашвили. Отчет полевых работ 1964 г. на II и III участках Алгетской археологической экспедиции (на грузинском языке), ОСПАИ, XIV, Тбилиси, 1965.
115. А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси, I, выпуск первый, Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. в селище Квацхелеби (Твлепиа-кохи) (на грузинском языке, резюме— на русском), Тбилиси, 1962.
116. З. Маисурадзе. Технология чернолощеной керамики из погребений самтаврского могильника (на грузинском языке), Сообщения АН Грузинской ССР, т. XIII, № 4, Тбилиси, 1952.
117. З. Маисурадзе. О технических способах художественного украшения чернолощеной керамики из погребений самтаврского могильника (на грузинском языке), Сообщения АН Грузинской ССР, т. XVIII, № 1, Тбилиси, 1957.
118. А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта, М., 1958.
119. И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер. Очерки по истории техники Древнего Востока, М.-Л., 1940.
120. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе, Тбилиси, 1948.
121. Р. Абрамишвили, А. Бохочадзе, К. Квижинадзе, Г. Мир-

цхулава., В. Николаишвили, А. Рамишвили. Краткий отчет Дигомской археологической экспедиции (на грузинском языке), «Археологические изыскания в Грузии за 1969 г.», Тбилиси, 1971.
122. Н. Ф. Мамаиашвили. Фаянс в средневековой Грузии (на грузинском языке резюме— на русском), Тбилиси, 1976.
123. К. Х. Кушнарева. Археологические работы 1954 г. в окрестностях сел. Ходжалы, МИА, 67, М.-Л., 1959.
124. Э. Реслер. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Елизаветпольской губернии, ОАК за 1897 г., Спб., 1900.
125. E. Rösler Ausgrabungen bei Chodshali, 1895. ZE, Verhandlungen. BD XXVIII, Berlin, 1896.
126. Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Очерк доистории Северного Азербайджана, ИООИА, № 3, 1926.
127. А. А. Спицын. Археологические раскопки Э. Реслера в Елизаветпольской губернии в 1901 г., ИАК, вып. 16.
128. В. А. Скиндер. Опыт археологической разведки, Пятигорск, 1906.
129. Y. de Morgan Mission scientifique en Perse, IV, Paris, 1896.
130. Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, М., 1960.
131. C. F. Lemann-Haupt Materialen zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens, Abh. d. k. Geselsch de Wiss zu göttinqen, Ph. Hist. kl. NE, Bd. IX³, Berlin, 1907.
132. Walter Andrae. Assur. Farbige Keramic, Berlin, 1923.
133. Т. Н. Чубинишвили. Погребение покойника на молотильной доске на Самтаврском могильнике (на грузинском языке), САНГ, т. XIII, № 1, Тбилиси, 1951.
134. О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети в 1957—1958 годах (на грузинском языке, резюме— на русском и немецком языках), Тбилиси, 1960.
135. G. Nioradze. Der verwahrfund von Kvemo Sasirethi (Georgien Rauon Kaspi). ESA, VII, Helsinki, 1932.
136. Д. Л. Коридзе. К вопросу классификации и генезиса плоских топоров из территории Грузии (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, т. XXVIII-В, Тбилиси, 1969.
137. Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-аракский энеолит, ВГМГ т. XIII-В, Тбилиси, 1943.
138. Г. Г. Лемлейн. Каменные бусы Самтаврского некрополя, МИГК, раздел 29, Тбилиси, 1951.
139. Н. И. Вавилов. Селекция как наука. Теоретические основы селекций растений, т. I, М.-Л., 1935.
140. А. М. Апакидзе. Археологические памятники Бакурцихе (на грузинском языке) (работа представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук) (рукопись хранится в библиотеке ТГУ), Тбилиси, 1940.
141. Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию, Тбилиси, 1949.
142. Г. К. Ниорадзе. Могильник «Стекольного завода», ПИДО, № 3, М.-Л., 1934.
143. О. М. Джапаридзе. Земледельческие орудия позднебронзовой эпохи Западной Грузии (на грузинском языке, резюме— на русском), ТТГУ, т. 49, Тбилиси, 1953.
144. О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры (на грузинском языке, резюме-— на русском и английском), Тбилиси, 1961.
145. Г. Г. Цкитишвили. Домашний быт и хозяйство жителей Ховлегора (на грузинском языке), НСОИИГ-II, Тбилиси, 1964.

146. Д. А. Хахутаишвили. Уплисцихе (итоги археологических исследований 1957—1963 гг.), т. I, Тбилиси, 1964.
147. Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, Л., 1949.
148. Г. А. Меликишвили. О происхождении грузинского народа, Тбилиси 1952.
149. Г. А. Меликишвили. К вопросу о возникновении классового общества и государства в Грузии (на грузинском языке), Тбилиси, 1955.
150. Б. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы, Баку, 1957.
151. Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
152. О. А. Абибуллаев. Первые итоги раскопок Кюль-тепе, МИАз, т. II, Баку, 1957.
153. И. А. Джавахишвили. Экономическая история Грузии (на грузинском языке), книга II, Тбилиси, 1935.
154. Г. Читая. Рецензия на труд проф. G. S. Myres A modern «kernos» vessel from Tiflis, Man, February, 1937, London, № 30, with Plate B. Вестник ИЯИМК, т. I, Тбилиси, 1937.
155. С. И. Надимашвили. Опыт периодизации памятников внутренней Картли и Юго-Осетии и проблема энеолита Кавказа, Тезисы докладов на заседании сектора Средней Азии и Кавказа, ИИМК от 14/IV 1956.
156. А. В. Бохочадзе. Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим материалам (на грузинском языке), Тбилиси, 1963.
157. К. Х. Кушнарева. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама, МИА, 67, М.-Л., 1959.
158. К. Х. Кушнарева. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама, МИА, 125, М.-Л., 1965.
159. О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг. СА, № 2, 1964.
160. И. А. Джавахишвили, Н. А. Бердзенишвили, С. Н. Джанашиа. История Грузии (на грузинском языке), Тбилиси, 1943.
161. Г. К. Ниорадзе. Археологические находки в Цителицкаро (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, т. XVI-В., Тбилиси, 1950.
162. Т. С. Хачатрян. Древняя культура Ширака, Ер., 1975.
163. Б. В. Техов. Об одном погребальном комплексе из сел. Тли, СА, №4, М., 1961.
164. Г. Е. Арешян. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века, СА, № 4, 1973.
165. Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии, ВГМГ, т. XII-Б., Тбилиси, 1944.
166. Zichy, Eugene de. Vouages au Caucase et en Asie Centrale, vol. II, Budapest-Kansceburg., 1897.
167. Т. А. Ивановская. Искусство бронзового пояса из сел. Подгорцы, Харьков, 1927.
168. E. Fugmann Hama. Foilles et recherches 1931—1938, II_1, L. Architecture des periodes pre-hellenistiques, Copenhague, 1958.
169. Р. М. Рамишвили. Могильник в Камарахеви (на грузинском языке), МАГК, т. II, Тбилиси, 1959.
170. Р. М. Абрамишвили., Д. Л. Мусхелишвили, Г. Г. Цкитишвили. Отчет полевых работ на Ховлегора (на грузинском языке), ОСПАИ, IX, Тбилиси, 1961.
171. С. Н. Бибиков, Поселение Лука-Врублевецкая, МИА, № 38, 1953.
172. Л. П. Селенов. Археологические разыскания в Северной Осетии, Известия Северо-осетинского научно-исследовательского института, т. XII, Дзауджикау, 1948

173. Л. Г. Цитланадзе. К некоторым вопросам Казбекского клада (на грузинском языке, резюме — на русском), МАГК, т. III, Тбилиси, 1963.
174. Эпос о Гильгамеше, М.-Л., 1961.
175. Дж. Пендлбери. Археология Крита, М., 1950.
176. Ш. Амираншвили. История грузинского искусства (на грузинском языке), Тбилиси, 1961.
177. Д. А. Рухадзе. Из истории хозяйственного быта грузинского народа (обычаи связанные с земледелием и скотоводством). (рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, на грузинском языке, хранится в библиотеке ИИАЭ), Тбилиси, 1954.
178. С. И. Макалатия. Культовые места и связанные с ним ритуалные обряды у грузин-мохевцев (оттиск хранится в библиотеке Государственного музея Грузии, VI, 2320 (1600).
179. С. И. Макалатия. Хеви (на грузинском языке), Тбилиси, 1934.
180. А. А. Миллер. Древние формы в материальной культуре современного населеня Дагестана, Материалы по этнографии, IV, Л., 1927.
181. А. А. Мартиросян. Город Тейшебайни, Ереван, 1961.
182. И. Г. Нариманов. Древнее «святилище» (пир) в Казахском районе позднебронзового времени, Доклады АН АзССР, № 2, Баку, 1960.
183. Протоколы подготовительного Комитета у археологического съезда в Тифлисе, 1879.
184. Г. А. Меликишвили. Наири-Урарту, Тбилиси, 1954.
185. Г. А Меликишвили. Центры культов верховных божеств урартийцев, САНГ, т. VII, № 6, 1946.
186. G. Perrot, C. Chipier. Historie de L'Art, m. II.
187. Всемирная история, т. I, М., 1956.
188. E. Herzfeld. Archeological History of Yran. London, 1935.
189. И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 2.
190. И. А. Джавахишвили. История Грузии, книга I, Тбилиси, 1951.
191. И. А. Джавахишвили. Введение в историю грузинского народа, Книга первая, Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока (на грузинском языке), Тбилиси, 1950.
192. Г. А. Ломтатидзе. Начало археологических изысканий в Урбниси (работы экспедиции за 1953—1965 гг.), (на грузинском языке), «Мацне», № 4, 1964.
193. Д. Халилов. Бронзовые пояса, обнаруженные в Азербайджане, МКА, вып. IV, Баку, 1962.
194. Б. В Техов. Бронзовые пояса Центрального Кавказа, Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР, вып. XIII, Цхинвали, 1964.
195. А. Н. Каландадзе. Чабарухский и Пасанаурский клады, I научная сессия Душетского краеведческого музея, тезисы докладов (на грузинском языке), Тбилиси, 1965.
196. Н. Урушадзе. Бронзовые пояса из Самтаврского некрополя как памятники древнегрузинского декоративно-прикладного искусства (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения), Тбилиси, 1969.
197. Я. И. Смирнов. Ахалгорийский клад, Тифлис, 1934.
198. Г. Ф. Чурсин. Амулеты и талисманы кавказских народов, Махач-кала, 1929.
199. Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии, Л., 1936.
200. А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан, СА, № 2, 1957.
201. К. Н. Пицхелаури. Могильник эпохи поздней бронзы близ сел. Гулгула (на грузинском яыке, резюме на русском), МАГК, т. II, Тбилиси, 1959.
202. Б. Б. Пиотровский. Поселение медного века в Армении, СА, XI, 1949.
203. А. М. Апакидзе. Древнейшая культура Грузии в свете новейших археологических находок (на грузинском языке), Тбилиси, 1956.

204. Э. М. Гогадзе. Периодизация и генезис триалетской курганной культуры (рукопись диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, на грузинском языке, хранится в библиотеке ИИАЭ), Тбилиси, 1970.
205. Г. А. Меликишвили. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока (на грузинском языке), Тбилиси, 1965.
206. Э. В. Ханзадян. Лчашенский курган № 6, КСИА, 91, М., 1962.
207. Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа, МИА, 100, М., 1961.
208. С. А. Burney Eastern Anatolia in the Chalcolitic and Early Bronze Age, AS, VIII, 1958.
209. T. Burton-Brown Excavations in Azerbeijan, London, 1951.
210. Р. М. Мунчаев. Каякентское поселение и проблема Кавказского энеолита, СА, XXII, М., 1955.
211. О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети (к истории грузинских племен во II тыс. до н. э.), (на грузинском языке, резюме—на русском и английском), Тбилиси, 1969.
212. З. Г. Шатберашвили. Археологические изыскания 1966 г. в Метехи (на грузинском языке), ОСПАИ —XVI, Тбилиси, 1967.
213. З. Г. Шатберашвили. Краткий отчет полевых работ 1968 г. в Каспском районе (на грузинском языке), ОСПАИ-XVIII, Тб., 1969.
214. Ш. Ш. Дедабришвили. Культура эпохи ранней бронзы Иоро Алазанского бассейна (дисертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, рукопись), Тбилиси, 1970.
215. Т. В. Бугианишвили, Ш. Ш. Дедабришвили, К. Н. Пицхелаури, Р. М. Рамишвили, Ц. Н. Чикоидзе, М. А. Узунашвили. Работы Кахетской археологической экспедиции за 1970 г., Тезисы докладов посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР (археологические секции), Тбилиси, 1971.
216. К. Н. Пицхелаури, Т. В. Бугианишвили, Ш. Ш. Дедабришвили, Р. М. Рамишвили, М. А. Узунашвили. Итоги полевых работ Кахетской археологической экспедиции за 1969 г. «Археологические изыскания 1969 г.в Грузии», Тбилиси, 1971.
217. Ш. Ш. Дедабришвили. Работы второго отряда Кахетской археологической Экспедиции, «Археологические открытия», 1970, г., М., 1971.
218. О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в сел. Квасатали (на грузинском языке), ОСПАИ-', Тбилиси, 1953.
219. О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник эпохи Бронзы в Юго-Осетии, КСИИМК, вып. 60, М., 1955.
220. Т. Н. Чубинишвили. Самтаврское курганное погребение № 243 (на грузинском языке, резюме— на русском), МАГК, т. I, Тбилиси, 1955.
221. А. Н. Каландадзе. Основные итоги полевых работ Мцхетской археологической экспедиции за 1967 г. (на грузинском языке), ОСПАИ-XI, Тб., 1963.
222. Н. Н. Тушишвили. Погребение эпохи средней бронзы из сел. Ардасубани (на грузинском языке), ОСПАИ-IX, Тбилиси, 1961.
223. Н. Н. Тушишвили. Погребение эпохи средней бронзы из сел. Ардасубани (на грузинском языке), «Мацне», № 4, Тбилиси, 1967.
224. Г. А. Ломтатидзе. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави (на грузинском языке, резюме— на русском), МАГК, т. I, Тбилиси, 1955.
225. Н. И. Окропиридзе. Могильник Нареквави (на грузинском языке, резюме— на русском), ТИИ, т. VII, 1964.
226. А. Н. Каландадзе. К характеристике социал-экономического и культурного развития населения Мцхета (во второй половине II, и первой половине I тыс. до н. э.), (на грузинском языке), рукопись хранится в библиотеке ИИАЭ, Тбилиси, 1957.

227. Э. В. Ханзадян. Результаты раскопок 1949—1966 гг. (с ранней бронзы по урартский период включительно), Гарни IV, Ер., 1969.
228 А. О. Мнацаканян. Культура эпохи бронзы на побережье Севанского озера в Армении, Доклады Советской делегации на XXV международном конгрессе Востоковедов, М., 1960.
229. М. Г. Абдушелишвили. Антропология древнего и современного населения Грузии, Тбилиси, 1969.
230. М. Г. Абдушелишвили. К краниологии древнего и современного населения Кавказа, Тбилиси, 1966.
231. К. Н. Пицхелаури. Итоги полевых работ Кахетской археологической экспедиции за 1964 г. (на грузинском языке), ОСПАИ, XIV, Тбилиси, 1965.
232. К. Н. Пицхелаури. Некоторые итоги полевых работ Кахетской археологической экспедиции (на грузинском языке), „Мацне", № 1, 1971
233. А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета, Итоги археологических исследований, I, Археологические памятники Армазис-хеви, по раскопкам 1937—1946 гг., Тбилиси, 1958.
234. Я. А. Киквидзе. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии (на грузинском языке, резюме— на русском), Тб., 1976.
235. Ю. М. Гагошидзе. Памятники эллинистического времени из Самадло (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, т. XXVII-В, Тбилиси, 1967.
236. Н. Ф. Мамаиашвили. Погребения со скифским инвентарем из Иоро-Алазанского бассейна (на грузинском языке, резюме— на русском; печатается в четвертом томе ТКАЭ).
237. Г. Б. Авалишвили. Квемо (нижняя) Картли в первой половине I тысячелетия до н. э. (на грузинском языке), Тбилиси, 1974.
238. В. Вырубов. Предметы древности в хранилище «Общества любителей кавказской археологии», вып. I, Тифлис, 1877.
239. F. Bayern. Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. Herausgegeben und mit einem Vorwort verschen von R. Virchow, ZE, Supplement, 1885, Berlin.
240. А. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, Сухуми, 1939.
241. А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут, СА, XI, 1949.
242. Б. А. Куфтин. Материали к археологии Колхиды, т. II, Тб., 1951.
243. Л. Н. Соловьев. Селище текстильной керамики на побережье западной Грузии, СА, XIV, 1951.
244. Т. Н. Чубинишвили. Амиранис гора (материалы к древнейшей истории Мескет-Джавахети), (на грузинском языке), Тбилиси, 1963.
245. Л. Глонти, А. Джавахишвили, Г. Джавахишвили, Я. Киквидзе, Д. Тушабрамишвили. Некоторые итоги полевых работ 1964. Урбнисской и Квирильской археологических экспедиции, ВГМГ, т. XXV-В, Тбилиси, 1966.
246. Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века, М., 1975.
247. Э. М. Гогадзе. Периодизация и генезис курганной культуры Триалети (на грузинском языке, резюме — на русском), Тбилиси, 1972.
248. Э. М. Гогадзе. Курганные погребения Лило, ВГМГ, XXXII-В, Тбилиси, 1976.
249. М. Б. Барамидзе. Полевые археологические исследования в г. Каспи и его окрестностях (на грузинском языке), ОСПАИ, XIII, Тбилиси, 1964.
250. Cl. Schaffer. Stratigraphie Comparee et chronologie de l'Asie Occidentale (III—II millenaires), London, 1948.
251. Ш. Ш. Дедабришвили. Итоги археологических разведок 1964 г. в Кахети, ОСПАИ, XIV, Тбилиси, 1965.
252. М. Б. Барамидзе. Могильник Каспи, МАГК, т. IV, Тбилиси, 1965.

253. К. Н. Пицхелаури. К изучению генезиса и периодизации материальной культуры эпохи поздней бронзы и железа в Восточной Грузии, ОСНИАЭ, и ГКМ, III, Тбилиси, 1971.
254. Д. Л. Мусхелишвили. Основные вопросы исторической географии Грузии (на грузинском языке, резюме— на русском), Тбилиси, 1977.
255. Р. М. Абрамишвили, А. Т. Рамишвили. Археологические раскопки в Тбилиси (на грузинском языке, резюме — на русском), «Дзеглис мегобари», № 39, Тбилиси, 1975.
256. Р. М. Абрамишвищи, В. В. Николаишвили, Н. И. Окропиридзе, А. Т. Рамишвили. Итоги археологической экспедиции Большого Тбилиси, Полевые археологические исследования в 1973 г., Тбилиси, 1974.
257. К. Х. Кушнарева. Тазакендский могильник в Армении, СА. 1960, № 1.
258. Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика, Ереван, 1963.
259. К. Н. Пицхелаури, Ш. Ш. Дедабришвили. Курганы Садугской равнины (на грузинском языке), «Мецниереба да техника», № 6, 1972.
260. L. Woolley. Alalakh (An Account of the Excavations at Tell Atchana). London. 1955.
261. Э. М. Гогадзе. К вопросу о генезисе и периодизации курганной культуры Триалети, Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник III), Тбилиси, 1969.
262. Л. Г. Жоржикашвили, Э. М. Гогадзе. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936—1940, 1947—1948 гг.), Каталог триалетских материалов, II, Тбилиси, 1974.
263. Ш. Ш. Дедабришвили. Памятники эпохи ранней и средней бронзы, ТКАЭ, т. I, Тбилиси, 1969.
264. М. Н. Погребова. Иран и Закавказье в раннем железном веке, М., 1977.
265. Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы), МИА, № 23, М.-Л., 1951.
266. О. С. Хнкикян. Ремесла Армении в эпоху поздней бронзы и раннего железа (XIV—X вв. до н. э.), Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ереван, 1972.
267. М. Н. Погребова. Бронзовый кинжал переднеазиатского типа из Каедабекского могильника в Северном Азербайджане, Труды государственного Исторического музея (археологический сборник), вып. 37, М., 1960.
268. А. А. Мартиросян. Раскопки в Кировакане и некоторые памятники раннеурартского периода (IX—VIII вв. до н. э.), Известия Академии наук Армянской ССР, IV$_9$, 1956.
269. Т. С. Хачатрян. Каменные ящики Степанавана, Труды Государственного Исторического музея Армении, т. V, 1959.
270. С. Г. Деведжян. Ташир-Дзорагет в эпоху бронзы и раннего железа (III —I тыс. до н. э.), Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ереван, 1977.
271. К. Н. Пицхелаури. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии (конец II—начало I тыс. до н. э.), ТКАЭ, I, Тбилиси, 1969.
272. А. А. Иессен. Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии «III международный конгресс по иранскому искусству и археологии», М.-Л., 1939.
273. А. Н. Каландадзе. Краткий отчет работ северной группы Мцхетской археологической экспедиции за 1938—39 гг. (на грузинском языке), Тбилиси, 1940. Рукопись хранится в библиотеке ИИАЭ.
274. А. Н. Каландадзе. Периодизация памятников Самтавро, Научная сессия ИИМК АН СССР и Гос. Эрмитажа, посвященная археологии Закавказья, КСИИМК, XXIV, М.-Л., 1949.

275. Г. А. Ломтатидзе. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтавро (Работа представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук, на груинском языке), Тбилиси, 1944.
276. Г. А. Ломтатидзе. Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений — Самтаврского могильника (на грузинском языке), Тбилиси, 1974.
277. С. И. Макалатия. Древнейший некрополь в Плависмани (на грузинском языке), ВГМГ, т. V, Тбилиси, 1928.
278. К. Н. Пицхелаури. Раскопки святилищ в Мели-геле, «Археологические открытия 1967 г.», М, 1968.
279. Д. Л. Коридзе. Памятники позднебронзовой эпохи из Тбилиси (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ, Тбилиси, 1953.
280. Д. Л. Коридзе. Археологические памятники Тбилиси (на гузинском языке, резюме — на русском), Тбилиси, 1955
281. Л. Г. Цитланадзе. Археологические изыскания 1969 года в Душетском районе, «Археологические изыскания 1969 года в Грузии» (на грузинском языке) Тбилиси, 1971.
282. Л. Г. Цитланадзе., Г. И. Мирцхулава, М. Н. Гочиашвили. Археологические изыскания в с. Мчадиджвари (на грузинском языке, резюме— на русском), «Дзеглис мегобари», № 39, Тбилиси, 1975.
285. Л. Г. Цитланадзе, Г. И. Мирцхулава, М. Н. Гочиашвили. Археологические работы в долине р. Нареквави, «Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР» Тбилиси, 1976.
284. Д. Л. Коридзе. Случайно найденные археологические материалы во время строительства Булачаурского водопровода (на грузинском языке, резюме—на русском) ВГМГ, т. XIX-А, и XXI-В, Тбилиси, 1957.
285. Я. И. Гуммель. Археологические очерки., Баку, 1940.
286. О. М. Джапаридзе, Я. А. Киквидзе, Р. Б. Авалишвили. Отчёт месхет-джавахетской археологической экспедиции за 1972—1973 гг. (на грузинском и русском языках), «Археологические экспедиции Государственного музея Грузии, IV, Тбилиси, 1975.
287. Т. Н. Чубинишвили. Археологические памятники ущелья Гостибе (на грузинском языке), ВГМГ, т. XVI-В, Тбилиси, 1950.
288. Д. Л. Мусхелишвили. Археологический материал, рекопанный на Ховлегора за 1962—1963 гг., Тбилиси, 1965 (Рукопись, на грузинском языке).
289. С. А. Есаян. Астхиблурский могильник, Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1968, № 6 (301).
290. О. М. Джапаридзе. Колхидский топор (на грузинском языке), ВГМГ, т. XVI-В, Тбилиси, 1950.
291. Д. Л. Коридзе. О датировке и ареале распространения листовидных кинжалов с бронзовой рукояткой, ВГМГ, т. XXIII-В, Тбилиси, 1962.
292. Картлис цховреба (История Грузии), грузинский текст, Тбилиси, 1955, т. I.
293. Вахушти. Описание царства грузинского (на грузинском языке), Тбилиси, 1941.
294. И. А. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература (на грузинском языке), Тбилиси, 1945.
295. К. С. Кекелидзе. Литературные источники Леонтия Мровели (на грузинском языке), ВТГУ, т. III, Тбилиси, 1923.
296. Г. В. Церетели. Армазская билингва, Тбилиси, 1941.
297. М. Д. Лордкипанидзе. Грузинская историческая литература раннефеодальной эпохи (на грузинском зяыке), Тбилиси, 1966.
298. Н. А. Бердзенишвили. Доклад на учредительном съезде Грузинского научного общества истории, археологии и фольклора (1958 г. 28 XI) (на грузинском языке), ТИИ, т. V [2], Тбилиси, 1961.

299. Д. Л. Мусхелишвили. Вопросы политической географии Кахет-Эрети XII—XIII вв. (на грузинском языке), СИГГ, т. III, Тбилиси, 1967.
300. Д. Л. Мусхелишвили. Город Уджарма (на грузинском языке), Тбилиси, 1966.
301. О. Д. Лордкипанидзе. Из истории городской общины Мцхета (сведения Леонти Мровели о «мцхетис мамасахлиси»), Вестник АН Грузинской ССР, т. XXIX, № 6, 1962.
302. Л. Г. Цитланадзе, М. Н. Гочиашвили. Новые археологические находки из сел. Одзиси, «Дзеглис мегобари», № 43—44, Тбилиси, 1976—1977.
303. Л. А. Чилашвили. Город Рустави (на грузинском языке), Тбилиси, 1958.
304. К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры южного Кавказа, Ленинград, 1970.
305. К. Х. Кушнарева. Обмен и торговля в Закавказье в древности, КСИА, вып. 138. М., 1973.
306. И. Р. Селимханов. О никеле в древних медных сплавах, ДАН Аз ССР, т. XVIII, 1962, №. 6.
307. Е. В. Черненко. Скифский доспех, Киев, 1968.
308. А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, Свод археологических источников, вып. Д 1—4, 1964.
309. Rainer Michael Boemer Die kleinfunde von Bogazköy (Aus den grabungskampagnen 1931—1939 und 1952—1969), Berlin, 1972.
310. R. F. Starr. Nuzi, Report on the Excavations at Yorgan Tepe Near Kirkuk, Yraq, Cambridge, Mass. 1939, I, Text.
311. C. F. A. Schaeffer Repriese des recherches archeologiques a Ras Shamra-Ugarit Sodages de 1948 et 1949 et campagne de 1950, Syria, XXVIII, 1951.
312. L. Delaporte Catalogue des cylindres cachets et pierres grave es de style oriental. I, Foilles et Missions, Paris, 1920.
313. G. Loud, Megiddo, II, Chicago, 1948.
314. R. Ghirshman. Tchoga Zanbil, I, La Ziggurat, Memoiries de la Delegasion archeologique en Yran. Tome XXXIX, Paris, 1960.
315. C. W. Blegen, Y. L. Caskey, M. Rawson. Troy, vol III, Princeton, Cinicinnati, 1953.
316. Y. Mahmud Summer, vol. XXVI, 1970, № 1, 2.
317. M. E. L. Mallowan. Fort Schalmaneser, Nimrud and its Remains. vol. II, London, 1966.
318. R. Pleiner and Y. K. Byorkman. The Asyrian Iron Age. The History of Iron in the Assyrian Civilization. American Philosopical Society. vol. 118, № 3, June 1974, Philadelphia, 1974.
319. Б. Б. Пиотровский. Кармир блур, т. III, Ереван, 1955.
320. R. D. Barnett and N. Gökce. The find of Urartian Bronzes at Altin Tepe, Near Erzincan, AS, vol. III, 1953.
321. О. М. Джапаридзе., Я. А. Киквидзе, Г. Б. Авалишвили, А. Т. Церетели. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции за 1974—1975 гг. (на грузинском языке, резюме— на русском), Археологические экспедиции ГМГ, V, Тбилиси, 1977.
322. С. А. Есаян. Древняя культура племен северо-восточной Армении, Ереван, 1976.
323. С. Г. Деведжян. Погребение № 2 Лориберда (на армянском языке), ИФЖ, № 2, Ереван, 1972.
324. А. О. Мнацаканян. Двухцветная керамика Лчашена, Известия АН Арм. ССР, № 5, Ереван, 1975.
325. А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, МИА, 23, М.-Л., 1951.

326. А. А. Спицын. Разселение древнерусских племен по археологическим данным Журнал министерства народного просвещения, часть CCCXXXIV, С'Петербург, 1899.
327. К. Н. Пицхелаури. Памятники второй половины I тысячелетия до н. э. на территории Кахети, СА, 1977, № 3.
328. М. Г. Абдушелишвили. Материалы к антропологии Кавказа (на грузинском языке), Тбилиси, 1971.
329. Д. Л. Коридзе. Археологические памятники эпохи поздней бронзы из Тбилиси (Навтлуги), (на грузинском языке, резюме— на русском), ВГМГ т. XVIII-B, Тбилиси, 1954.
330. Т. К. Микеладзе. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного причерноморья (на грузинском языке, резюме— на русском и английском), Тбилиси, 1974.
331. М. М. Иващенко. Кувшинные погребения Грузии (рукопись).
332. В. А. Толордава. Материалы III-I вв. до н. э. к истории картлийского царства (кувшинные погребения в Восточной Грузии), кандидатская диссертация, Тбилиси, 1968.
333. О. Д. Лордкипанидзе. Ремесленное производство и торговля в Мцхета в I—III вв. до н. э. Кандидатская диссертация, Тбилиси, 1957.
334. Ю. М. Гагошидзе. Памятники раннеантичной культуры Грузии (историко-археологическое исследование), кандидатская диссертация, Тбилиси, 1965.
335. Р. М. Абрамишвили, Д. Л. Мусхелишвили, Г. Г. Цкитишвили. Отчет археологических раскопок на Ховлегора, ОСПАН-VII, Тбилиси, 1959.
336. Ю. М. Гагошидзе. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья (на грузинском языке, резюме— на русском), Тбилиси, 1964.
337. Т. Пассек, Б. Латынин. К вопросу о керамике Ялойлу тапа, ИООИА, IV, Баку, 1927.
338. Д. Шарифов. Раскопки в Ялойлу-тапа. Материалы Азербайджанского государственного музея, вып. I, Баку, 1927.
339. А. А. Иессен. Культура Ялойлу-тапа в Закавказье. Сборник аспирантов ГАИМК, т. I, Л., 1929.
340. Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки на Алазанской долине (на грузинском языке), Тбилиси, 1940.
341. С. Н. Джанашиа. Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока (на грузинском языке), Труды С. Н. Джанашиа, т. II, Тб, 1952.
342. М. А. Узунашвили. Археологические раскопки в сел. Шрома (Вачнадзиани), ОСИИАЭ, и ГКМ—III, Тбилиси, 1971.
343. Ю. М. Гагошидзе. Расписная керамика Самадло (на грузинском языке), «Дзеглис мегобари», № 23, Тбилиси, 1970.
344. О. Ш. Исмизаде. Ялойлутепинская культура, Баку, 1956.
345. С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре, Баку, 1960.
346. Н. Н. Рзаев. Художественная керамика кавказской Албании, Баку, 1964.
347. Р. М. Абрамишвили, А. В. Бохочадзе, К. Д. Квижинадзе, Г. И. Мирцхулава, В. В. Николаишвили, А. Т. Рамишвили. Исследования в Дигомском ущелье, «Археологические открытия 1970 года», М., 1971.
348. Д. Л. Мусхелишвили. К вопросу о распространении красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху (по материалам раскопок Ховлегора), СА, № 3, М., 1977.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВТГУ — Вестник Тбилисского Государственного университета.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГМГ — Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашиа.
ДАНАзССР — Доклады Академии Наук Азербайджанской ССР.
ИАК — Известия Археологической комиссии .
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИООИА — Известия общества обследования и изучения Азербайджана.
ИФЖ — Историко-филологический журнал Академии Наук Армянской ССР.
ИЯИМК — Институт языка и материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет.
МАГК — Материал к археологии Грузии и Кавказа.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАз — Материалы по истории Азербайджана.
МИГК — Материалы к истории Грузии и Кавказа.
МКА — Материальная культура Азербайджана.
НСОИИГ — Научная сессия отдела источниковедения и исторической географии Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. Аннотации докладов.
ОАК — Отчет археологической комиссии.
ОСИИАЭ и ГКМ — Объединенная сессия Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили и Гурджаанского краеведческого музея. Тезисы докладов.
ОСПАИ —Отчетная сессия, посвященная полевым археологическим изысканиям Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. Краткое содержание докладов.
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА — Советская археология.
САНГ — Сообщения Академии Наук Грузинской ССР.
СИГГ — Сборник исторической географии Грузии.
СК — Советская культура .
СКМ — Сигнахский краеведческий музей.
ТТГУ — Труды Тбилисского Государственного университета.
ТИИ — Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР.
ТКАЭ — Труды Кахетской археологической экспедиции.
AS — Anatolian Studies.
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua.
*Z*E — *Z*eitschrift für Ethnologie.

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

I а — Местность «Садуга», инвентарь кургана № 1.
б могильник Самтавро, южный участок, раскопки 1939 года, инвентарь погребения № 156.

II а — Поселение Илто, инвентарь кенотафа.
б — Лило (восточная окрайна г. Тбилиси), инвентарь кургана № 5.

III — а— Могильник Самтавро, южный участок, раскопки 1939 года, инвентарь погребения № 70
б — Цхинвали, Лесной комбинат, инвентарь погребения № 4.
в — Цхинвали, Лесной комбинат, инвентарь погребения № 3.

IV а — Сел. Байбурт, нижнее погребение.
б — Сел. Байбурт, верхнее погребение.

V а — Сел. Земо Бодбе, инвентарь кургана № 1.
б — Сел. Земо Бодбе, инвентарь кургана № 2.

VI — Сел. Земо Бодбе, инвентарь кургана № 4.

VII — Сел. Земо Бодбе, инвентарь кургана № 5.

VIII — Сел. Земо Бодбе, инвентарь кургана № 6.

IX — Сел. Земо Бодбе, инвентарь кургана № 7.

X —Сел. Качрети, местечко «Брима цкали», курган № 1, инвентарь погребения № 1.

XI а — Сел. Качрети, местечко «Брима цкали», курган № 1, инвентарь погребения № 2.
б — Сигнахский район, Алазанская долина, многослойное поселение «Наомари гора», могильник «А», инвентарь погребения № 2

XII 1, 2 — Сабидахча (Триалети), инвентарь погребения № 28 (по Н. Н. Тушишвили).
3, 4 — Табацкури (Триалети), инвентарь кургана № 42 (по Н. Н. Тушишвили).

XIII — Цителцкаройский район, гора «Гохеби», святилище начала I тыс. до н. э., бронзовая модель боевой колесницы.

XIV — Гурджаанский район, сел. Мелаани, могильник «Певреби», инвентарь погребения № 53.

XV — Гурджаанский район, сел. Мелаани, могильник «Певреби», инвентарь погребения № 21.

XVI — Гурджаанский район, сел. Мелаани, могильник «Певреби», инвентарь погребения № 25.

XVII — Гурджаанский район, сел. Мелаани, могильник «Певреби», инвентарь погребения № 45.

XVIII — Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), могильник «Гадрекили», инвентарь погребения № 6.

XIX — Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), инвентарь погребения № 57, могильник «Гадрекили».

XX — Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), могильник «Гадрекили», инвентарь погребения № 10 (бронзовые оружие и украшения).

XXI— Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), могильник «Гадрекили», погребение № 10 (керамический инвентарь и бронзовый котел № 14).

XXII — Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), могильник «Гадрекили», инвентарь погребений №№ 31 (а), 47 (б), 65 (в).

XXIII — Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), могильник «Гадрекили», инвентарь погребения № 1.

XXIV — Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), могильник «Гадрекили», инвентарь погребения № 66.

XX — Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), могильник «Гадрекили», инвентарь погребения № 26.

XXVI — Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), могильник «Гадрекили», инвентарь погребения № 67.

XXVII — Гурджаанский район, сел. Гадрекили (Махарадзе), могильник «Гадрекили» инвентарь погребения № 105.

XXVIII — Мцхета, могильник Самтавро, погребение № 153.

XXIX — Сигнахи (сел. Кедели), погребение № 1.

XXX — Гурджаанский район, сел. Мелаани, могильник «Певреби», инвентарь погребения № 6.

XXXI — Мцхета, могильник Самтавро, а) инвентарь погребения № 228; б) инвентарь погребения № 80.

XXXII — Сводная таблица панцирных пластинок: 1,2—Кахети, могильник «Гадрекили», погребение № 10; 3, 4— Кахети, могильник «Гадрекили», погребение № 105; 5, 6— Кахети, могильник «Гадрекили», погребение № 26; 7, 8—Кахети, могильник «Гадрекили», погребение № 26; 9, 10—Кахети, курган около сел. Ульяновка (Цители гореби); 11, 12— Кахети, сел. Магаро , ямное погребение; 13—Богазкой [309]; 14— Алалах [260, табл. XXI]; 15— Тель Рифат [307, рис. 73_2]; 16— Мегидо [313, табл. 177]; 17— Чога-Занбил [314, табл. XCIII]; 18—Троя [315, табл. 297]; 19— Тель-Фахар [316, табл. 24]; 20—Нимруд [317]; 21—Нузи [310]; 22—Хама [168]; 23—Рас-Шамра [311]; 24—Ассирия [318]; 25—Египет [307, рис. 70]; 26— Урарту [319, рис. 21 23, 24]; 27 — Алтин тепе [Урарту] [320, табл. XVIII_2]; 28—Персеполь [307]; 29—Скифия [307]; 30— Венгрия [307, рис. 74].

DESCRIPTION OF THE TABLES

I а — «Saduga» place, implements of tomb № 1.
б — Samtavro cemetery, sauthern part, excavatoins of 1939. implements of tomb. № 156.
II —а Ilto settlement, kenotaph implements.
б — Lilo (northern outskirts of Tbilisi), implements of tomb № 5.
III а — Samtavro cemetery, southern part, excavations of 1939, implements of tomb № 70.
б — Tckhinvaly, the territory of saw-mill, inplements of tomb № 4.
в — Tckhinvaly, the territory of saw-mill, implements of tomb № 3.
IV а — Village Bayburt, the lower tomb.
б — Village Bayburt, the upper tomb.
V а — Village Zemo Bodbe, implements of tomb № 1.
б — Village Zemo Bodbe, implements of tomb № 2.
VI — Villae Zemo Bodbe, implements of tomb № 4.
VII — Village Zemo Bodbe, implements of tomb № 5.
VIII — Village Zewo Bodbe, implements of tomb № 6.
IX — Village Zemo Bodbe, I implements of tomb M № 7.
X — Village Kachrety, «Brimatckaly», place, tomb № 1; implements of tomb № 1.
XI а — Village Kachrety, «Brimatckaly» place, tomb № 1: implements of tomb № 2.
б — Signagi region, Alazany plain, a multylayer settlement «Naomari Gora», cemetery «A», implements of tomb № 2.
XII 1,2— (—) Sabidakhcha (Trialety), implements of tomb № 28. (after N. N. Tuschishvili).
3,4 — (—) (Tabatckury (Trialety), implements of tomb № 42. (after N. N. Tushishvili).
XIII — Tciteltckagro region, «Gokheby», hill, sanctuary of the beginning of I millenium B. C. a bronze model of the fighting chariot.
XIV — Gurjaany region, village Melaany, cemetery «Pevreby», implements of tomb № 53.
XV — Gurjaany region, village Melaany, «Pevreby» cemetery, tomb. № 21.
XVI — Gurjaany region, village Melaany, «Pevreby», cemetery, implements of tomb № 25.
XVI — Gurjaany region, village Melaany, «Pevreby» cemetery, implements of tomb № 45.
XVIII — Gurjaany region, village Gadrekily, (Makharadze), «Gadrekily» cemetery, implements of tomb № 6.
XIX — Gurjaany region, village Gadrekily (Makharadze), «Gadrekily» cemetery, implements of tomb № 57.
XX — Gurjaany region, village Gadrekily (Makharadze), «Gadrekily» cemetery, implements of tomb № 10.
XXI — Gurjaany region, village Gadrekily, (Makharadze), «Gadrekily-cemetery, tomb № 10 (pottery and bronze kettle.
XXII — Gurjaany region, village Gadrekily, (Makharadze), «Gadrekily-cemetery, implements of tombs № 31 (а), 47 (б), 65 (в).
XXIII — Gurjaany region, village Gadrekily (Makharadze), «Gadrekily», cemetery, implements of tomb № 1.

XXIV — Gurjaany region village Gadrekily (Makharadze), «Gadrekily», cemetery, implements of tomb № 66.

XXV — Gurjaany region, village Gadrekily (Makharadze), «Gadrekily» cemetery, implements of tomb № 26.

XXVI — Gurjaany region, village Gadrekily (Makharadze), «Gadrekily» cemetery, implements of tomb № 67.

XXVII — Gurjaany region, village Gadrekily (Makharadze), «Gadrekily» cemetery, implements of tomb № 105.

XXVIII — Mtckheta, Samtavro cemetery, tomb №.

XXIX — Signagi, village Kedely, tomb № 1.

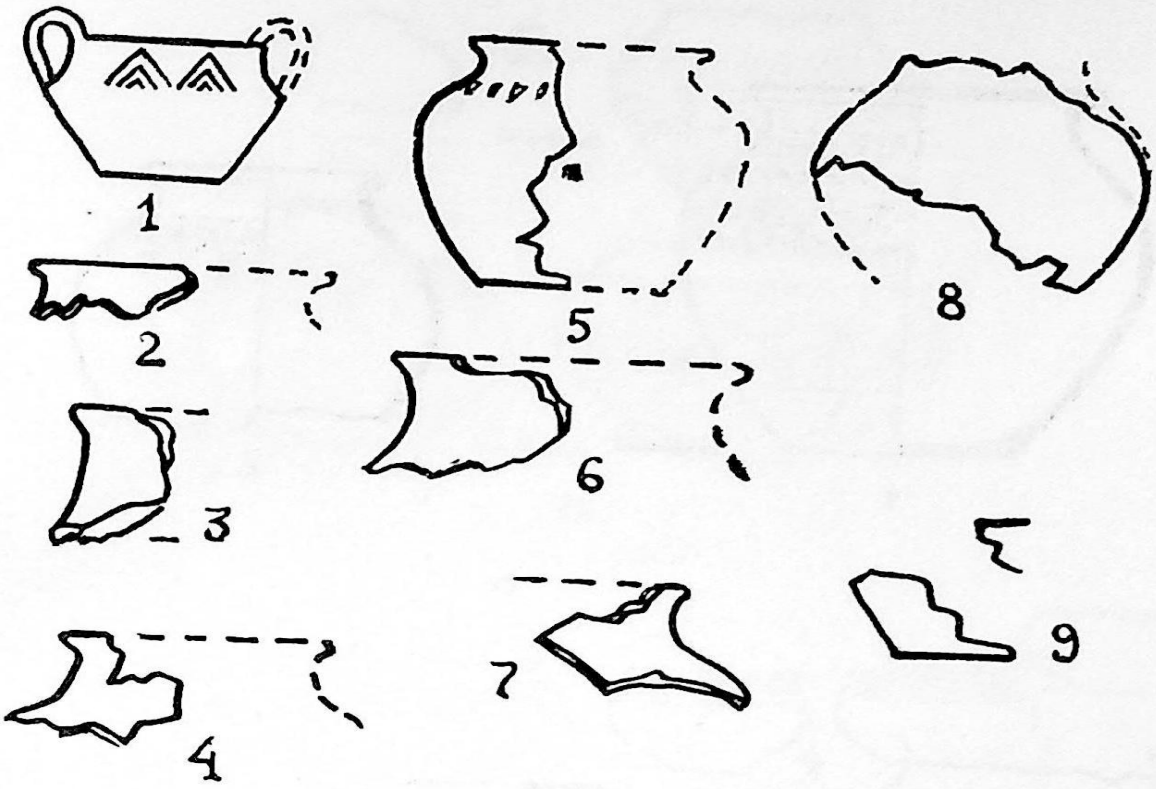
XXX — Gurjaany region, village Melaany, «Pevreby», cemetery, implements of tomb № (

XXXI — Mtckheta, Samtavro cemetery; a) implements of tomb № 228
b) implements of tomb № 80.

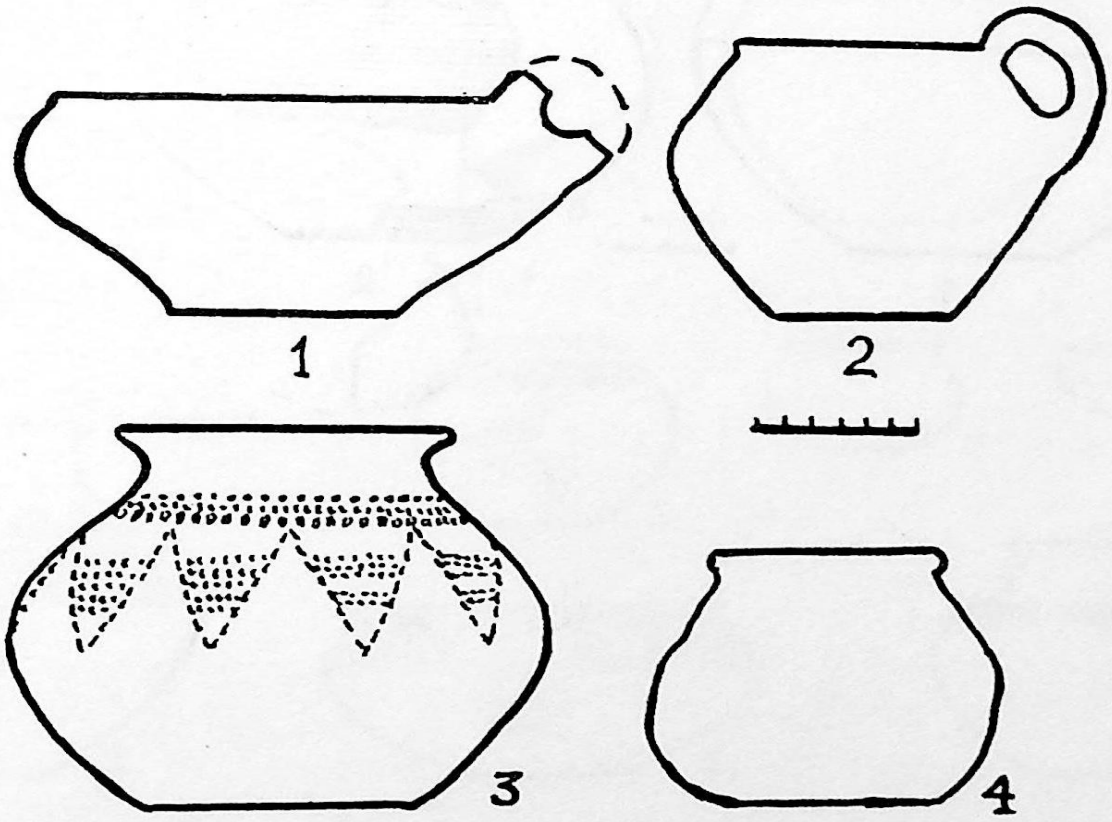
XXXII — Summary table of armour-clad plates: 1,2—Kakhety, «Gadrekily» cemetery, tomb № 10; 3,4—Kakhety, «Gadrekily» cemetery, tomb № 105; 5,6—Kakhety, «Gadrekily» cemetery ,tomb № 26; 7,8—Kakhety, «Gadrekily» cemetery, tomb № 26;
9,10 — Kakhety, the tomb at village Ulianovka (Tcitely Goreby);
11,12 — Kakhety, village Magaro, pit-tomb;
13;— Bogazkoy[309]; 14—Alalakh [260, plate LXXI];
15 — Tell-Riphat [307, fig. 73 (2)]; 16 — Megido [313, fig. 177];
17 — Goga-Zanbil [314. plate XCII]; 18—Troy [315, pl. 297];
19 — Tell-Fakhar [316, Pl. 24]; 20—Nimrud [317]; 21—Nuzi [310]; 22—Hama [310];
23—Ras-shamra [311]; 24—Assyria [318]; 25—Egypt [307, fig. 70]; 26—Urarty [319, fig. 21, 23, 24]; 27 — Altyn-tepe (Urarty) [320, pl. XVII (2)]; 28—Persepoly [307];
29—Scythia (307); 30—Hungary [307, fig. 74];

ცხრილები

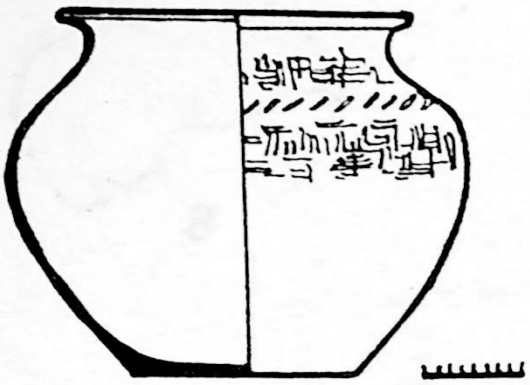
ТАБЛИЦЫ



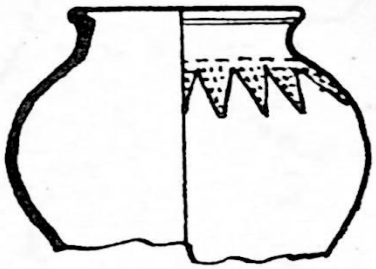
а



б

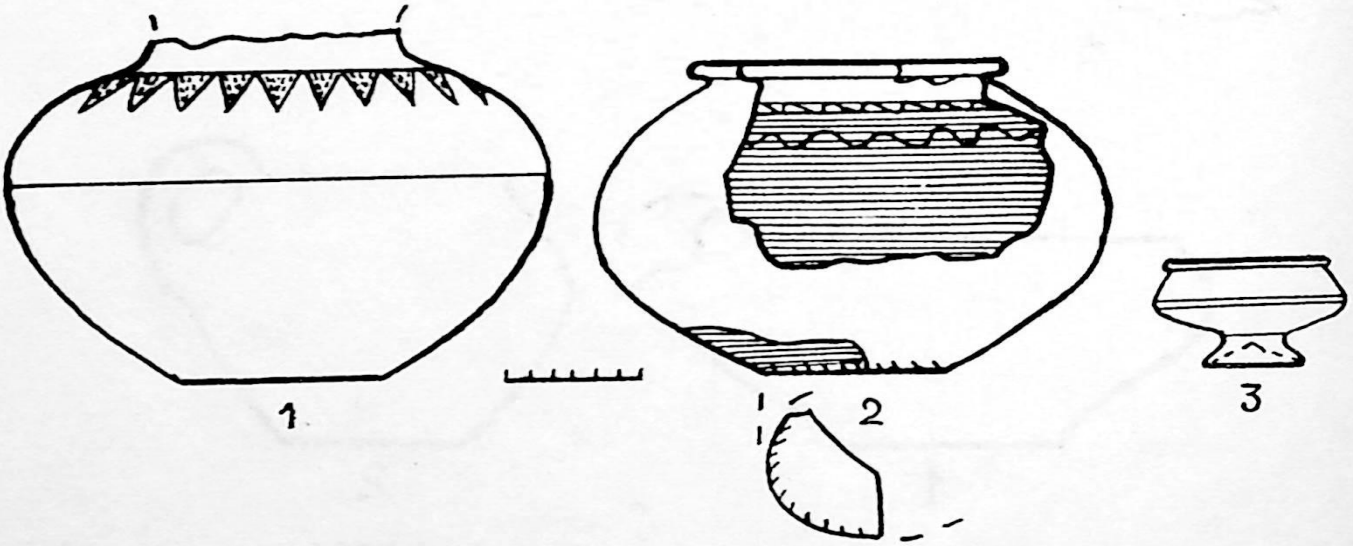


1



2

а

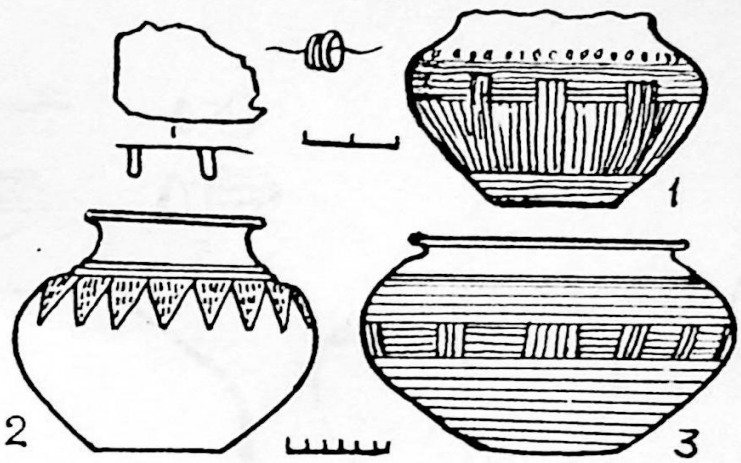


1

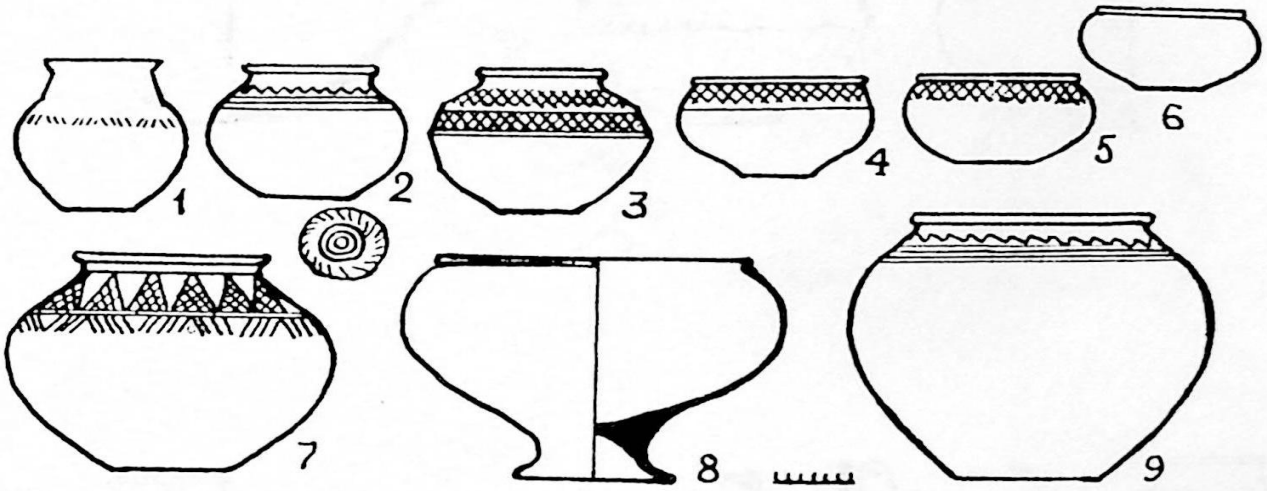
2

3

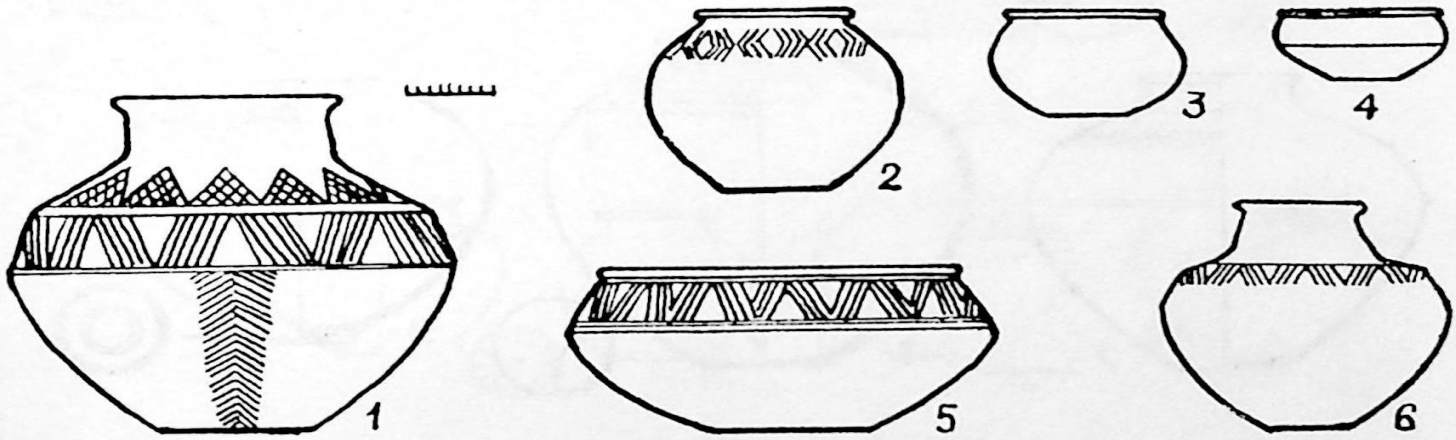
д



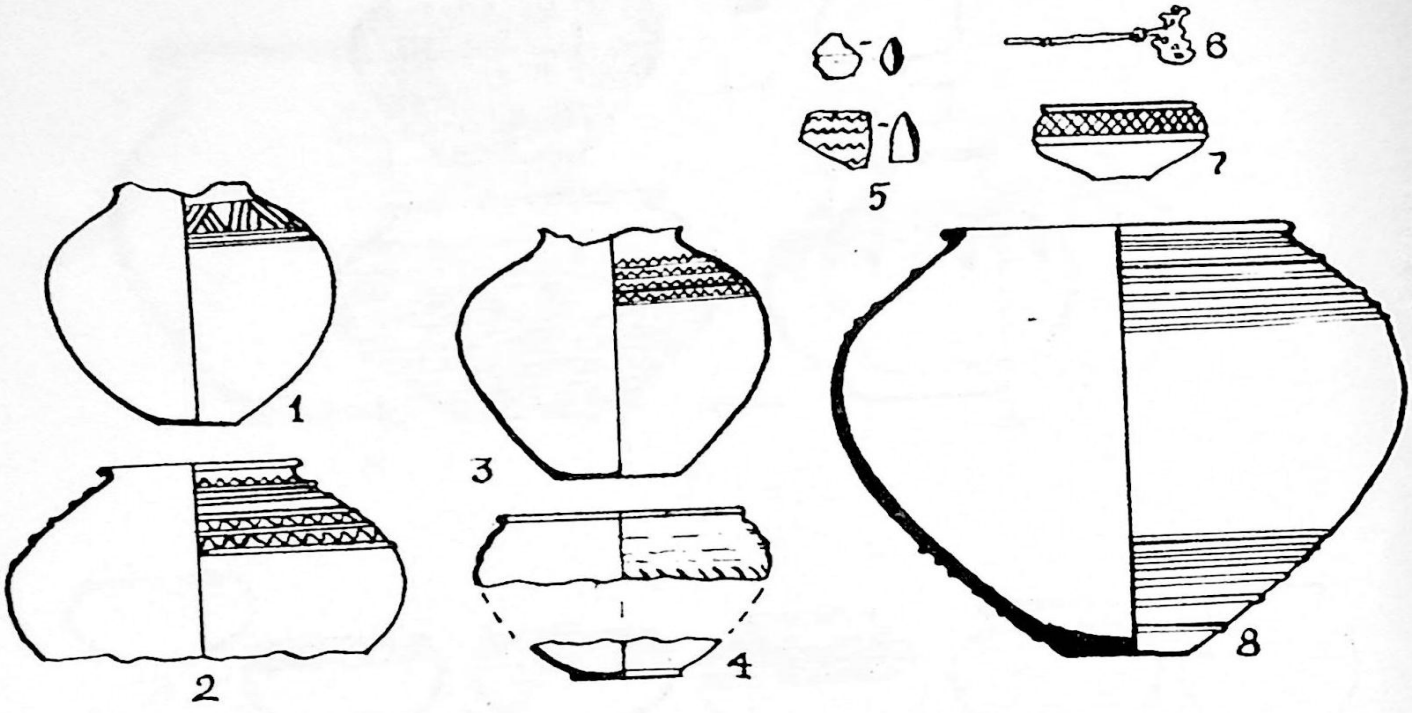
а



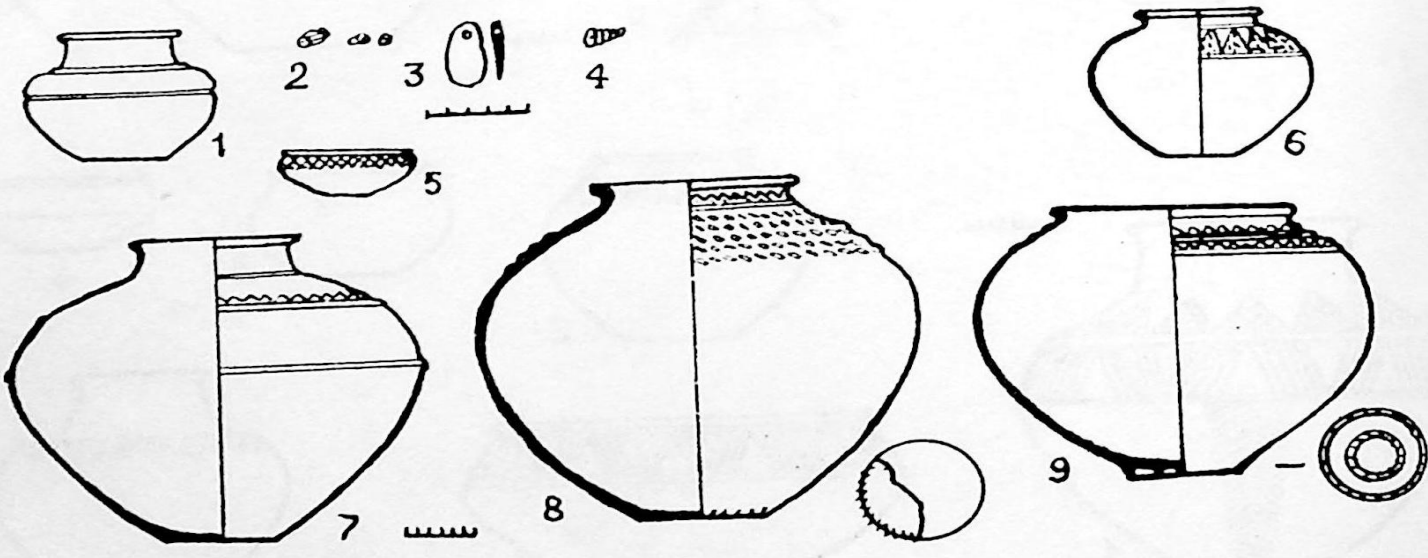
б



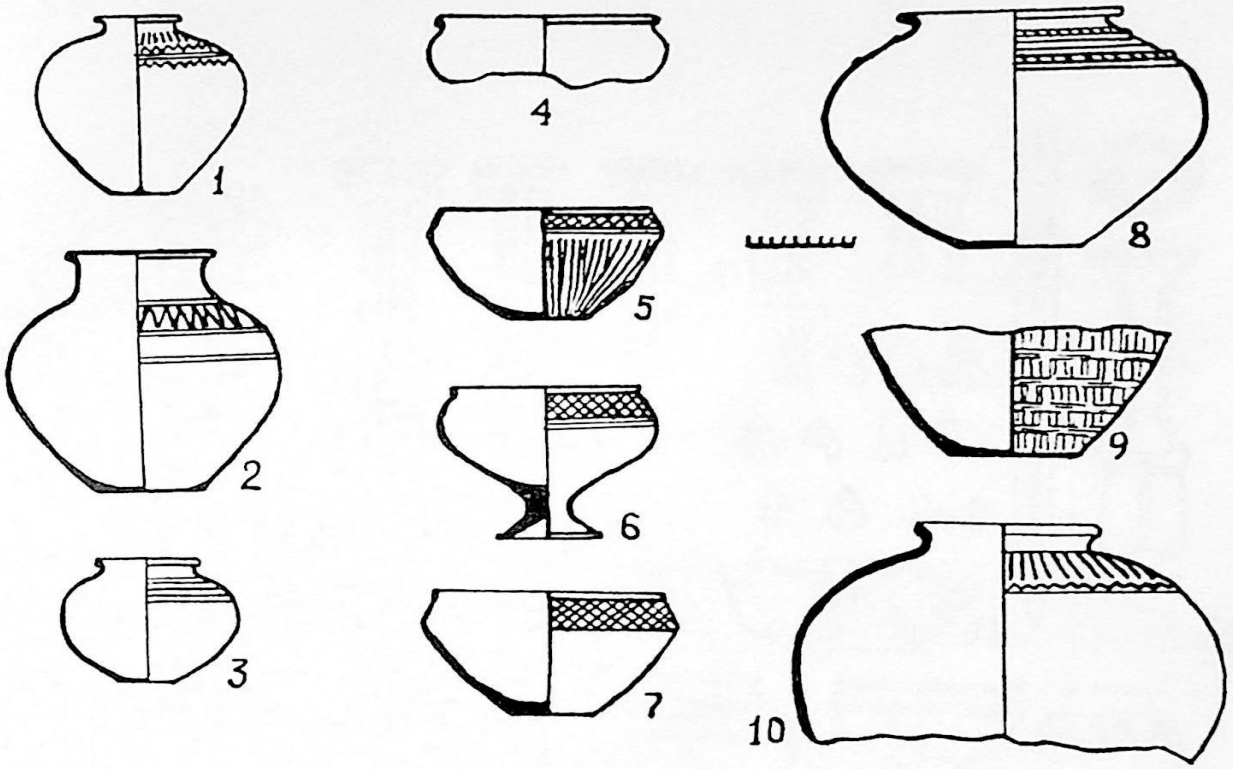
в



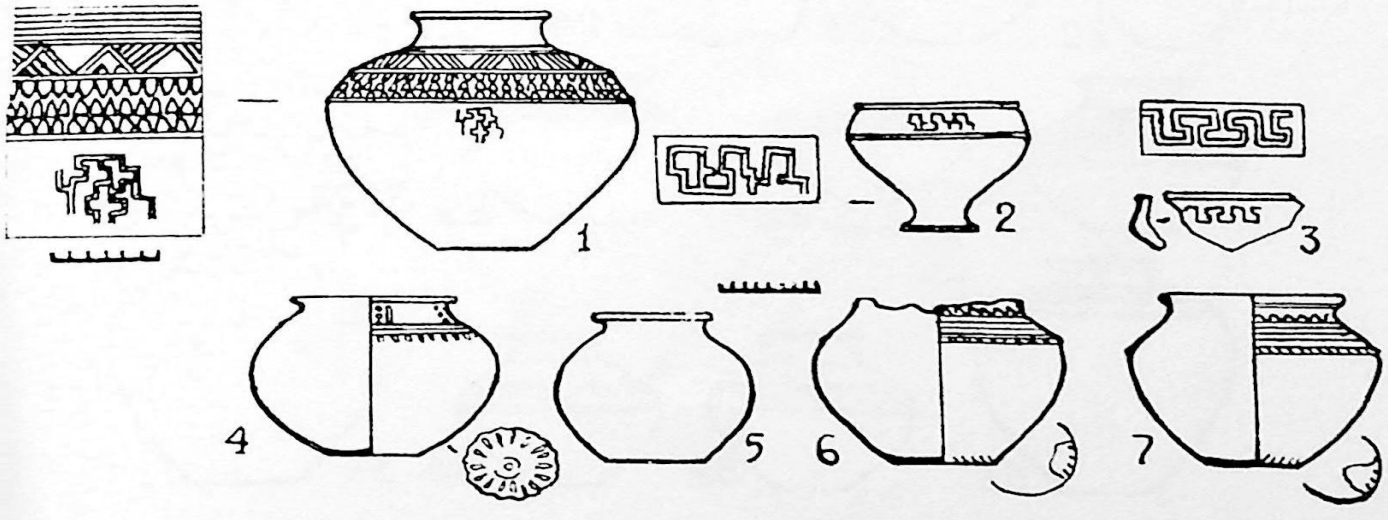
a



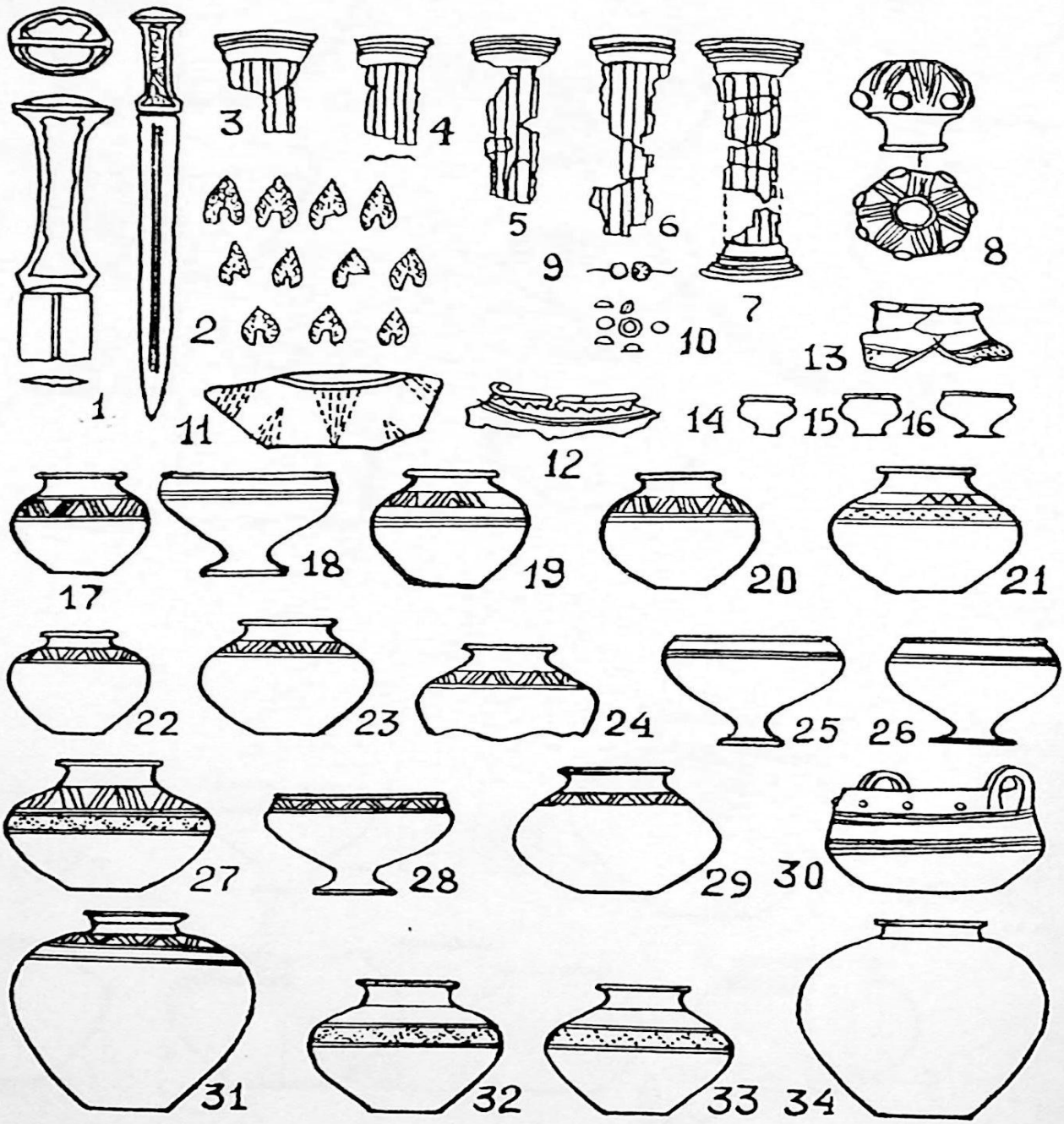
d

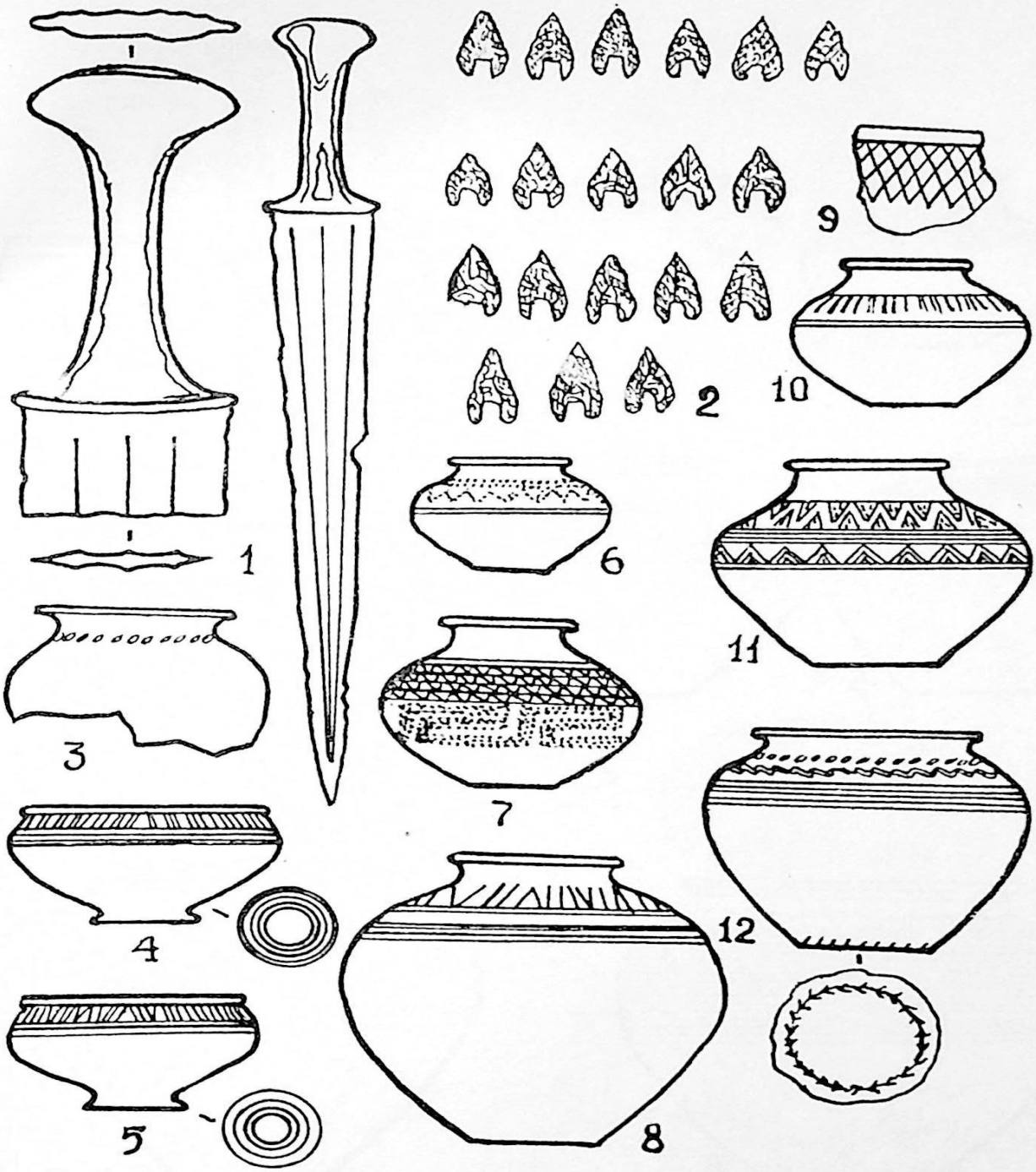


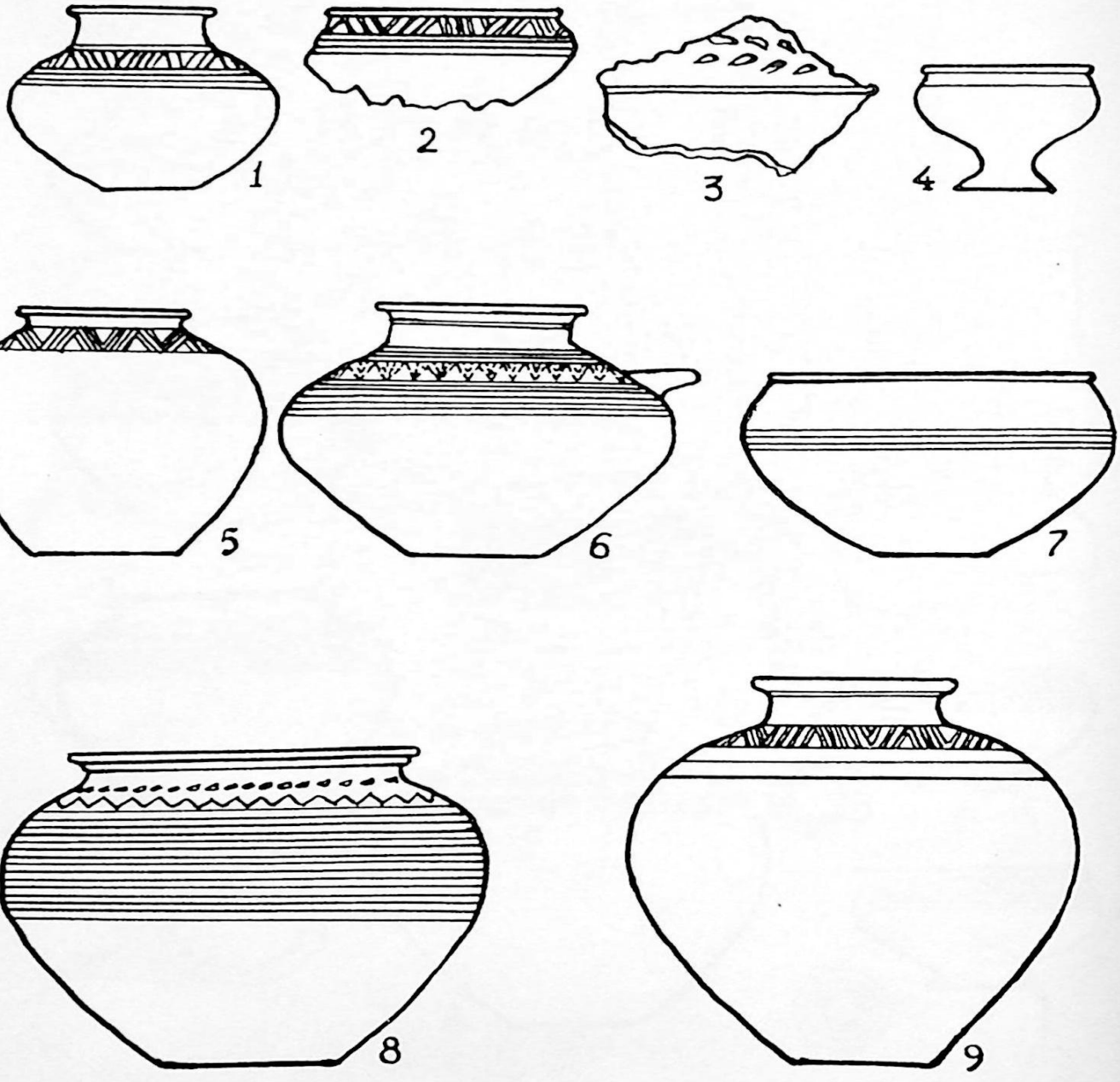
a

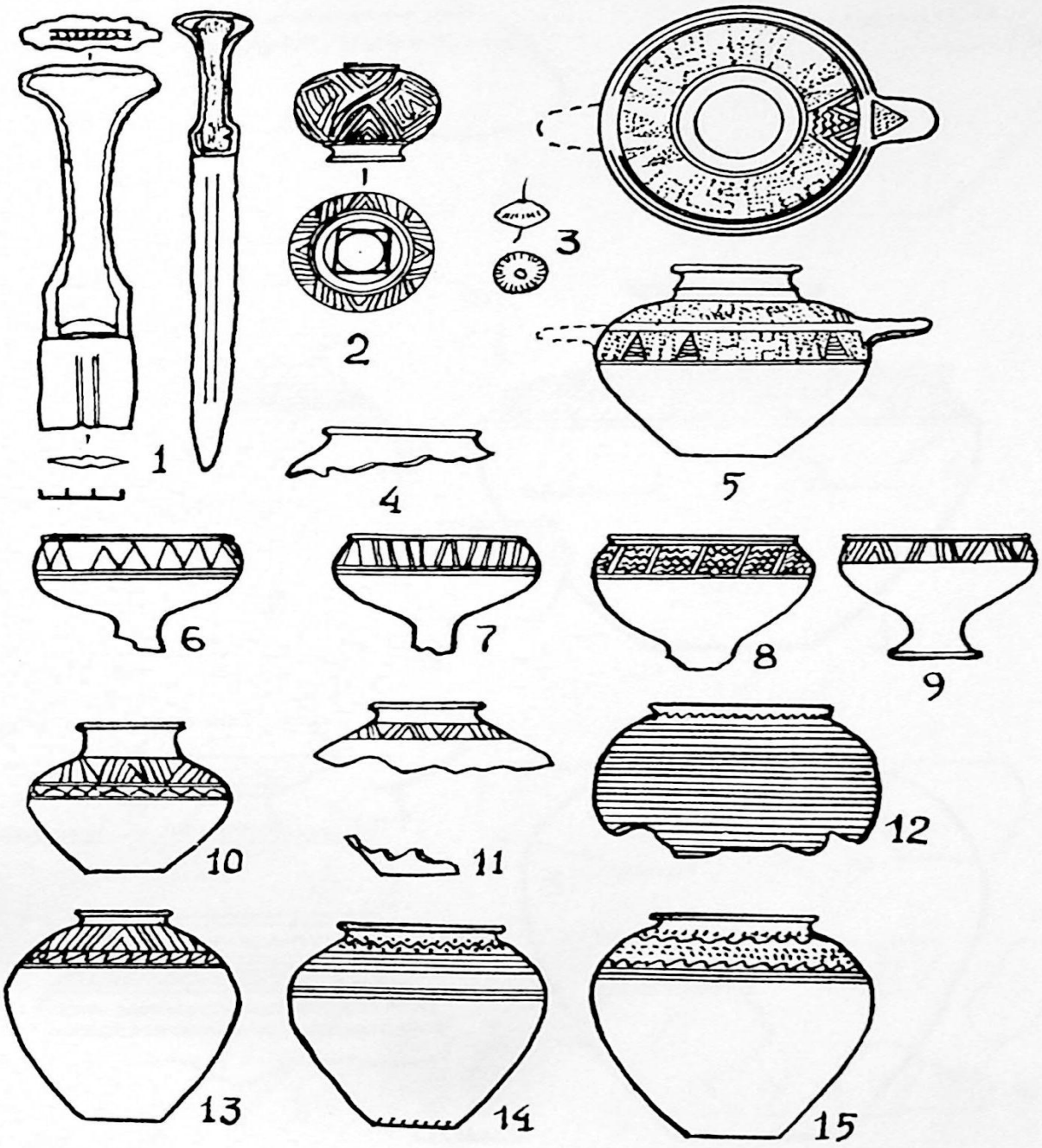


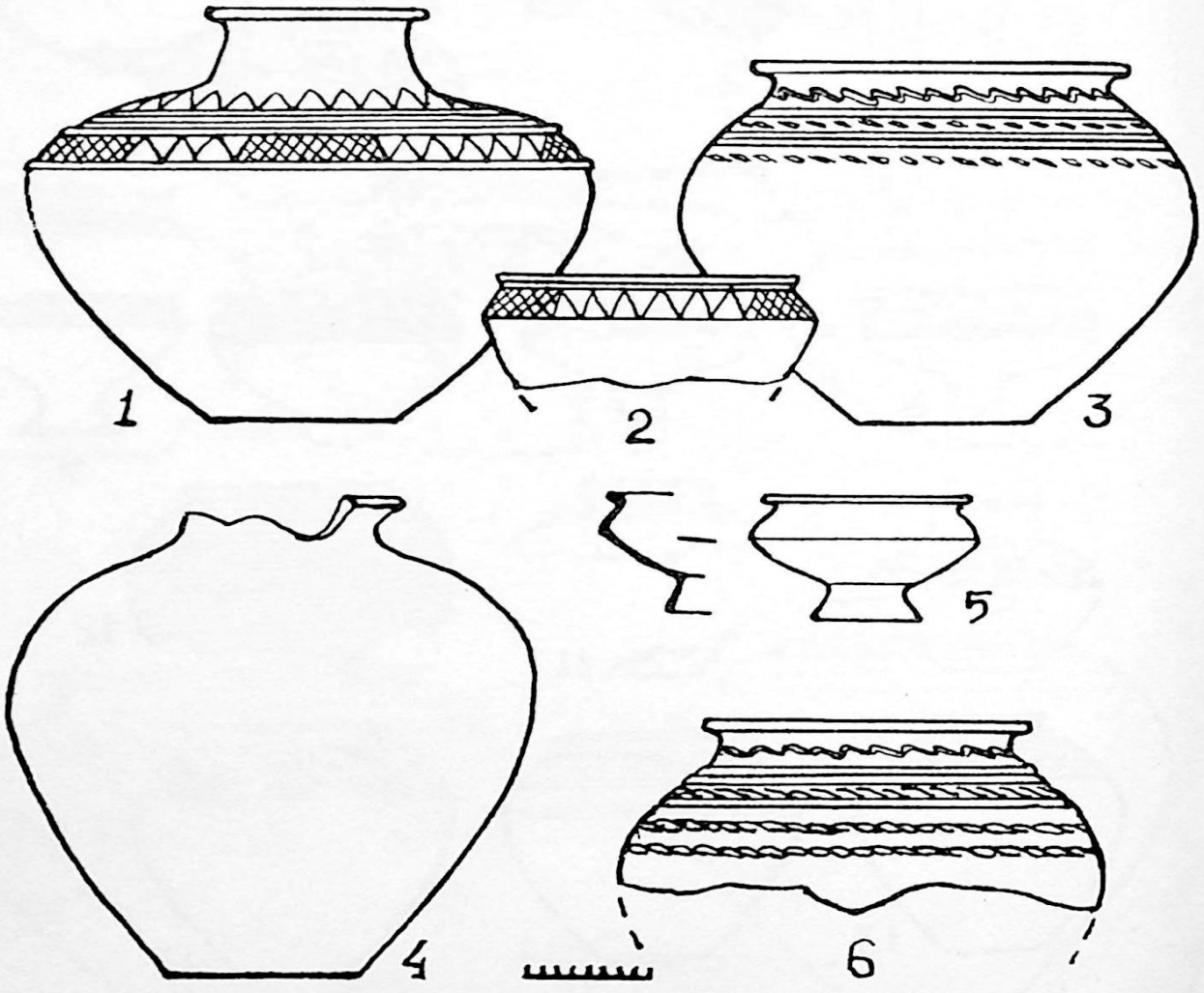
d

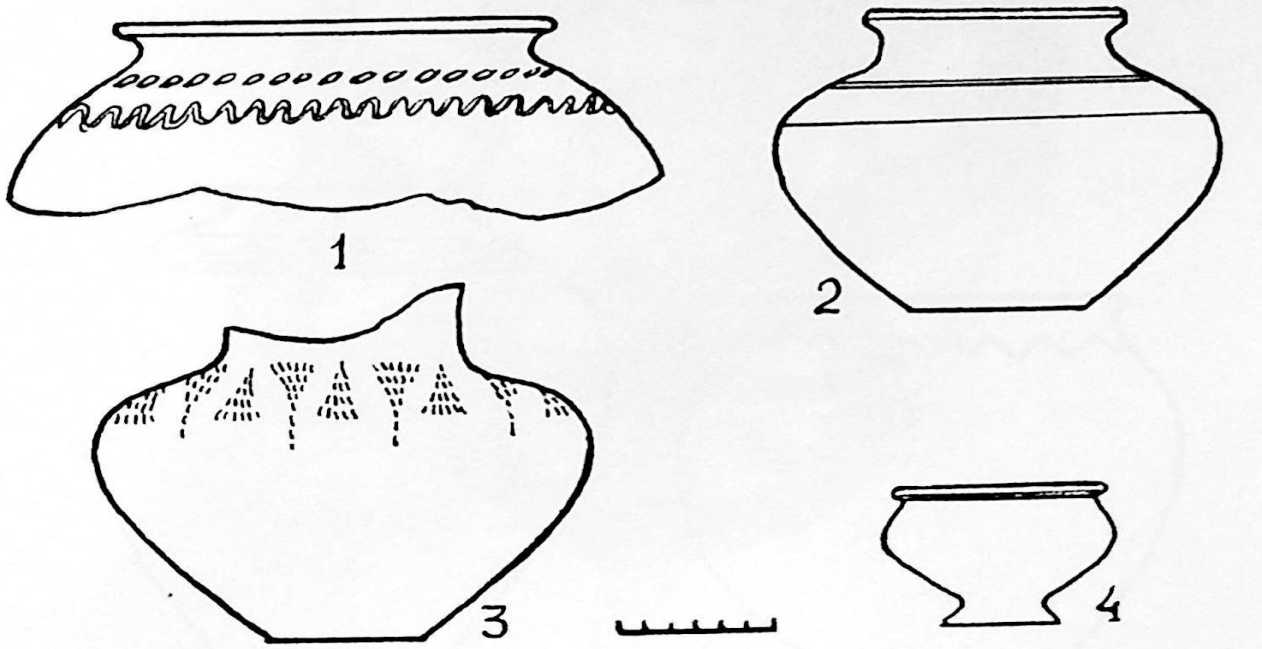

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

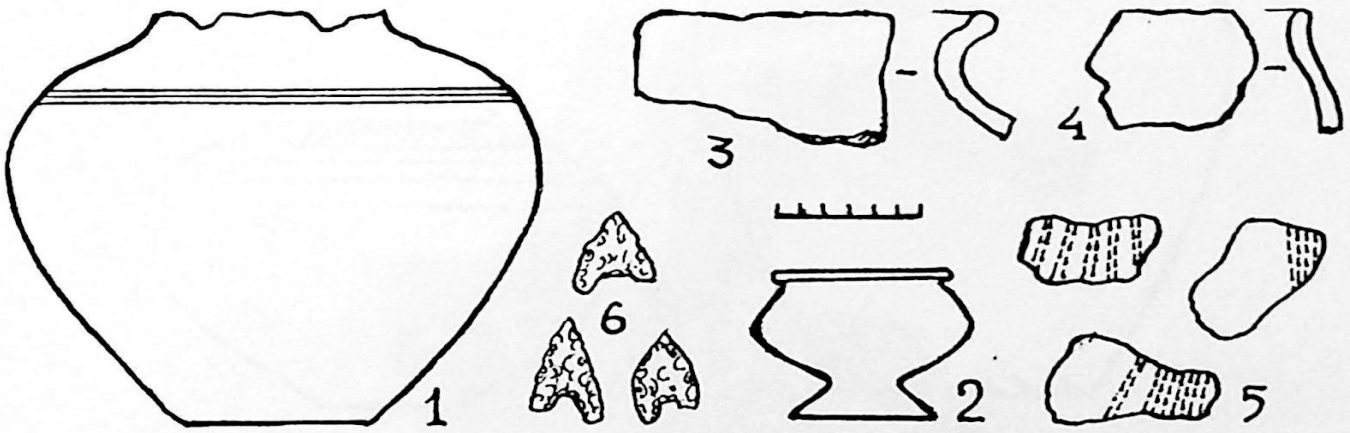

1
2
3
4
5
6
7
8
9


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

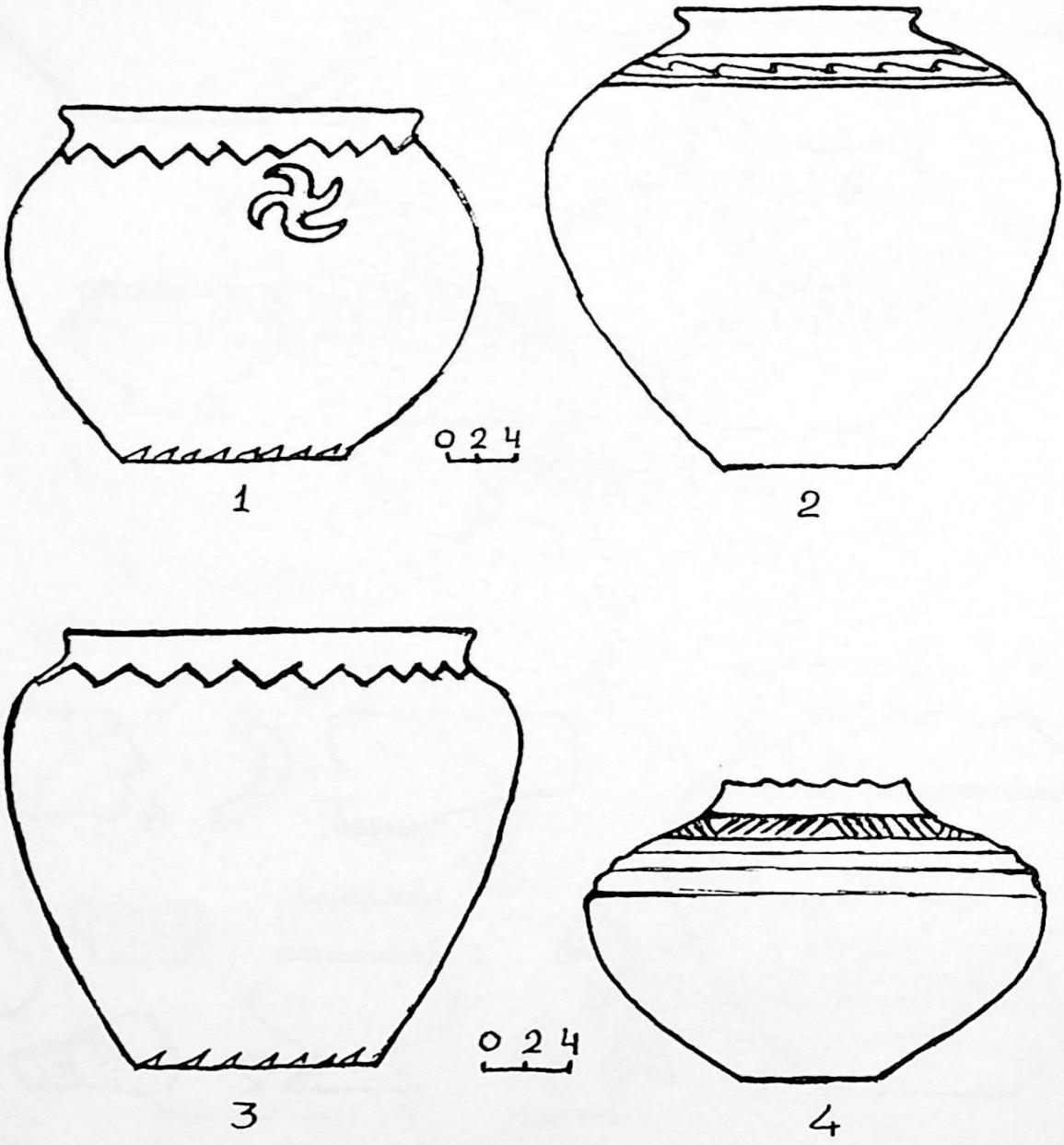

1
2
3
4
5
6

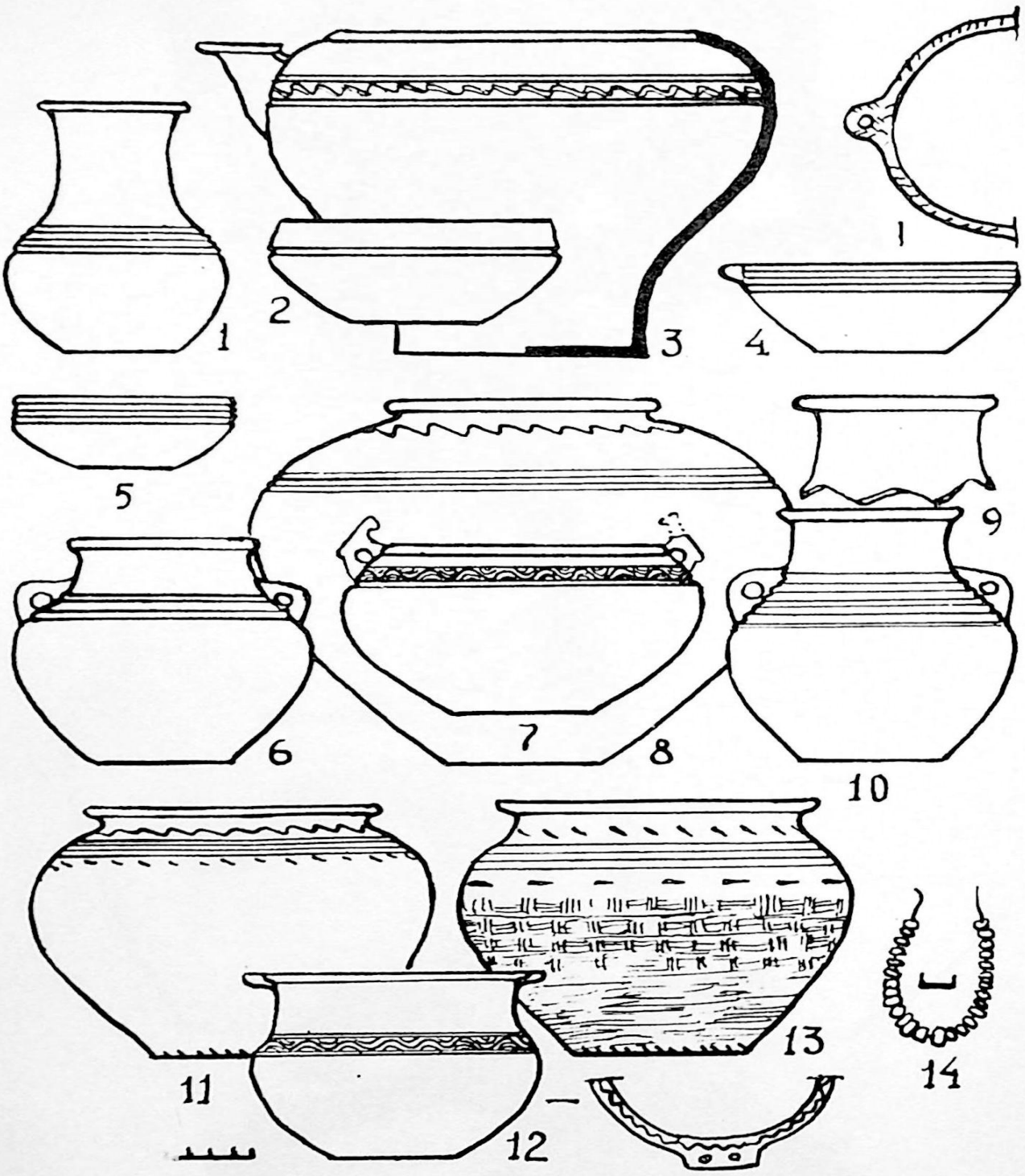


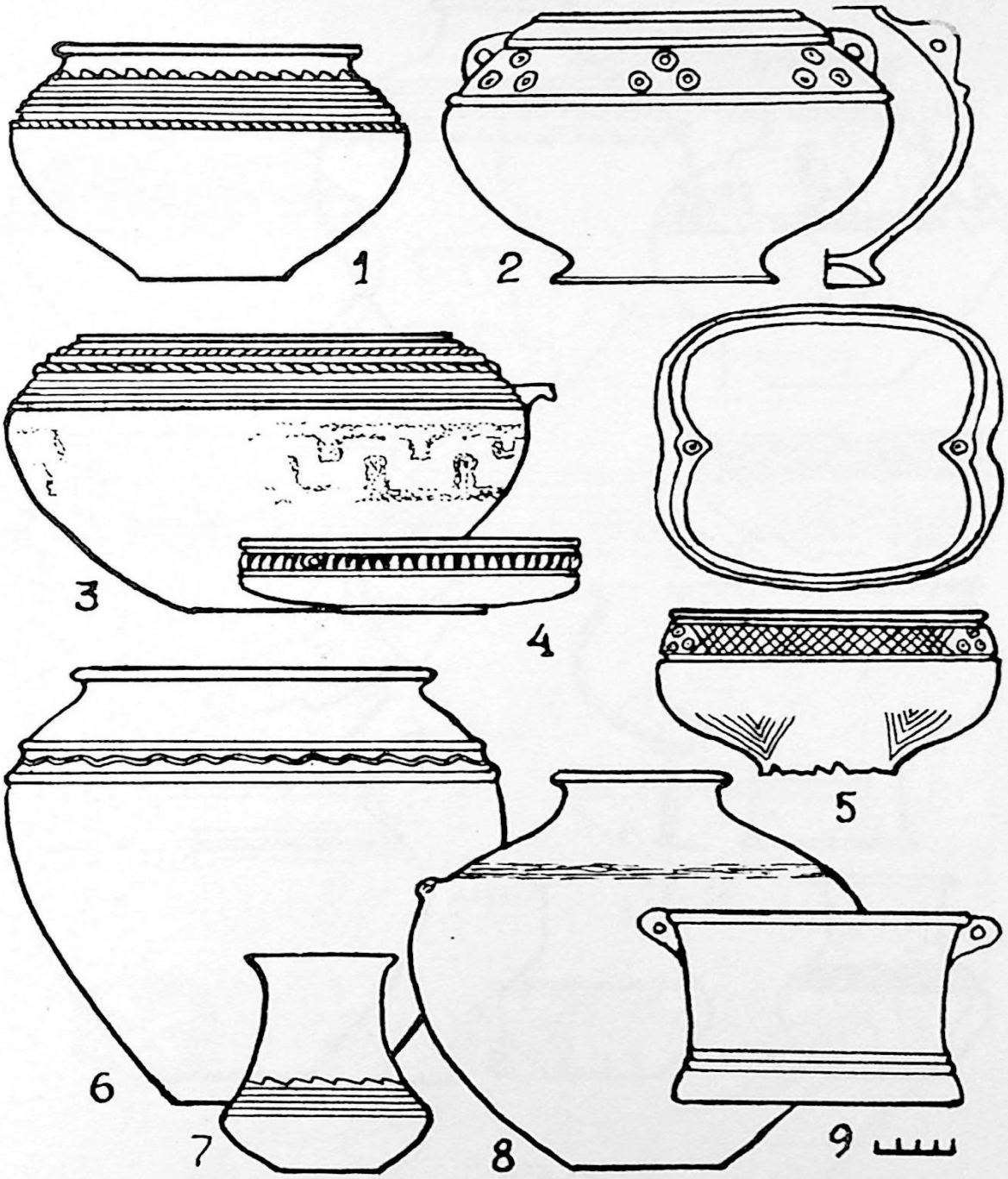
а

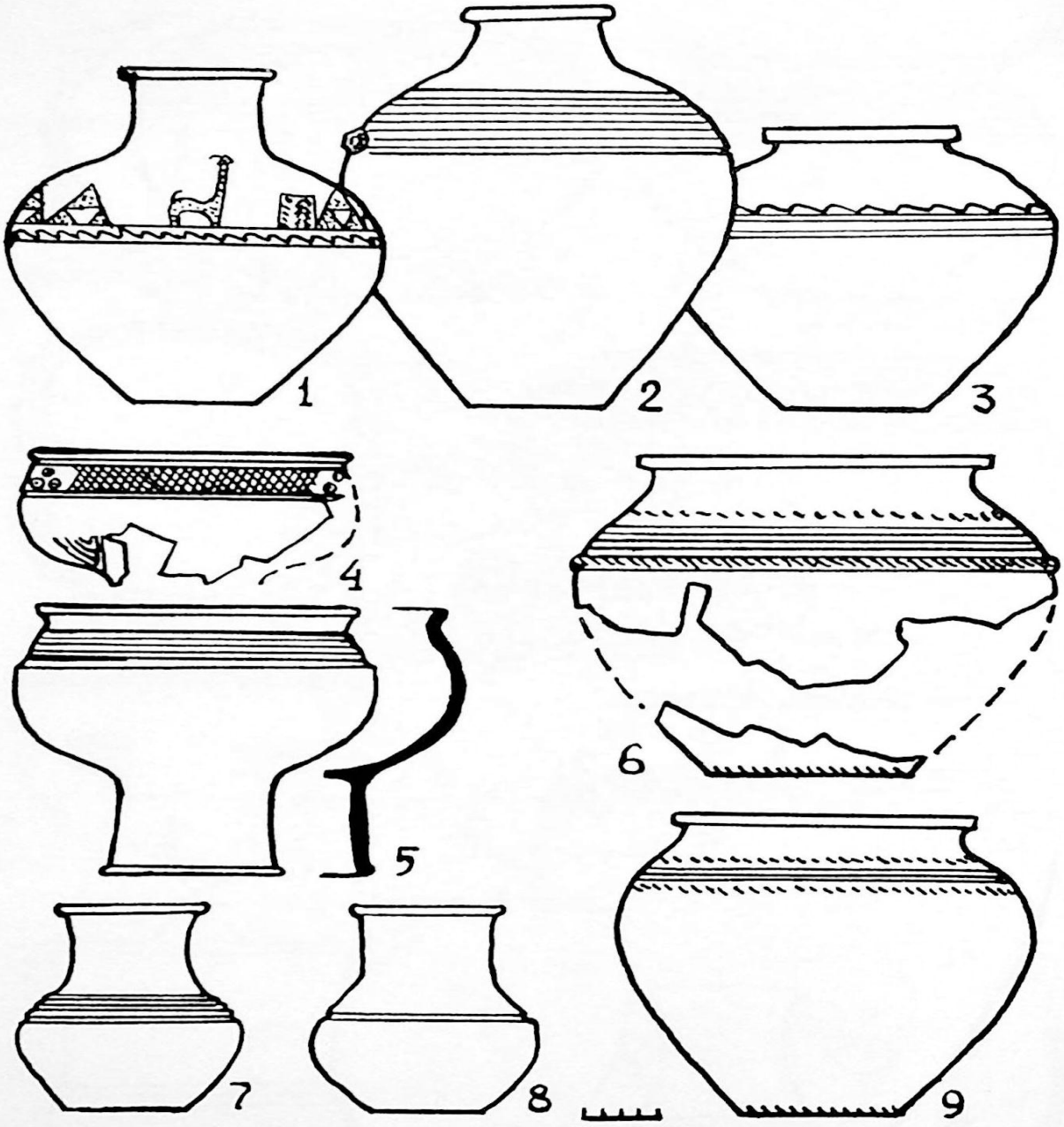


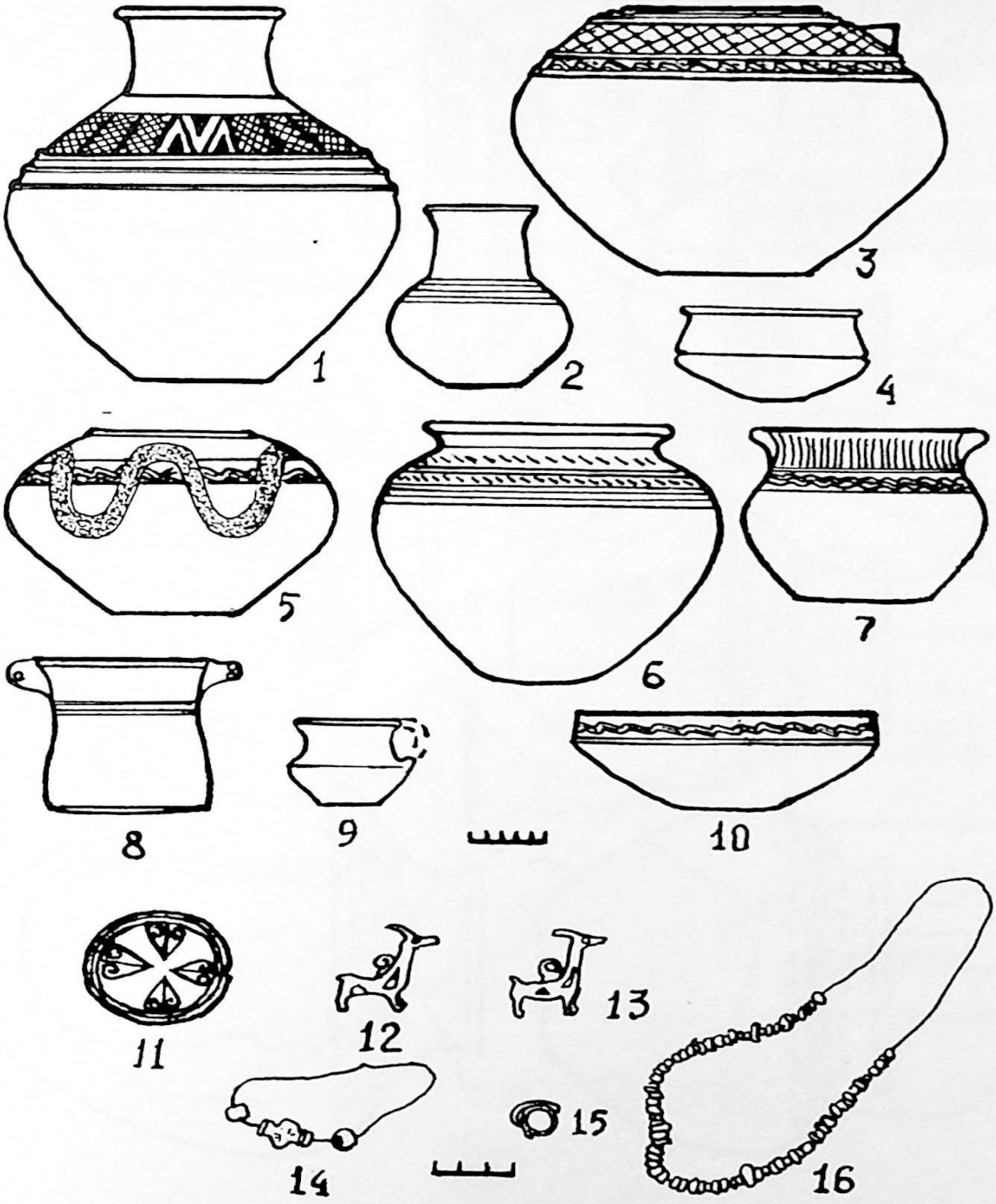
б

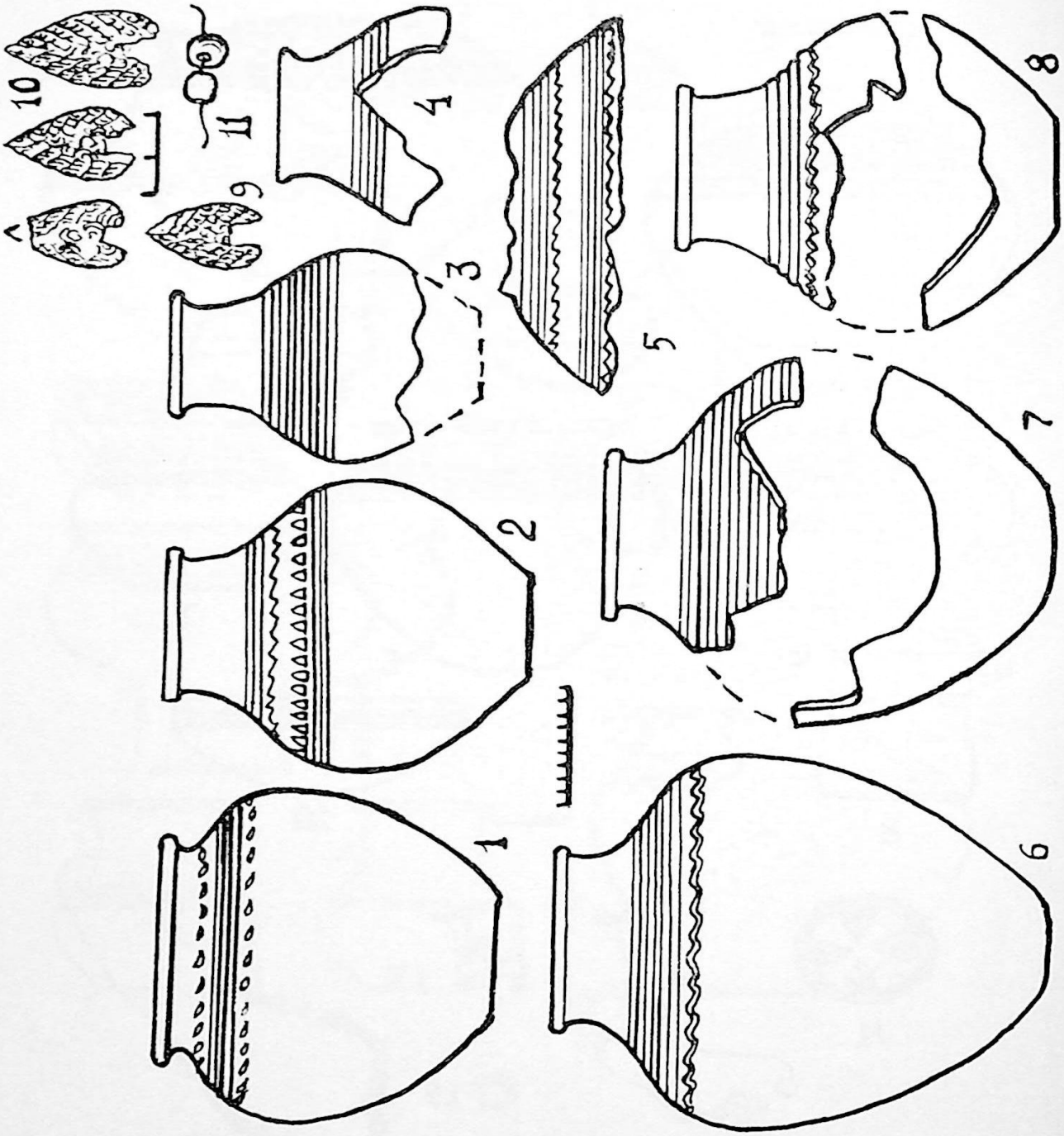

0 2 4
1
2
3
0 2 4
4

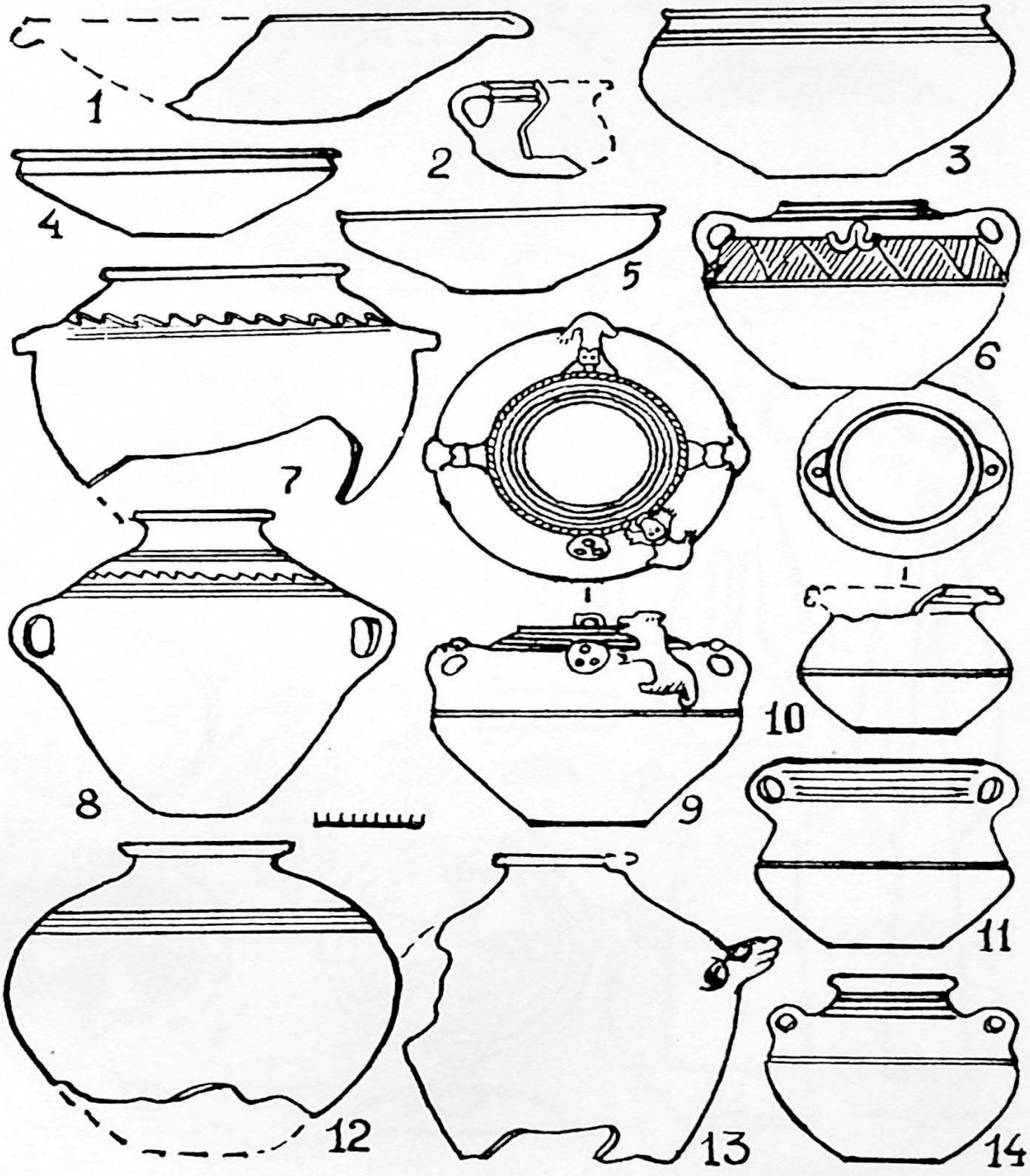

1
2
3
4
1
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

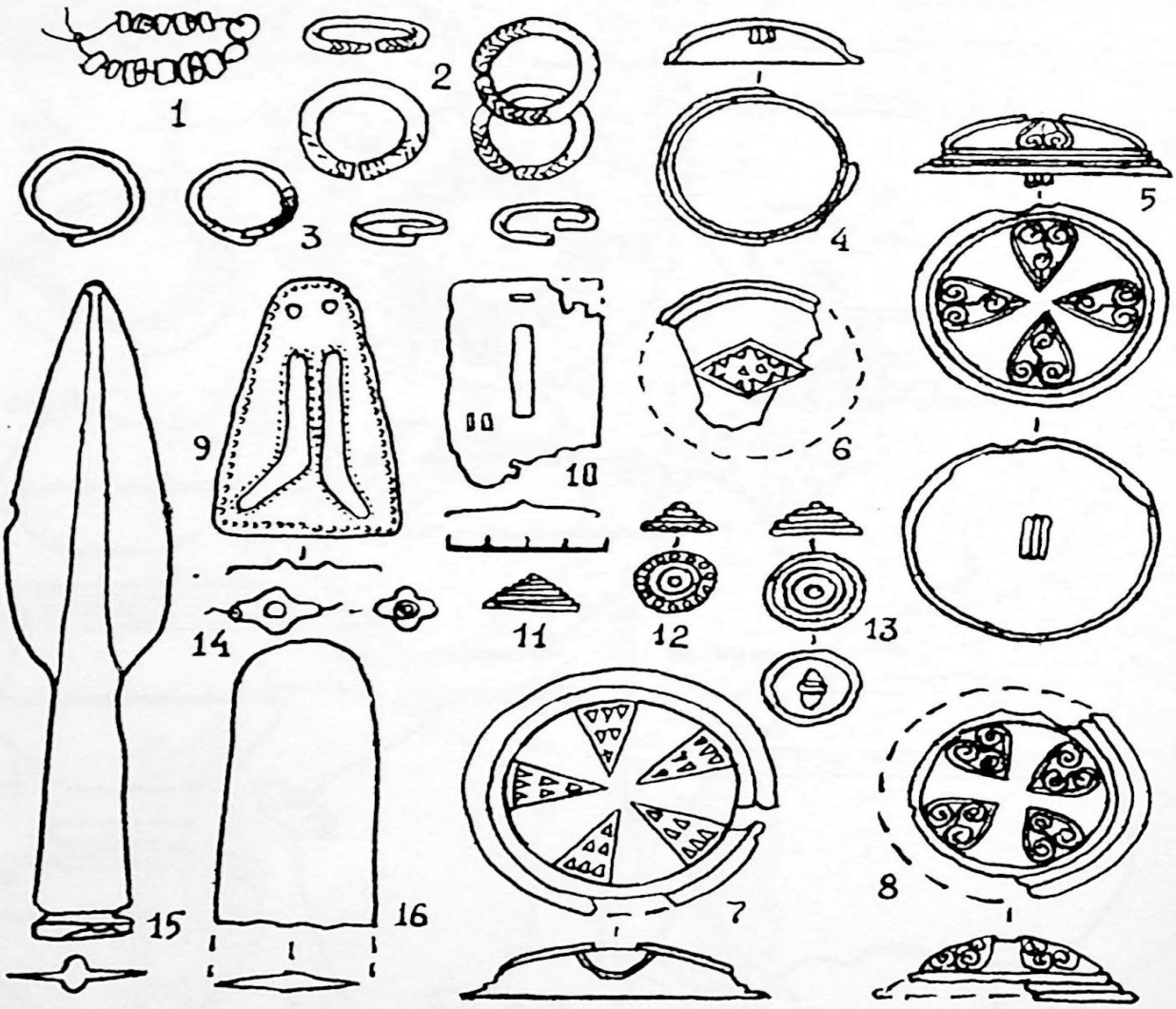

1
2
3
4
5
6
7
8
9

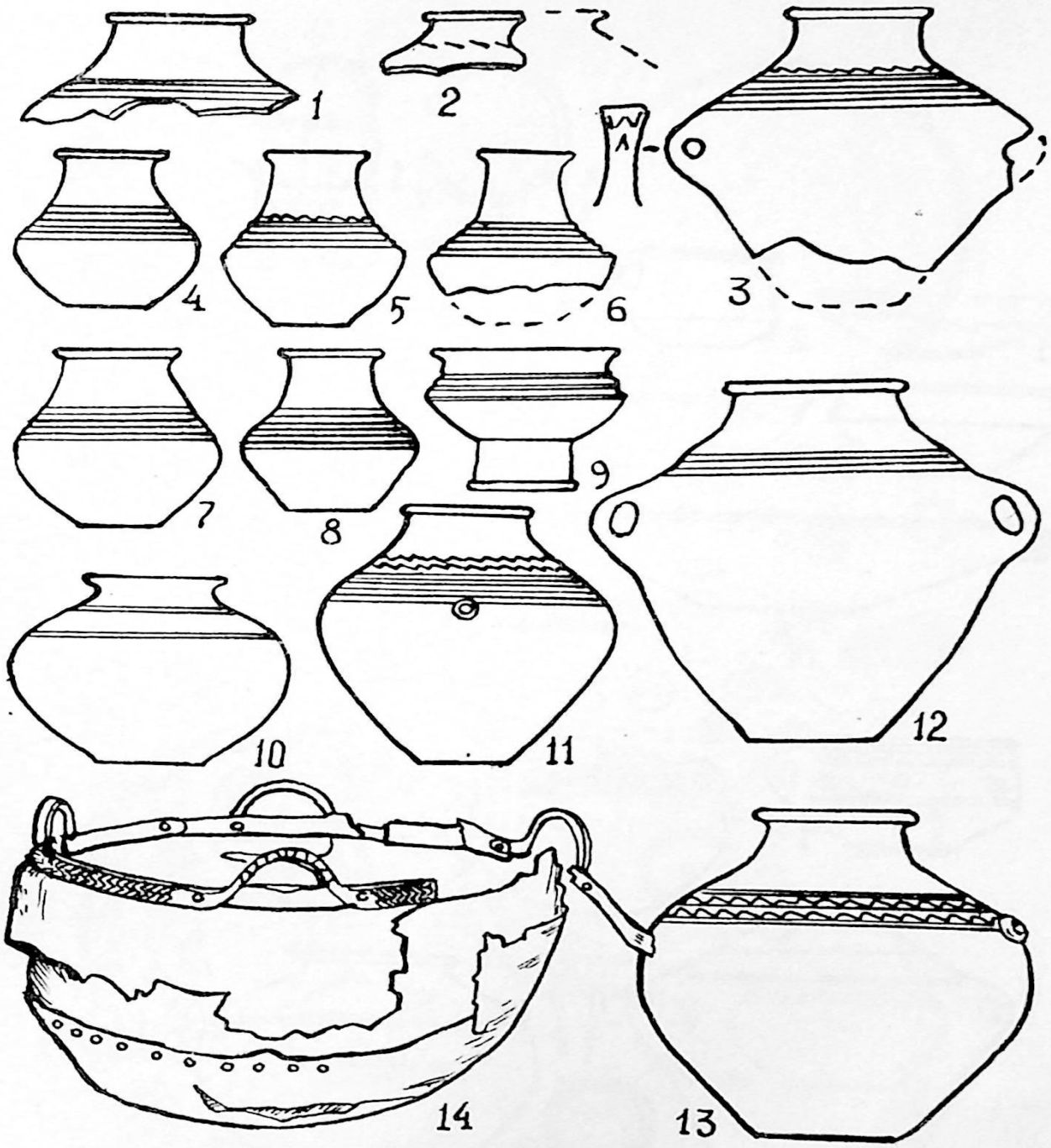

1
2
3
4
5
6
7
8
9

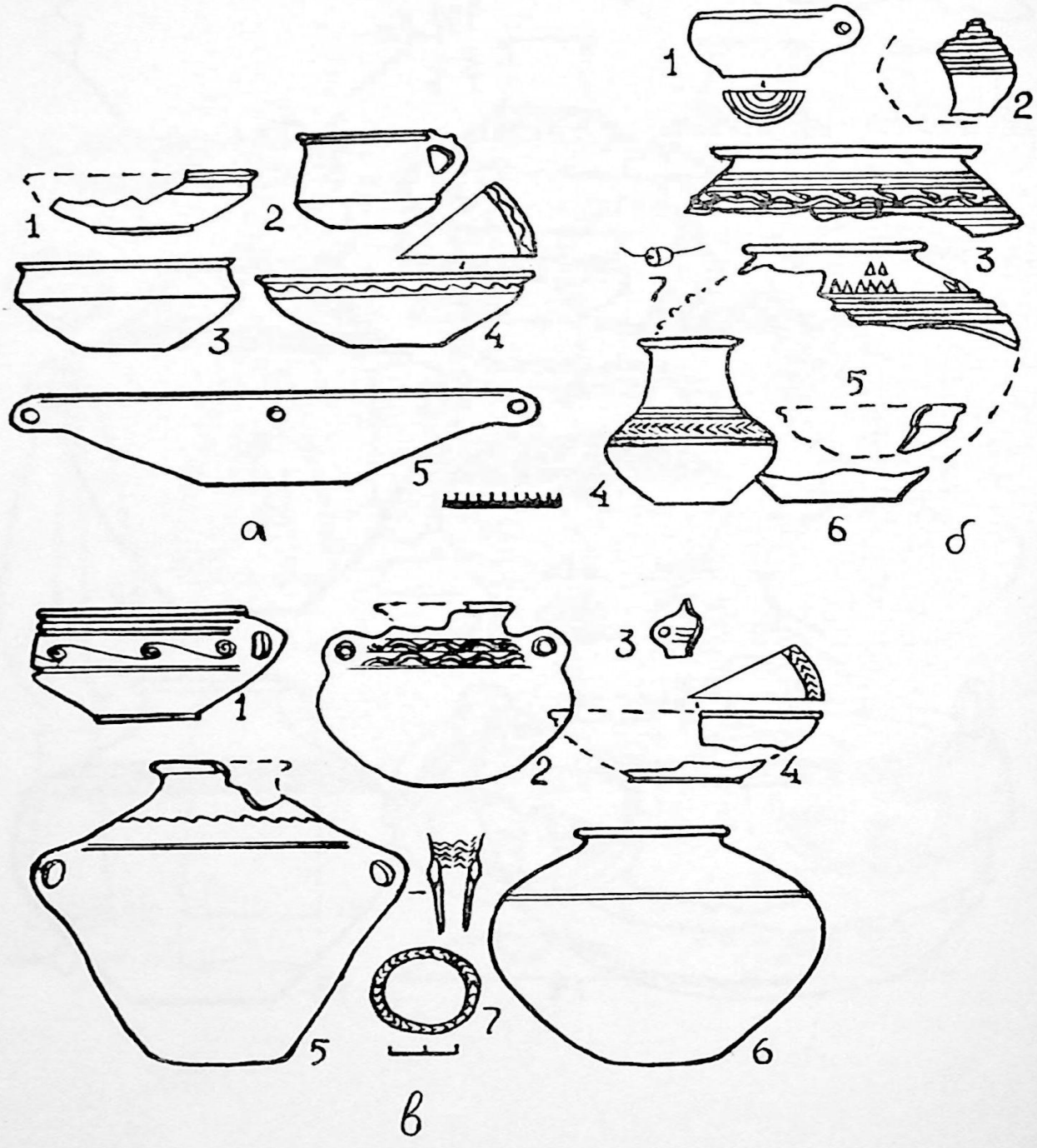

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

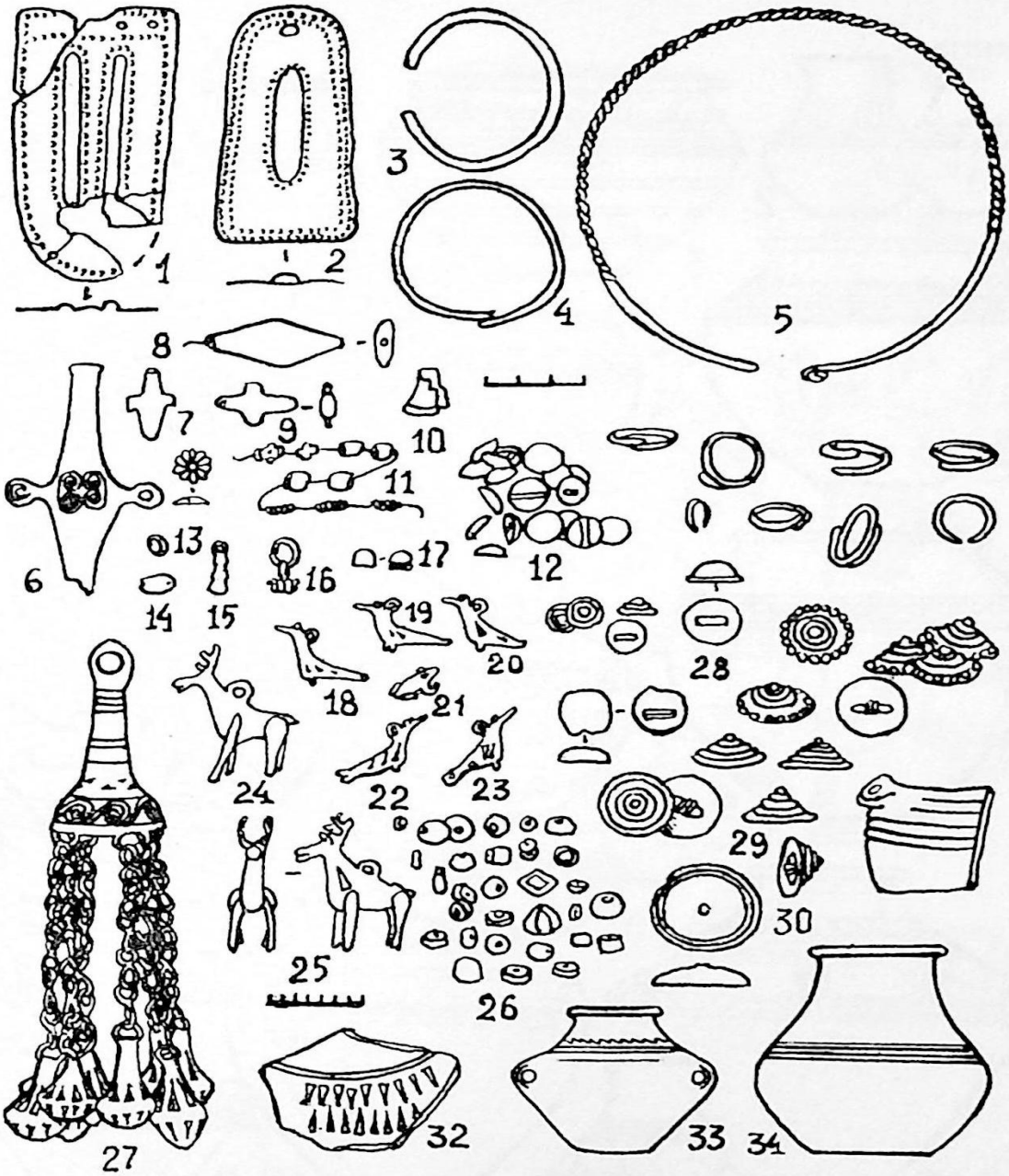

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

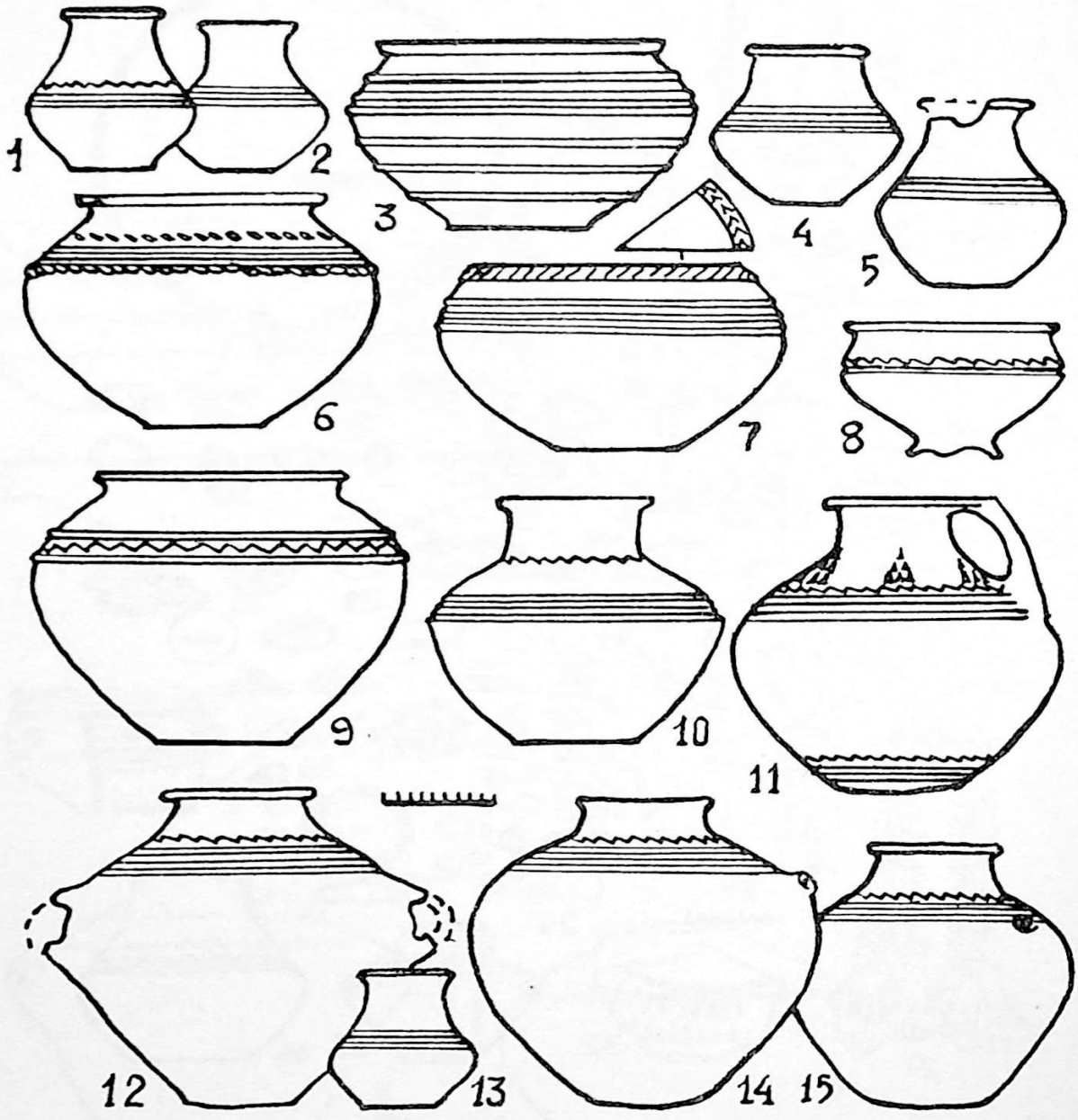

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

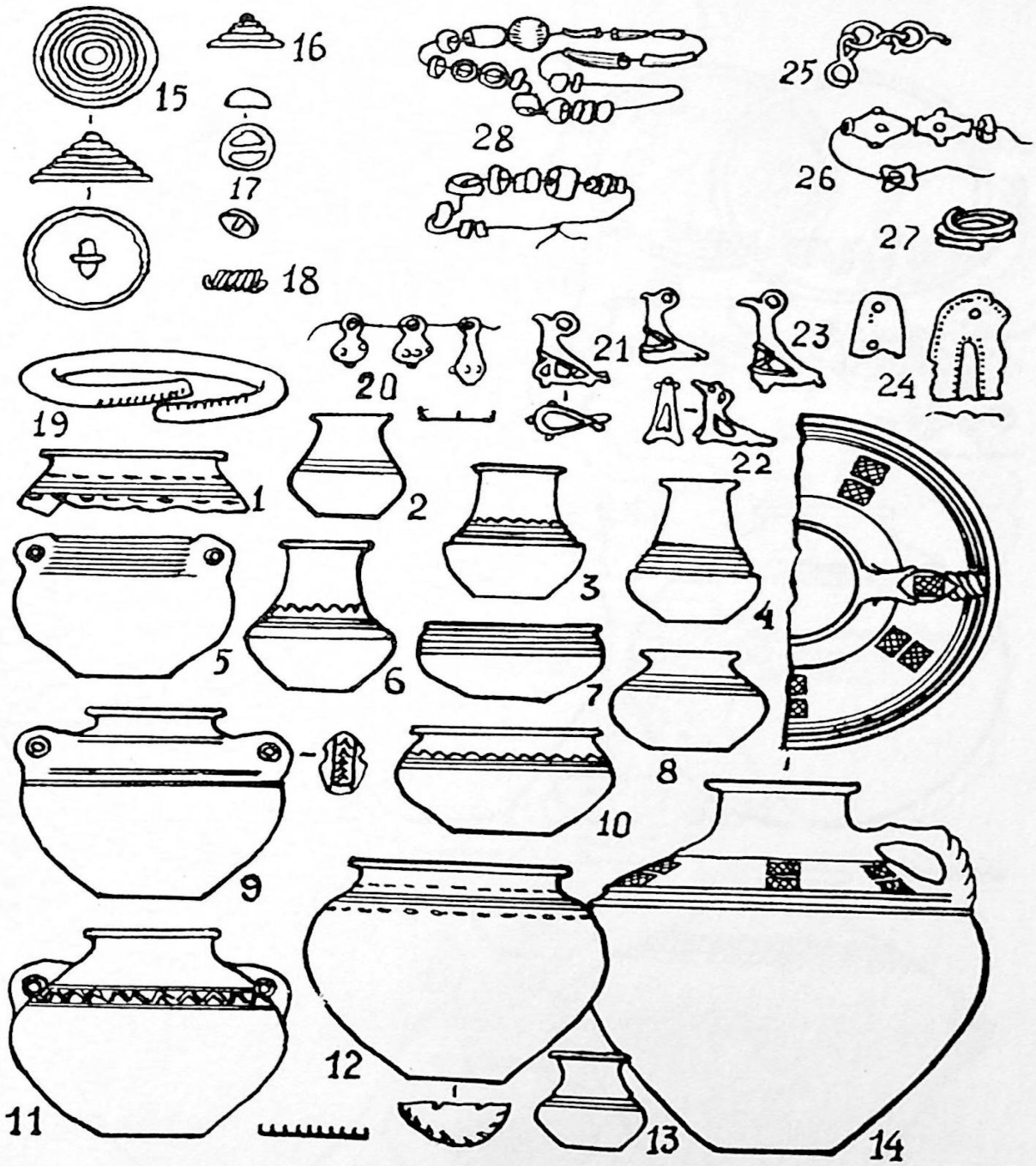

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

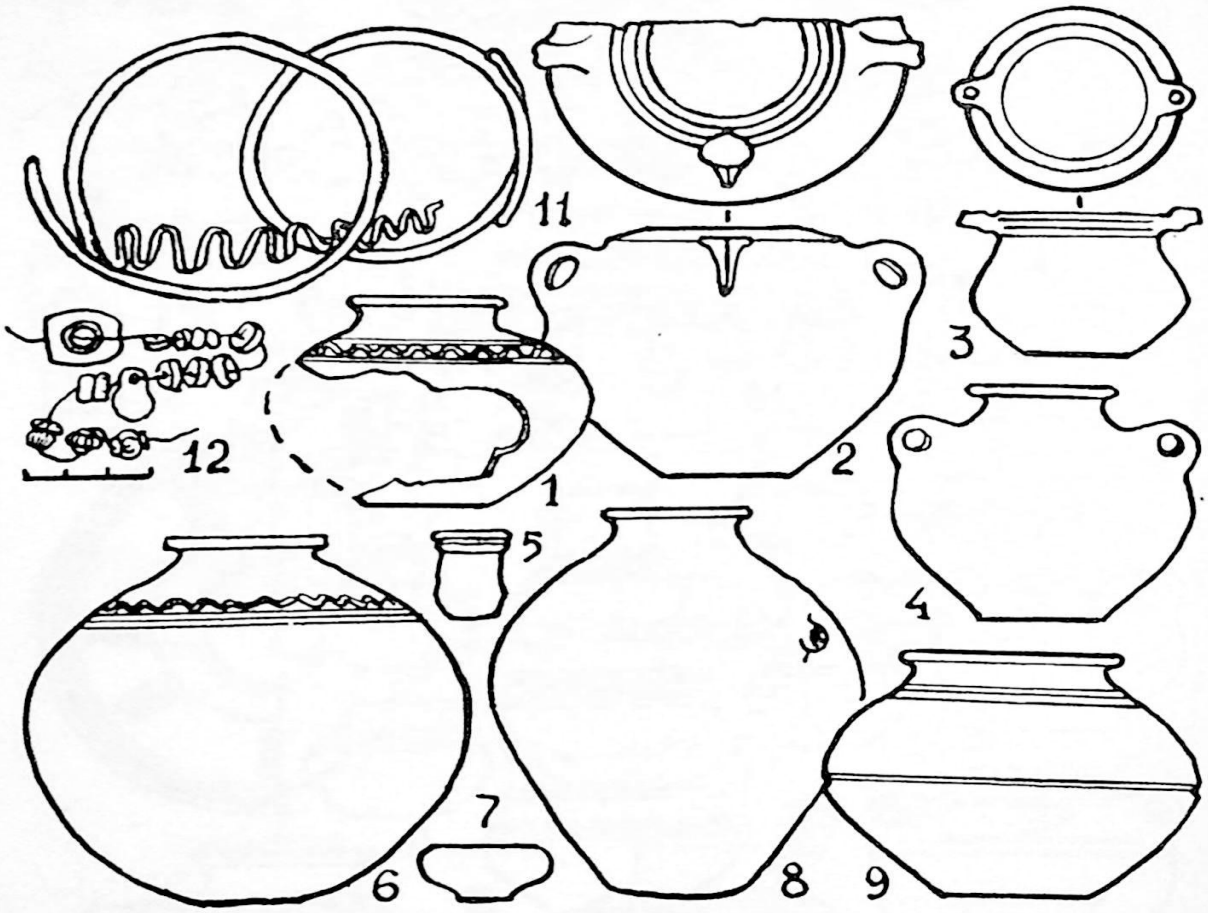

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

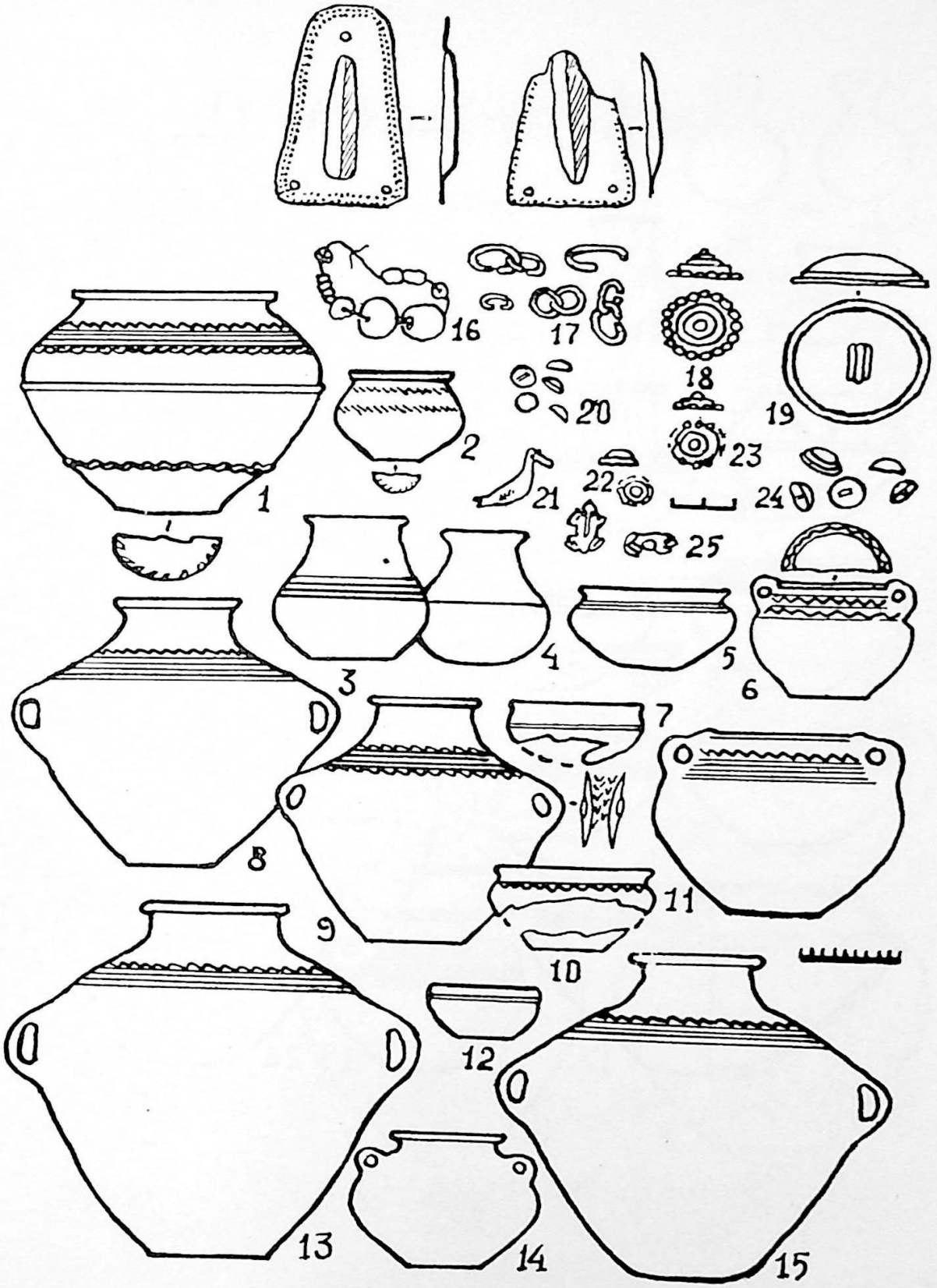

1
2
3
4
5
а
1
2
3
4
5
6
7
б
1
2
3
4
5
6
7
в

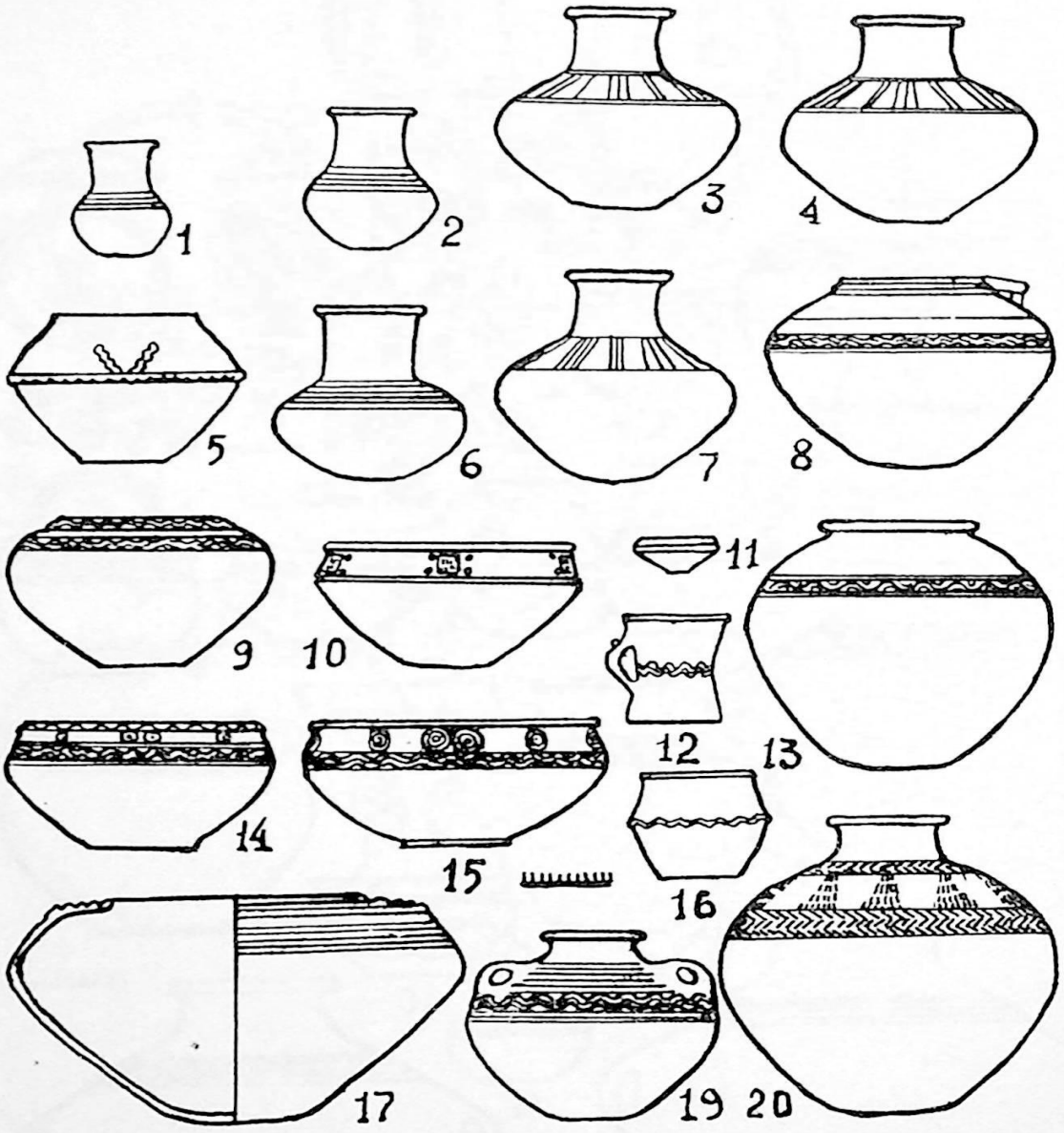

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
32
33
34

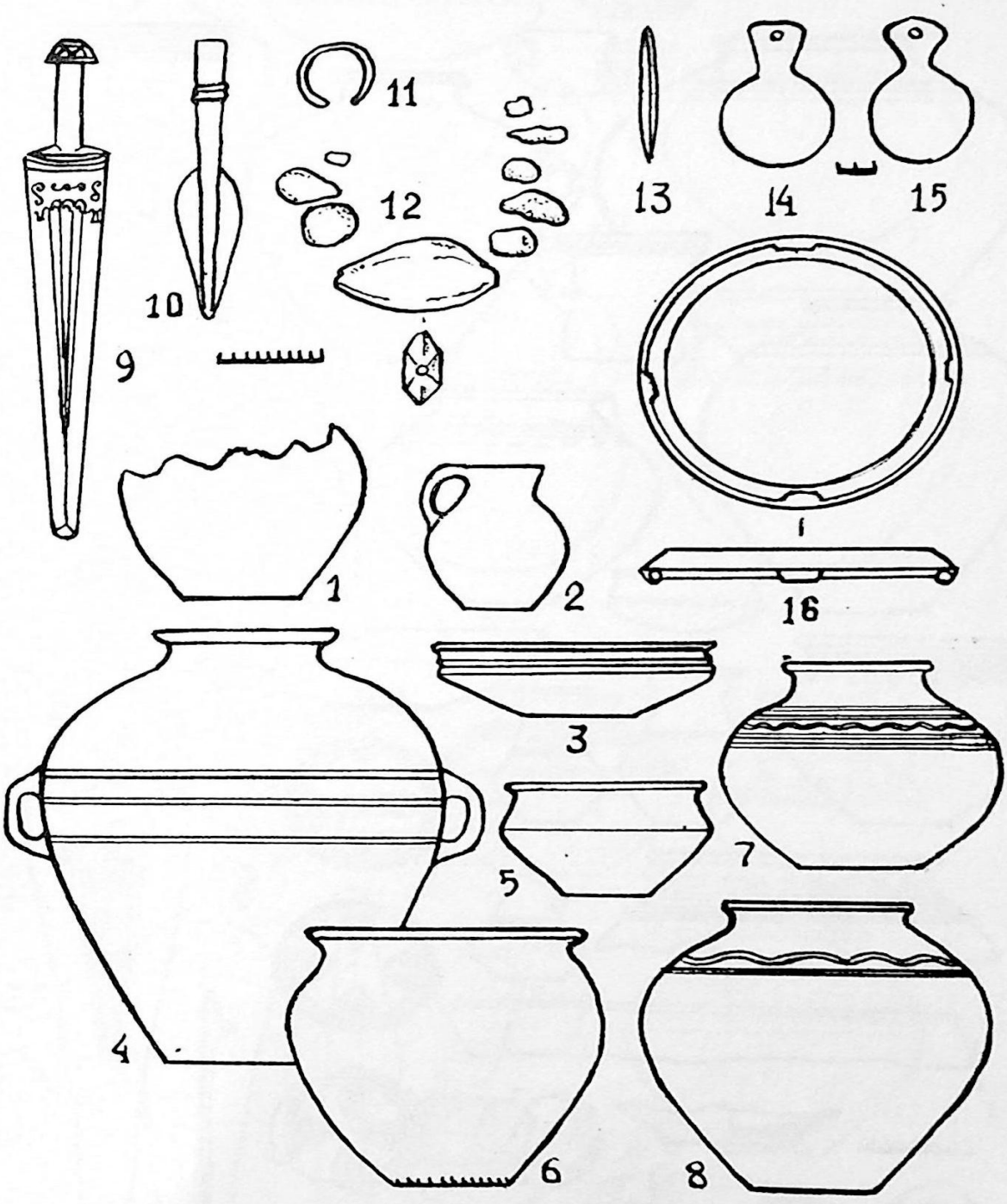

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

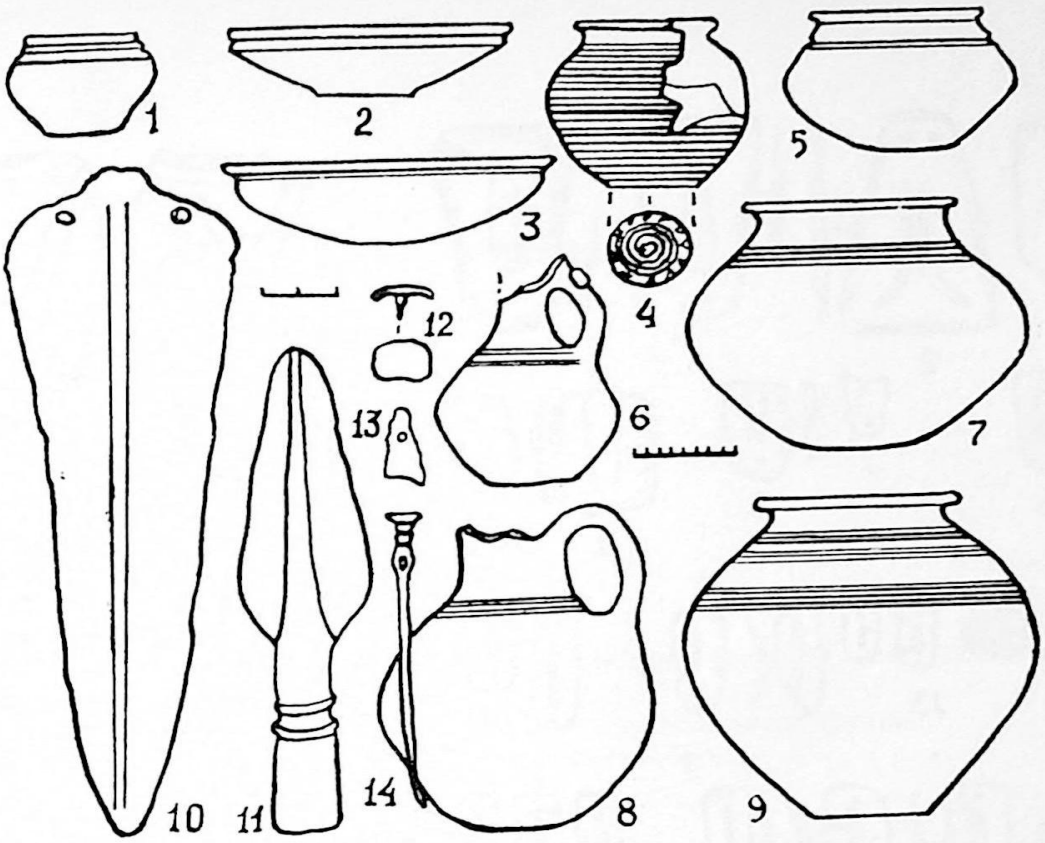

15
16
17
18
28
25
26
27
19
20
21
23
24
22
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14


11
12
1
2
3
4
5
6
7
8
9

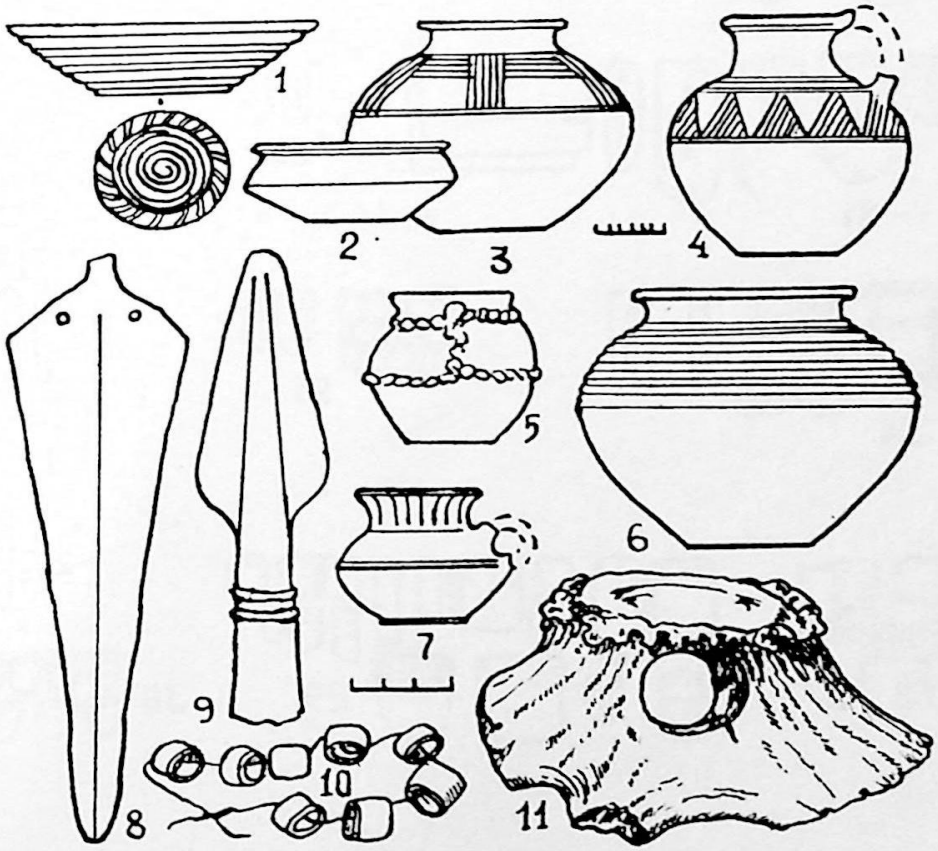

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
19
20

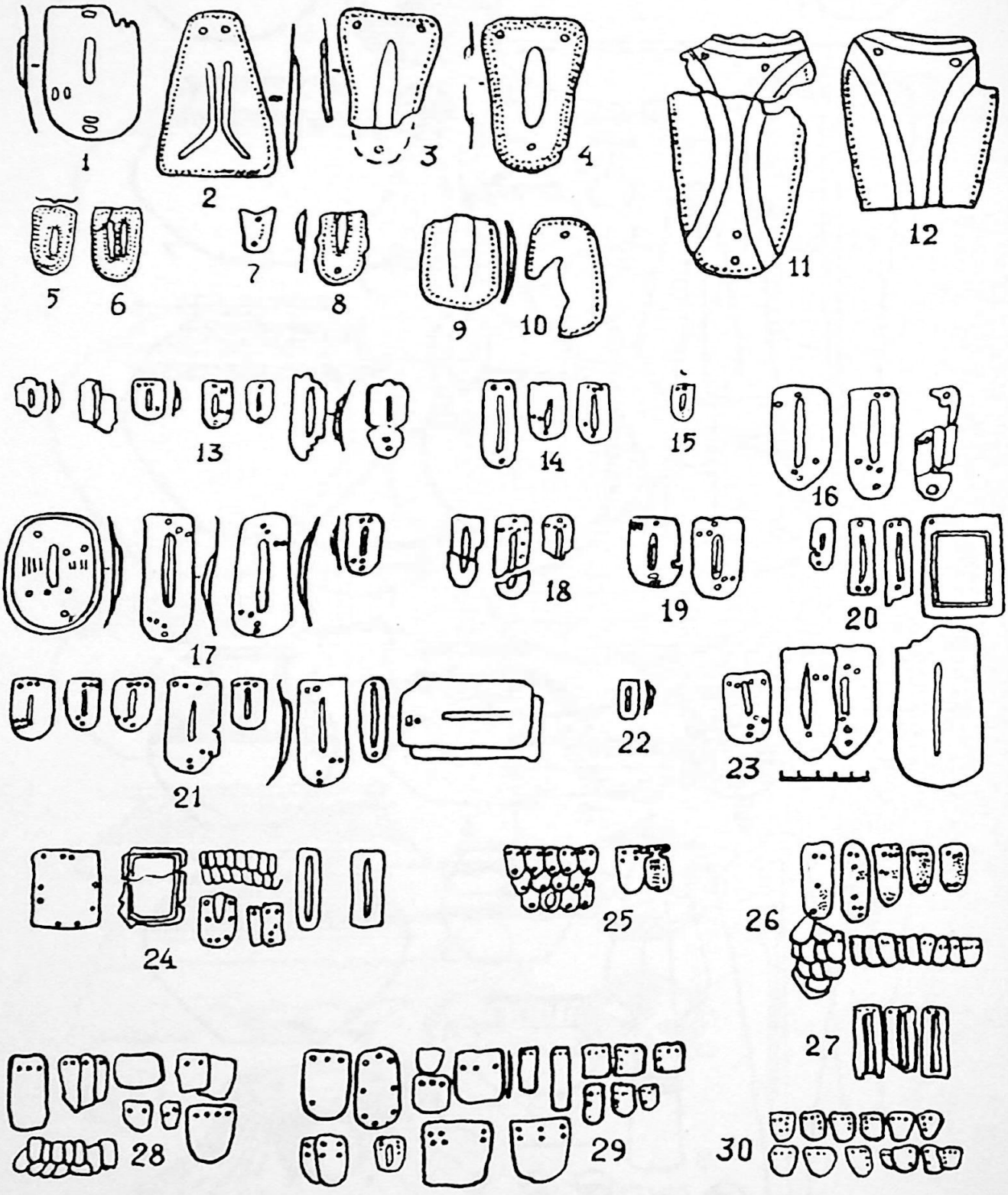

11
12
13
14
15
10
9
1
2
16
3
4
5
7
6
8



a



б


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Быт и хозяйственная жизнь 9
§ 1. Поселения 9
§ 2. Могильники 22
§ 3. Металлургия и металлообработка 31
§ 4. Гончарное дело 36
§ 5. Различные отрасли ремесла 42
§ 6. Земледелие и скотоводство 44
§ 7. Обмен и торговля 48
§ 8. Духовная культура 50
Проблема взаимосвязи культур эпохи средней и поздней бронзы и итоги исследования позднебронзовой культуры 59
§ 1. Переходной период от эпохи средней к эпохе поздней бронзы 59
§ 2. Исследования памятников эпохи поздней бронзы 88
Библиография 140
Список сокращений 154
Описание таблиц 155
Описание таблиц на английском языке 157
Таблицы 159

CONTENTS

Preface 5
Mode of life and economy 9
§ 1. Settlements 9
§ 2. Cemeteries 22
§ 3. Metallurgy and metalworking 31
§ 4. Pottery 36
§ 5. Different branches of trade 42
§ 6. Agriculture and cattle-breeding 44
§ 7. Exchange and commerce 48
§ 8. Culture 50
The problem of relations between Middle and Late Bronze Age cultures and the results of investigations of Late Bronze Age culture 59
§ 1. The transitional period from MB Age to LB Age 59
§ 2. The investigation of LB Age monuments. 88
Bybliography 140
Abbrivations 154
Description of Tables 157
Tables 159

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

ИБ 906

Редактор издательства Ц. В. Тодуа
Техредактор Ц. В. Камушадзе
Художник В. С. Хмаладзе
Корректор О. О. Гигинейшвили

Сдано в набор 10.5.79; Подписано к печати 5.12.1979; Формат бумаги 70×108 1/16; Бумага № 1; Печатных л. 17,2; Уч.-изд. л. 16,5;
УЭ 01284; Тираж 1500; Заказ 1726;

Цена 2 руб.

გამომცემლობა „მეცნიერება". თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ. 19

Издательство «Мецниереба». Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
Типография АН Груз. ССР. Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

Константин Николаевич Пицхелаури

ВОСТОЧНАЯ ГРУЗИЯ В КОНЦЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА